АЛЕКС САВЧЕНКО & БЁРТ ДЖЕННИНГС

КИБЕРСАЙД

Войди в кибермир. Принеси с собой кошмары

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Они прибыли сюда, чтобы начать жизнь с чистого листа. Но Система предъявила свои права на землю, на которой жили существа, извратившие ее код. И забрала назад то, что ей принадлежало. Чтобы теперь все сделать правильно. На периферии новой цифровой реальности наемник Молчун Джеймс Рейнольдс и Ведьма Матильда стремятся разгадать, как устроен искусственный интеллект в этом мире. Противники в прошлом, теперь они на одной стороне.

- Алекс Савченко, Берт Дженнингс
  -
  - 1. Молчун
  - 2. Ведьма
  - 3. Трафик
  - 4. Работорговцы
  - 5. Полулюди
  - 6. Охана
  - 7. Вавилон
  - 8. Охота
  - 9. Башня
  - 10. Сделка
  - 11. Небыляндия
  - 12. Заблуждения
  - 13. Дорога
  - 14. Шпиль
  - 15. Перепутье
  - 16. Шахматы
  - 17. Нью-Джерси
  - 18. Изгои
  - 19. Анклав
  - 20. Подземелье
  - 21. Во тьму
  - 22. Откровения
  - 23. Post mortem
  - Благодарности
- notes
  - 1

Алекс Савченко, Берт Дженнингс
Киберсайд

Моей семье: прекрасной жене Виктории и сыну Кириллу за их любовь и понимание; «большой» семье из Epic Game и всей игровой индустрии, которая всегда была неисчерпаемым источником вдохновения.

А также моей хорошей подруге Алисе, которая однажды сказала, что мне не нужно ничего бояться. И я перестал бояться.

Алекс

Отцу, который привил мне любовь к чтению.

Берт

Aleksey Savchenko, Bert Jennings
CYBERSIDE

Copyright © 2018 Aleksey Savchenko

© Тишкин В.Д., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1. Молчун

Молчун стоит на перепутье, смотрит на долину внизу и подумывает снять свою поношенную пыльную куртку, которая уже давно для него как вторая кожа. Хоть солнце начало скрываться за горизонтом, все еще печет.

Что необычно.

Наверняка побочный эффект перегруженной сети или, может, часть неисправного кода. Но как ни крути, что-то не так. На такой глубине Киберсайда детали обычно упускают. Сколько, например, людей вообще в курсе существования местного сонного поселения? Укрытый среди холмов скромный городок и первого-то взгляда едва удостаивается, не говоря уже о втором. Молчуну думается, что в этом, может быть, и суть.

Теплый ветерок взъерошил черные пряди волос, выбивающиеся из-под широких полей его шляпы. Одной рукой он надвигает широкий край на самые брови, а другая держится начеку подле револьвера пониже бедра. Скользя пальцами по отполированным патронам, Молчун пересчитывает оставшиеся, а его глаза просматривают открывшийся перед ними интерфейс. Довольный находкой, он движением головы отправляет экран прочь.

«Больше никаких ошибок».

Ветер усиливается, и облако информационной пыли кружится в раскаленном воздухе, образовывая песчаную бурю. Он смотрит, как поток отбракованных данных вихляет в сторону спокойной долины внизу. Невзрачные деревянные домики и скромные коттеджи возвышаются над главной улицей в компании магазинов и лавок напротив местной речушки. Даже издалека видно, что в этом мирном уголке подозрительно тихо.

Этот райский сельский городок, предназначенный в первую очередь для больших семей, некогда притягивал посетителей Киберсайда, готовых обустроиться вдали от шума и гама перенаселенных городов реального мира. Очарованные мечтой о простой жизни, поселенцы прибывали толпами в надежде начать жизнь с чистого листа.

Какое бы простецкое счастье ни искали те люди, над этими землями явно повисла мрачная пелена; сейчас городок остался лишь безмолвным надгробием резко сократившемуся населению. Собранный на небольшом кластере сетевых узлов на сервере где-то в реальном мире, теперь городок отражает лишь тень раскинувшегося сгенерированного мира под названием Киберсайд. Как и само это местечко, Киберсайд был если не

мечтой несбывшейся, то, по крайней мере, никуда не годной.

– Так, пора с этим покончить, – пробормотал Молчун себе под нос.

По мере приближения к городку его ветхий вид становится еще более очевидным. Одна из колоний раннего периода Киберсайда, это место вместе с другими подобными должно было стать пристанищем человеку вдали от умирающей планеты, цифровым убежищем и настоящей утопией. И она же была обречена покоиться среди руин.

Где-то над головой прокричал ястреб. Молчун прищурился, глядя на небо: «Мы и в новый дом принесли с собой кошмары».

Со звуком коммуникатора он вновь обратил свой взгляд на дорогу. Остановившись, чтобы сдвинуть очки поближе к переносице, он принял сигнал и просканировал интерфейс Местности.

– Местность 26–5, это Джеймс Рейнольдс, запрашиваю доступ.

Звук его настоящего имени, даже из собственных уст, по-прежнему заставляет его поморщиться. Эта информация, с существованием которой он неохотно мирится, путешествуя по различным Местностям, вечно напоминает о прошлых делах. Сейчас все называют его Молчуном – одним из тихих, безжалостных и эффективных наемников, которые блуждают по Киберсайду. Само слово «молчун» еще имеет кое-какой вес в этом цифровом мире, который быстро скатился в новый Дикий Запад.

Такие, как он, живут, не зная дома, берутся за любую работу, никогда не задают вопросов – и держатся особняком. Этот путь выбирают немногие, но для Джеймса это именно то, что надо.

Размышления о выбранном пути прервал тихий женской голос, лишенный всякого акцента, каких-либо красок или малейшего намека на диалект:

– Мистер Рейнольдс, добро пожаловать в Местность 26–5, известную местным жителям под именем Хоумстед. По нашим данным, кажется…

Молчун прерывает программу:

– Да-да, ваши данные верны, у меня нет постоянной привязки к Местности. Я просто оповещаю о своем запросе на временное посещение. – Он уже не раз слышал этот разговор и выучил его наизусть. Он методично отвечает на ряд вопросов, скопившихся один за другим в Программе Местности: – Причина посещения: личное дело. Предполагаемая длительность посещения: менее суток. Род деятельности: Молчун. Ранее данную Местность не посещал.

«И, надеюсь, никогда сюда не вернусь», – подумал он про

себя.

Он окидывает взглядом городок с расстояния, ожидая ответа. После короткой паузы задумывается о том, не сбила ли с толку объемом информации устаревшую программу его вызубренная скороговорка. В конце концов женский голос отвечает:

– Спасибо за предоставленную информацию, Джеймс Рейнольдс. Добро пожаловать. Позвольте согласно действующему протоколу пожелать вам приятного пребывания в Хоумстеде. Если у вас имеются какие-либо вопросы, у меня есть доступ к более чем тридцати невероятным туристическим…

– Какие у вас тут правила насчет индексации?

И еще одна долгая пауза. По всей видимости, находящийся вдали от цивилизации интерфейс устарел больше, чем он предполагал.

– Мистер Рейнольдс, довожу до вашего сведения, что в связи с существующими правилами вы будете прикреплены к данному региону в течение суток после пересечения границы.

Разочарованно вздохнув, Молчун задал следующий вопрос:

– Ограничения и требования?

Он напрягается в ожидании ответа, и бесплотный, утомительно вежливый голос сообщает информацию, которая грозит ему далеко идущими последствиями:

– Вам запрещено покидать границы Местности без особого разрешения из Центра Западного побережья. Во время ожидания смены статуса вы будете подчиняться всем местным постановлениям и распорядкам. После прикрепления к Местности вы будете обеспечены необходимыми условиями проживания и предусмотренной профессиональной занятостью согласно требованиям настоящей Мест…

– Вопросов больше нет.

Голос продолжает вещать, но он уже закрыл интерфейс.

Предупреждение об индексации едва ли его удивило. Индексация на добровольно-принудительной основе в целях сохранения населения по местам – или, если точнее, по тем местам, где это важно верхушкам власти Киберсайда, – неприятное последствие Войны за трафик. В деталях процесс отличался от одной Местности к другой, но повсюду базировался на одном и том же принципе: торчишь на территории без надлежащей лицензии (как правило, хватало и суток) – значит, застрянешь там надолго. Молчун переключил интерфейс, чтобы увидеть границу индексации Местности 26–5.

Мир вокруг него изменил цвета на квелый зеленый, пока он копался в настройках. На расстоянии десяти метров на дороге, идущей со склона в город, он заметил пульсирующие,

пунктирные линии, которые охватывают территорию и уходят вдаль, растворяясь в воздухе. Нахмурившись, он вернул настройки к норме – и мир снова окрасился в алое и золотое, умытое всеми цветами заката.

Молчун, человек без индекса, привык к жизни на ходу, которая состоит из перемещений из одной точки в другую, от Местности к Местности, от контракта до контракта. Он продолжил свой путь вниз по холму, так и не поняв, где именно пролегает граница Индексации.

«Принудительная индексация» – от одной мысли об индексации рот наполнился горечью. Получить постоянный адрес – и тем самым отказаться от любых вариантов перемещения по Киберсайду – точно не вариант. Плюс ко всему, там, где индексация, там и чужие правила. И, как подсказывал опыт, бóльшая часть воротил цифрового мира не держали благополучие своих подданных в приоритете. Как и другие оставшиеся в живых Молчуны, Джеймс сводил концы с концами, жил на периферии виртуальной инфраструктуры Киберсайда и исправно выполнял заказы, какими бы сомнительными они ни казались. Люди вроде Молчунов, обладающие свободой перемещения, всегда были на вес золота – по крайней мере, пока. Оттого он, в общем, и оказался на отшибе этого тихого городка в поисках чудовища.

Молчун снова проверил кобуру, то вынимая оружие, то опуская его снова внутрь, оценил гладкость движения. Довольный результатом, он потянулся к нагрудному карману и извлек оттуда помятую пачку сигарет. Внутри всего три штуки. Он поднес пачку к губам, достал сигарету и раскурил ее. Медленно затянувшись, Молчун прикрыл глаза и позволил дыму наполнить легкие. Никотиновая дымка столь же иллюзорна, как и все вокруг, но согревает тело не хуже настоящей. Привычка из прошлой, докиберсайдовской жизни, но даже в этой полномасштабной симуляции бытия от старых привычек бывает трудно отказаться. Можно сказать, это один из пережитков прошлой жизни, которые заставляли его чувствовать себя живым.

Потянув спину и хрустнув суставами, он выдвинулся в путь. Остановившись на мгновение напоследок, пересек границу индексации, и звон в ушах слился в единый звук с тонким писком часов. Глянув на них, Джеймс увидел время: у него есть всего двадцать четыре часа, и обратный отсчет уже пошел. Он недовольно стиснул зубы и решил не сбавлять темпа. У подножья холма он прошел мимо старинного, сбитого знака с осыпавшейся краской: «Добро пожаловать в Хоумстед». Затушив сигарету, он выдохнул и запустил бычок в деревяшку.

В окрестностях Хоумстеда тихо и безлюдно. Одинокая коза

жует траву у заброшенного здания. Молчун задерживает дыхание, пытаясь отогнать от себя лишние мысли. С каждым шагом он тревожит пыль под ногами: холодные, измельченные и когда-то важные файлы и документы теперь обратились в частицы, лишь парящие в воздухе и опускающиеся на раскаленную землю слоями омертвелых данных. Многие верят, что у данных якобы нет срока давности, но это всего лишь миф. В отсутствие педантичного, беспрестанного контроля за данными – и часто даже вопреки ему – все рассыпается в прах. И удаленные файлы оставляют за собой следы. От праха данных не скрыться даже в Киберсайде. Эти колоссальные объемы пыли и грязи, окружающей и пронизывающей город, не только неестественны, но и крайне неприятны на вид.

К тому времени, как Молчун дошел до главной улицы, солнце уже почти скрылось за холмами, отбрасывая длинные резкие тени на окружающие здания. Дальше по улице откуда-то доносится какой-то чудной народный напев. Вдруг мелодия сменяется музыкой старинной группы, существовавшей до Киберсайда, Creedence Clearwater Revival. Как принято, Система более-менее верно определяет музыкальные предпочтения и ставит на воспроизведение песню «As Long as I Can See the Light». Он остановился на мгновение, пытаясь осознать перемену. Система – это автоматизированная административная сеть, управляющая Киберсайдом. В решении заменить музыку по вкусу Джеймса нет ничего странного, но музыка по-прежнему отвлекает. Отвлечешься раз-другой – и тебе крышка.

Определив источник музыки, Молчун направился к салуну. Переступив за порог заведения, он сразу окинул взглядом завсегдатаев. Салун салуном, ничего необычного. Американский пастиш на европейский лад. В отделке дикой смесью сочетаются традиционные немецкие мотивы пивнушек и южанские пасторальные, чествуя сотни и сотни строчек истории города – истории, которой никогда не было.

Уморившаяся, неприглядная официантка подала холодное пиво супружеским парам. Две девушки ведут тихую беседу за отдельным столиком на углу, а подросток с другого конца зала не может отвести от них взгляд. Матерый фермер без особой радости жует закуски со своей тарелки.

Стоит только Молчуну переступить порог салуна, как воздух заряжается тревогой, страхом, дурным предчувствием. Не обращая внимания на взгляды исподтишка с разных сторон зала, он уселся за стойкой и позвал официантку.

– Как оно, милая? Как освободишься, не откажусь от кружки кофе.

Слегка помедлив, официантка налила ему горячую черную жидкость.

– Спасибо. – Он поискал взглядом сахар и окинул взглядом других посетителей.

Пожилая женщина вяжет за столиком в углу, и ей, кажется, нет ни до кого дела. Трое молодых парней сидят у барной стойки, потягивая пиво, хотя по виду им едва ли стукнуло восемнадцать. Мужчина в огромной ковбойской шляпе сидит за отдельным столиком и передвигает пустую тарелку по столу. Эти люди даже не пытаются замаскировать свое инстинктивное недоверие ко всему вокруг, и Джеймсу не хочется их в этом винить. Учитывая горы информационной пыли на улицах, дела в Хоумстеде явно не задались.

Тот, что в большой шляпе, встал и подошел к стойке. Молчун на всякий случай примерился к приближающейся фигуре. В ковбойской походке видится большой начальник, но его наряд всем своим видом словно кричит: карикатура. Мультяшная огромная шляпа, гигантская блестящая пряжка на ремне и звонкие шпоры на сапогах.

Молчун едва сдержал улыбку, попивая кофе, а мужчина уселся за стойку рядом с ним. Он снял свою шляпу и поставил ее рядом с кружкой Молчуна, после чего жестом подозвал официантку.

– Долорес, будь душкой, налей мне как обычно, – после чего повернулся к Молчуну. – Здоро`во, незнакомец. Меня звать Оливер Дэй. Не против, если я посижу рядом?

Не дожидаясь ответа, мужчина устроился поудобнее.

– Я тут шериф, если что, и раз уж у нас гостей особо не бывает, подумал, дай самолично поприветствую тебя в Хоумстеде.

Даже не глядя на него, Молчун чувствует, что шериф внимательно его изучает.

– Благодарю, шериф.

– Не стоит… но вообще, что это за знакомство такое, если мы оба не представились? – Шериф аккуратно отложил шляпу от кружки Молчуна, скользя ею по стойке. – И коль скоро ты узнал мое имя, думаю, и твое было бы славно узнать.

Молчун сделал еще глоток, раздумывая над тем, каким именем представиться: настоящим или названным? И то и другое по-своему выгодно; он снова обвел зал взглядом и понял, с какого из них проще начать.

– Джеймс.

– Джеймс?..

– Просто Джеймс, – он наконец повернулся лицом к мужчине. – Я ценю радушный прием, Оливер. Если будет проще,

проверь регистрацию с помощью Программы Местности. По профессии я Молчун. Так что ты должен понимать, что я не любитель близких контактов.

Долорес трясущимися руками, чудом не расплескав бурбон, поставила бокал на стойку. Не отрывая взгляда от чужестранца, Оливер ее поблагодарил. Джеймсу показалось, что шериф попытается раздобыть информацию с помощью той же самой программы, на которую он сам наткнулся чуть ранее.

– Ладно, слушай… «просто Джеймс». У нас тут спокойный городок, надеюсь, так оно и останется. Нам не нужны проблемы от вашего рода наемников. Следи за собой, пока здесь, и у нас с тобой проблем не будет.

Молчун снова перевел взгляд на кружку с кофе. Он беседует с шерифом лишь уголком рта.

– Интересно получается, Оливер. До меня дошли слухи, что у вас тут в Хоумстеде дела дрянь. Я бы сказал, для такого мелкого городка, как у вас, вы хлебнули проблем. – Он сделал паузу и только затем продолжил: – Нет, понятное дело, я не называю тебя лжецом. Скорее предлагаю по-свойски обсудить те проблемы, которые у вас еще пока не возникли.

В салуне повисла тишина.

Джеймс спокойно пьет кофе, зная, что угодил в точку. Он бросает взгляд на огромное зеркало, висящее позади барной стойки, и видит, что завсегдатаи местечка упорно и пристально изучают свои блюда и напитки. Неожиданное отсутствие галдежа – неоспоримое доказательство того, насколько внимательно они следят за беседой городского шерифа и таинственного незнакомца.

Оливер же явно терял над собой контроль.

– Что же, Джеймс, не так уж ты и не прав. Вообще говоря, если ты и вправду один из Молчунов, то этому городку пригодился бы кто-то с твоим опытом и знаниями.

Не упустив возможности, Джеймс помахал официантке.

– Долорес, верно? Угостите меня тем же, что пьет мой собеседник. – И в считаные секунды свежий бокал и полбутылки бурбона приземлились рядом с ними.

Опрокинув пару бокальчиков, шериф пустился в объяснения относительно проблем городка:

– Некоторое время назад мы заметили нечто странное, но не могли понять, в чем же дело. Когда поняли… что же… скажем прямо, надеюсь, у тебя есть опыт охоты на чертей, Джеймс?

– Плавали, знаем, – ответил Молчун и медленно, никуда не торопясь, отпил бурой жидкости. – Последний раз я был в такой глуши в Местности 24–9.

Оливер нахмурился, не отрывая взгляда от своего бокала.

– Боже правый, 24–9? Тот случай в Бейкерсфилде? Насколько я знаю, немногие из ваших выбрались живыми из того дерьма.

По правде говоря, Джеймс удивился, что вести об этом дошли до такой глуши, да и сам он помнил не больше нужного. Он уставился в свой бокал.

– Ну да.

– Черт подери, – не веря своим ушам, продолжил Оливер. – Но все же вам удалось вынести последнее гнездо Стайки Крыс. Это уже что-то. Твой приезд, похоже, то, что нам нужно. Можно сказать, мы знаем, что именно лишило нас покоя, Джеймс. Где-то там мечется… *Ведьма*.

Услышав это слово, Молчун не подал виду, но почувствовал, как волосы встают дыбом. В его голове пролетают дюжины образов, картин, и он не рад ни одной из них. Эти опасные мутации появились на свет, когда человечество впервые загрузило свое коллективное сознание в цифровой мир. Ходячий баг, обращающий людей в чудовищ.

Давным-давно, в настоящем мире эти создания также были известны под именами «суккуб» или «вампир». В Киберсайде «Ведьма» – это сокращение от их колдовской способности проникать сквозь барьеры жертвы и высасывать их жизнь, личность и навыки. Когда Ведьма наедается досыта, от жертвы остается лишь пыль.

А в этом городишке пыли было выше крыши.

Джеймс отвлекся от своих мыслей и осознал, что Оливер все это время продолжал болтать:

– Поначалу людей пропадало мало, это происходило спонтанно, но вскоре начали исчезать целые хозяйства. Мужчины, женщины, дети исчезали под покровом ночи. Мы искали их повсюду, но так никого и не нашли.

– И с чего вы взяли, что это Ведьма? – Джеймс отпил еще немного.

– Понимаешь, вот в чем штука, – Оливер помотал головой. – Мы-то думали, что это налетчики, но не обнаружили ни следов борьбы, ни потасовки на ранчо. Отверстий от пуль, поломанных замков тоже не было. Только чертова пыль. Такое ощущение, что…

– …эту тварь были рады пустить внутрь. Да, похоже на Ведьму. Но все-таки мне кажется… – Молчун намеренно не закончил предложение, подливая себе еще бурбону.

Как он и думал, все остальные подслушивали их разговор. Пожилая леди вдруг закричала:

– Вам приходилось встречаться с Ведьмами? Это правда, что

про них болтают?

Прежде чем ответить, Молчун выдержал паузу, раздумывая, насколько ужасен бурбон на вкус. Затем поразмыслил над тем, как бы лучше ответить на вопрос. Оглядевшись по сторонам, он пришел к мысли, что паника только ухудшит положение. В его голове уже созрел план.

– Зависит от того, что вы о них слышали. Все Ведьмы разные. Это… – Молчун подумал, каким термином лучше воспользоваться: – …существо обычно принимает личину симпатичного человека либо беззащитного создания. Не знаю. Может быть, перед тем, как исчезнуть, ваши местные видели раненого подростка или заблудившегося ребенка. Они пользуются вами, заставляют пригласить их внутрь.

– Но что они делают-то? – донесся нервный голос. Люди реагируют как нужно, и Молчун продолжает:

– Бывает по-разному. Получив доступ, Ведьма будет пытаться обмануть вас и ваших близких фальшивой искренностью. Ей даже не нужно уничтожать защитные барьеры человека, его фаерволы: вы сделаете это своими руками. Тем временем существо попытается взломать ваши персональные логи, откуда оно будет черпать информацию, с помощью которой будет и дальше вас мучить. Ведьма хочет, чтобы вы от нее эмоционально зависели, – слова застревают в горле Джеймса.

– Выходит, оно жрет человека изнутри, – прошептала напуганная Долорес.

Понизив голос так, чтобы только Оливер мог его слышать, Молчун пробормотал:

– Послушайте, шериф, может быть, продолжим этот разговор в другом месте…

– Нет, Джеймс. – Шериф подлил себе еще бурбона. – Люди имеют право знать, что случилось с их товарищами.

Понимая, что все внимание сосредоточено на нем, Джеймс в итоге продолжил:

– Как только Ведьма эмоционально поглощает жертву, она заражает данные вирусом, который еще больше усиливает связь между паразитом и жертвой.

Молчун допил остатки своего напитка, и шериф повторил за ним.

– В конечном счете ты настолько погружен, что даже не замечаешь финального штриха Ведьмы. Как только все преграды пройдены, она питается твоей жизненной силой, разбирая на части и пожирая все, что делает тебя тем, кто ты есть.

Тишина, видимо, означает, что он малость перегнул. Джеймс подождал реплики Оливера.

– Я так понял, дружище, что ты назубок знаешь этих… тварей. Славно, что ты все же пожаловал к нам. Но как избавиться-то от этой напасти?

Молчун похрустел костяшками пальцев.

– Из опыта могу сказать, что пули отлично делают свое дело.

Позволив словам осесть в помещении, он решил действовать: встал, кинул пару жетонов на стойку – под недоуменные взгляды людей.

– Погоди, а ты куда собрался?

Молчун благодарно кивнул официантке и повернулся к Оливеру.

– Я? Собираюсь разбить лагерь за городом. Я так понял, у вас тут проблемы с Ведьмой. Я-то просто мимо проезжал.

Стоило ему направиться к выходу, все вокруг словно взорвались. Сбитый с толку Оливер, теперь уже слегка пошатываясь, выбежал за ним на улицу.

– Какого дьявола, Джеймс? Я думал, ты пришел помочь. Это все из-за денег? Наш город, может быть, и не велик, но с миру по нитке наскребем достаточно, чтобы нанять Молчуна.

Джеймс остановился и посмотрел в остекленевшие глаза шерифа.

– Все так, я пришел помочь. Но я кое о чем умолчал: Ведьма может принять вид любого, кого она поглотила. – Он на мгновение задержал взгляд на шерифе. – Любого.

Молчун выждал, пока Оливер обрабатывал поступившую информацию. Шериф не смог скрыть ужаса, который, по крайней мере, выглядел вполне искренне. Джеймс взял это на заметку.

– Хочешь сказать, что кое-кто из тех ребят?.. – Он показал большим пальцем себе за спину.

Наемник поднял руки ладонями наружу.

– Все может быть. И даже если я не прав, не хочу сеять панику.

Оливер покачал головой и показал на салун.

– А я и впрямь чуть не повелся, Джеймс! Да все там с ума уже посходили! Как мне теперь потушить это пламя и удастся ли мне вообще?

Джеймс пожал плечами.

– И не надо. Пусть говорят. О Молчуне, который прибыл в город. Еще скажи, как ты уломал меня помочь решить вашу маленькую проблему. И убедись, что эти слова пошли в народ. Я хочу, чтобы это существо знало, что я здесь ради него.

Шериф наморщил лоб, пытаясь справиться с действием бурбона.

– Погоди, ну да… нет, я понял. Вроде понял. А что по поводу

твоего гонорара?

Собеседник обдумал вопрос Оливера. Этот вопрос беспокоил его с тех пор, как он заговорил с законником.

– Оливер, я уже заключил контракт. Я так понял, что задание прилетело от кого-то сверху. В этом городе есть мэр?

На лице Оливера появилось еще большее смятение.

– Что? Бред какой-то. Может, мэр и в самом деле связался с тобой, но он исчез несколько недель назад. Насколько мне известно, никто так и не объявился.

Молчун нахмурился. Раньше он, бывало, заключал контракты, не задавая вопросов, но с этим делом с самого начала все пошло не так. Шериф уже должен был быть в курсе, что Джеймс приедет. Но все-таки где-то здесь рыщет Ведьма…

– Хм… ясно. Ну, похоже, кто-то за вами приглядывает. Возвращайся внутрь и занимайся своими делами, Оливер.

Шериф Хоумстеда остановился на полпути к пабу и развернулся.

– Погоди-ка, откуда ты знаешь, что Ведьма – это не я?

Не оглядываясь, Молчун направился к окраине города.

– Я и не знаю, – бросил он через плечо. – Но если ты – Ведьма, то наверняка захочешь защитить свои владения. Если что, ты знаешь, где меня найти.

К тому времени, как он добрался до места назначения, уже стемнело. Молчун подошел к заброшенному зданию на окраине города и предположил, что оно принадлежало одной из жертв Ведьмы. Он навалился всем своим весом на дверь, и та поддалась. Внутренне он готовился к неизбежной встрече.

Передвинув мебель, Джеймс собрал несколько деревяшек и разжег камин. Он развернул свой спальный мешок, спрятал в нем пистолет. Пришло время игры в ожидание. Он уселся и начал греться у ревущего камина. Пламя поглощало дерево, и его мысли начали блуждать. Он смотрел, как пляшущие языки пламени отбрасывают тени на соседнее кресло со сломанной ножкой, которое льнет к огню в надежде хоть как-то согреться в этом безжизненном жилище. Джеймс зевнул и оглядел остальную часть комнаты, стараясь не уснуть. В выцветших обоях ему что-то показалось знакомым – рисунок в виде старой морской карты; на ней изображен Старый мир во всех его деталях, а вот грани Нового мира испещрены морскими гадами и русалками. Джеймс уже видал их прежде в прежней памяти, которой он ныне сторонится. Веки все тяжелели, и память взяла над ним верх.

* * *

Он уже видел это раньше. Бесчисленное, мучительное множество раз. Его сын, Тимоти, рьяно пытается разбудить его, а Джеймс делает вид, что не слышит. Еще одна бессонная ночь на работе, еще одна жесткая запара перед дедлайном на текущем проекте. Но как объяснить это ребенку?

– Пап, пап, пап! Эй, пааааап!

Тот же Джеймс Рейнольдс, только слегка моложе, открыл глаза и увидел расписные обои своей спальни. Морские гады и русалки пялятся на него в ответ. Джеймс по-прежнему удивлен, что жена разрешила их оставить. Он потер свои покрасневшие глаза, затем оглянулся и увидел щербатую улыбку сына. Часы на ночном столике насмешливо на него поглядывают: он проспал всего четыре часа.

– Где твоя мама? – спрашивает Джеймс.

– Забрала Ниндзя на прогулку. – Тимоти в восторге от того, что его отец наконец проснулся. И чтобы продолжить празднование победы, он принялся скакать по его кровати. – Она пыталась тебя разбудить, но ты не откликался, только храпел в ответ. Ты так все на свете проспишь, пап.

Усмехнувшись при мысли, что он «поспал», Джеймс сонно вылез из-под уютного одеяла и потянулся. Открыв ящик тумбочки, Джеймс вытащил оттуда банку «Ред Булла» и одним глотком выпил половину.

Тимоти с неодобрением покосился на банку и как ни в чем не бывало произнес:

– А мама говорит, что это дерьмо собачье.

– Я в курсе, – улыбнулся Джеймс, – но порой взрослым нужно чего-нибудь выпить, чтобы проснуться. – Он едва смог встать. – И не выражайся мне тут.

В ванной ледяная вода заструилась по лицу, а эффект от энергетика разлился по телу. Шестеренки и реле в его голове включились в процесс.

Тимоти встал рядом с отцом и нетерпеливо на него уставился:

– Пап, давай быстрее. Ты же говорил, что мы сегодня пойдем гулять по парку.

Измученное отражение Джеймса смотрело ему прямо в глаза. Он шумно выдохнул.

– Тим…

Тиму отлично знаком этот тон.

– Но ты обещал!

Неохотно Джеймс опустил взгляд в пол.

– Я знаю, малой, но папе нужно снова на работу. Все остальные продолжают работать не покладая рук…

Не дослушав Джеймса, Тим выбежал из ванной комнаты. Устало следуя за ним, он увидел, как тот выбежал за порог, на котором остановилась его жена Сара.

– Джеймс, мы же с тобой договаривались. Ты не можешь продолжать в том же духе.

К сожалению, Джеймсу отлично знаком этот ее тон, и теперь уже он хотел бы смотаться из комнаты так же беззаботно, как его сынишка. Помотав головой, он направился прямиком к шкафу, не ввязываясь в перепалку. Это жене не нравится, и она перехватывает его.

– Не позволяй им так с собой обращаться. Они не могут продолжать пользоваться тобой и дальше.

Джеймс натянул рубашку через голову.

– Сара, я ведущий программный инженер. У меня есть определенная ответственность перед…

Это прозвучало неправильно, и Джеймс практически сразу пожалел, что выразился именно этими словами.

– Ответственность? У тебя перед семьей ответственность. Он твой сын, а я твоя жена!

Из коридора слышно, как громко хлопнула дверь в комнату Тимоти. Усталый, голодный и побежденный, Джеймс прошел мимо жены и направился к выходу. Он и так уже опаздывает. Как только он пересек порог, золотые солнечные лучи благостно погрузили его разум во тьму цифровой пустоты.

2. Ведьма

Молчун не понял, как уснул, и уже проклинал себя, с осторожностью открывая глаза. Гаснущие угольки отбрасывают багровый отсвет на стены, и глазам потребовалось еще несколько секунд, чтобы прийти в себя.

Когда он наконец заметил тварь, каждая мышца его тела напряглась; Джеймс с трудом подавил инстинкт «бей-или-беги».

Ведьма приняла форму юной женщины, не старше двадцати лет. Крупные карие глаза пытливо изучали его из-под темных прядей. Грязная толстовка цвета хаки скрывает бóльшую часть фигуры, но стройные ноги свисают с ветхого прилавка, на котором сидит существо. Он не вполне уверен, почему оно не шевелится, поэтому тянется к пистолету, который должен лежать в спальном мешке.

Затем Ведьма заговорила. Каким бы себе ни представлял Джеймс ее голос, он все равно звучит иначе.

– Вау, Молчун, не гони. Не надо резких движений.

Существо наклонило голову набок и улыбнулось.

Сбитый с толку, Джеймс попытался осмыслить происходящее. Существо не напало на него, хотя и имело возможность. Он медленно присел, не прекращая вымерять взглядом расстояние между своим оружием и Ведьмой.

– Я все еще дышу, так что тебе явно что-то от меня нужно, тварь. Что именно?

Вопрос прозвучал прямо и грубо, и он не рассчитывал услышать ответ Ведьмы. Он всего лишь хотел выиграть время. Беглое сканирование внутренних систем показало, что фаервол и защитные программы не тронуты. Молчун поискал другие лакуны, но на поверку выяснилось, что все на своем месте. Его тревога усилилась, когда он снова увидел улыбку на ее лице. Как и у большинства Ведьм, у этой красивая улыбка – мощное средство, с помощью которого можно обезоружить жертву.

– Хороший вопрос. Не знаю, что и сказать. За последнее время ты самый интересный персонаж из тех, что посылали за моей головой.

Она покачала ногами туда-сюда, все еще вальяжно сидя на стойке.

– Хорошее представление ты устроил в баре. Та еще веселуха. Просто взял и вышел! Видел бы ты выражения их лиц.

Ведьма лениво оглядела комнату, но в ней особо нечего разглядывать.

– Так что… не знаю, не знаю… у тебя хватает мозгов, чтобы

понять, когда стоит закосить под дурачка, Джеймс.

Существо приподняло бровь.

– Джеймс же, верно? Или лучше Джим?

Прежде чем Джеймс успел ответить, существо посетило вдохновение:

– Я знаю! Буду звать тебя Джимбо!

Ее слова застали Джеймса врасплох, и он тут же перестал тянуться к спальному мешку.

– Нет. Не стоит меня так называть. Слушай, какого черта?..

Он услышал свой голос и похолодел внутри. Он заглотил наживку и уже включился в диалог. Молчун глубоко вздохнул, пытаясь взять себя в руки.

– Чего ты хочешь?

Ведьма закатила глаза с особым тщанием ради пущего эффекта.

– Боже, чувак, где же твои хорошие манеры? Мне приятно с тобой познакомиться, Молчун. Я, кстати, Матильда.

Существо подняло обе руки, показывая свою безоружность – по крайней мере, видимую. Одной рукой Ведьма указала на пол, соскользнула со стойки и мягко приземлилась на ноги.

– Я хочу, чтобы ты вспомнил: когда тебе предложили этот контракт, тебе ничего не показалось странным? Ну типа, стремным?

Молчуну не хочется следовать за ходом мыслей Ведьмы, вне зависимости от того, насколько безобидно это звучит, но все-таки кое-что не дает ему покоя с той поры, как он поговорил с Оливером. Он также поднял свои руки, затем медленно указал на свой нагрудный карман. Существо с одобрением кивнуло, и он большим и указательным пальцем вытащил оттуда мятую пачку сигарет, осторожно достал одну штуку и раскурил ее. Он ломает голову, пытаясь понять, не упустил ли чего, принимая контракт. Становится все более очевидно, что никто из городских его не нанимал; но кому еще есть дело до благополучия этой глуши?

Он начинает с самого простого предположения: местные фермеры добывают ресурсы не просто так, и было бы разумно полагать, что кто-то решил нанять его для защиты своих вложений. Впрочем, чем больше он раздумывает над пеленой тайны, окутывающей контракт, тем более скверно становится у него на душе.

В Киберсайде фермеры тратят свое время, обращая вычислительную мощность в расходные единицы вроде еды, стройматериалов или иных вещей, важных для экономической структуры Системы, – достаточно прямолинейная схема, изначально придуманная для того, чтобы вознаграждать новых

пользователей и пионеров первой волны, которые отправились отстраивать цифровой мир. Система ставила на первое место тех, чей труд был тяжелее прочих, и эта модель работала достаточно хорошо до тех пор, пока поселенцы не нахлынули целыми толпами. К сожалению, как и в случаях массовой миграции на протяжении всей истории человечества, высокие идеалы принесли в жертву жадности. По мере того как из-за экологических бедствий уровень жизнеспособности в реальном мире продолжал падать, все большее число людей начали переносить свое сознание в Киберсайд. Когда денежные мешки в конечном счете сдали свои физические тела, они и не думали отказываться от своих активов и влияния. Стоило им подключиться к сети, экономические протоколы Системы пошатнулись. Хакеры навязали феодальную иерархию, и рабочие мигом очутились на социальном дне. Киберсайд мог бы стать новым миром, мечтой во плоти, но скатился к знакомому всем порядку.

Джеймс посмотрел на свою сигарету. Длинный пепельный цилиндр зацепился за обгоревший кончик сигареты. Ведьма так и не отрывает от него взгляда.

Неожиданно Джеймс обнаружил, что его разум занят совсем не Ведьмой, а деталями контракта. Прокручивая данные, он заметил деталь настолько яркую, что поверить не мог, что упустил ее раньше. Маскировка была настолько хорошей, что большинство Молчунов вряд ли обратили бы на нее внимание. Кто-то подделал индексацию контракта таким образом, чтобы все думали, что заказ пришел из Местности 26–5, хотя на самом деле его спустили из одного опасного места в Киберсайде, с которым Джеймс уже был хорошо знаком.

Он произнес с отвращением:

– Вавилон.

И в сердцах щелчком отправил сигарету прочь, во мрак. Ведьма прямо засветилась от счастья и захлопала в ладоши с неторопливой наглостью, отточенной до совершенства.

– Ага. Наконец-то дошло-доехало. Если бы ты не был так охоч до склоки с еще одним монстром, ты бы заметил это гораздо раньше, Джим.

Ведьма даже не думает, что он может ее перебить.

– Слушай, я понимаю. Ты – наемник, который разбирается с багами и сбоями… скажем так, лицом к лицу. Но еще заметно, что у тебя явный комплекс добродетельности. Иначе ты бы не ввязался в ту заварушку в Бейкерсфилде. Черт подери, да ты поперся в такую даль, только чтобы помочь этому гиблому городку! Но ты хотя бы раз задумывался о том, чем ты вообще

занимаешься?

Джеймс продолжает слушать Ведьму… Матильду… со все возрастающим беспокойством. С каждым словом, с каждым новым байтом информации она завлекает его все больше и больше. Он слышит свои собственные предостережения, мысленно возвращаясь в салун Хоумстеда, – и не может разорвать свою собственную связь с существом перед ним. Но все, что она говорит, похоже на правду.

Матильда приподняла бровь и вновь очаровательно улыбнулась. Ее глаза проникают глубоко в его душу.

– А теперь главный вопрос, Джеймс. Зачем кому-то скрывать свою личность только для того, чтобы обманом заставить Молчуна убить Ведьму? Мы уже поняли: для того, чтобы усыпить твое доверие, многого не нужно.

Он поймал себя на том, что дергает правой рукой: вновь нервный тик, который, как он думал, давным-давно остался в прошлом.

– Не знаю, может быть, это все дерьмо собачье.

Ведьма ловко приподнимает уже другую бровь.

– Брось, Джеймс, ты так близок к истине. С людьми в округе явно что-то не так.

Молчун попытался перехватить инициативу и указательным пальцем погрозил Ведьме.

– Давай-ка кое-что проясним, «Матильда». Ты – Ведьма. Даже если меня кто-то и подставил, ты все равно вредила местным.

Она печально вздохнула:

– Ладно. Справедливо. Но давай просто забудем об этом на минутку? Если это не я, то какая альтернатива? С чего бы людям еще исчезать?

Он потянулся за другой сигаретой, но в пачке ничего не осталось. Обратив на это внимание, Ведьма залезла к себе в карман и бросила ему свежую пачку «Лаки Страйкс». Молчун впечатлился ее предусмотрительностью: она даже в курсе его любимой марки сигарет, чего вообще-то не должна знать. Ведьма, кажется, наблюдала за ним дольше, чем он подозревал. Он повертел пачку в руках, анализируя код. Не обнаружив никаких троянов, он аккуратно достал одну сигарету и закурил.

– Что ж, если скинуть тебя со счетов – хотя не то чтобы я тебе верю, – альтернатива только одна. Как бы невероятно ни звучало, кто-то хочет твоей смерти совсем по другой причине.

Глубоко вздохнув, он посмотрел на девушку. На этот раз он приподнял бровь. Ухмыльнувшись, она покивала и показала, мол, продолжай.

– Если ты не причастна к исчезновению людей, скорее всего,

за этим стоят работорговцы. Крутые, черт возьми, работорговцы, раз не оставляют следов, – он обдумывает сказанное. – И с головой на плечах, раз оставили за собой пыль. Если они хотят убрать тебя, то по-любому из-за того, что ты портишь их игру.

Матильда одобрительно захлопала в ладоши.

– Другое дело! Так держать, дедуля! Соображал, конечно, не ахти как шустро, но я в тебя верила.

Молчун, не моргая, посмотрел на нее.

– Для начала, не называй меня так. И потом, даже если это правда, я не забыл, что ты Ведьма. Тебе не впервой убивать людей. Как я могу тебе довериться? Почему я не должен убить тебя прямо сейчас?

Ее плечи поникли, а в голосе появилось одновременно и возмущение, и разочарование.

– А все так хорошо начиналось. Ты хочешь, чтобы я призналась в очевидном? Да, я убивала людей. Если считать работорговцев за людей. Я вот так не считаю, а если ты их за людей держишь, то тогда да, ты прав. Тупик.

Ведьмы, как и все остальные монстры, созданные во время Транзита, стали одним из заклятых врагов Джеймса в тот момент, когда он избрал путь Молчуна. С тех пор он никогда не колебался, убивая их, но обезоруживающее, веселое поведение этой девушки его озадачило. Джеймс потушил сигарету и протянул ей пачку.

– Не, оставь себе. Я не курю.

С ворчанием Джеймс спрятал пачку в нагрудный карман.

– Хорошо. Давай еще кое-что обговорим. Допустим, я тебе поверил – опять же, не сказать, что верю сейчас – зачем вообще ты мне все это рассказываешь? Кто ты на самом деле? Чего добиваешься?

Матильда прервала зрительный контакт, чтобы выглянуть в потрескавшееся, покрытое пылью окно, и ее радостное выражение лица внезапно стало мрачным.

– В том-то и проблема, чувак. Я не помню, кто я или как я здесь оказалась.

Молчун невозмутимо на нее посмотрел.

– Херня.

Ведьма издала мягкий, невеселый смешок.

– Да я и не жду, что ты поверишь, но ты сам попросил рассказать правду. Я очнулась в этом городе три месяца назад и поняла, что у меня есть… ммм… способности.

Она отвела взгляд от окна и снова посмотрела на него.

– Единственное, что у меня было, – это ожерелье с дурацким логотипом.

Матильда показала ему жетон, висящий у нее на шейной цепочке. Даже при лунном свете, проникающем через грязное окно, Джеймс может сказать, что жетон сделан из титана. Материал без срока годности. В реальном мире он стоил бы очень дорого. Здесь из-за него могут вести войны.

– Дико, я знаю. Когда я… поняла, на что способна, я спряталась. Именно тогда я впервые столкнулась с работорговцами. Кажется, они решили, что одинокая девушка будет легкой добычей.

Она откинулась на спинку стула.

– Это была самооборона, хотя я и знала, какими будут последствия. Времени много не заняло. Вскоре появился первый охотник. Прошло несколько месяцев, и их стало пятеро. Каждый из них не похож на другого, каждый – дороже предыдущего.

Ведьма распахнула свое пальто, чтобы показать коллекцию ножей, лезвия которых ярко сверкнули в темноте.

– Думаю, ты представляешь, через что мне пришлось пройти и чему я научилась, пока… избавлялась от них.

Джеймс никак не среагировал на блестящий, близкий сердцу арсенал, пристегнутый к внутренней подкладке ее пальто. Но ножи он уже сосчитал.

– У тебя амнезия? Без проблем, так и быть. Допустим, я тебе поверил. Но чего… ты хочешь?

– Джеймс, с этим тоже все сложно. Хочу я две вещи. Во-первых, мне нужно закончить то, что начала. За мной охотились по всему региону. Поэтому я хочу покончить с ублюдочными работорговцами раз и навсегда. Я уже сказала, что ты не похож на остальных, и, по правде говоря, твоя помощь мне бы не помешала.

Молчун все сжимает кулак.

– Конечно, отлично. Ведьма с моральными устоями. А второе что?

Матильда сняла цепочку и бросила ему жетон. Он осторожно дотронулся до холодного гладкого металлического предмета.

– Это единственный ключ к разгадке моего прошлого. Я хочу понять, что произошло, – произнесла Матильда. – Конечно, я могу имитировать индексации, чтобы передвигаться по Киберсайду самостоятельно, но мне очень помог бы тот, кто сам может свободно путешествовать. А ты ведь Молчун. Помоги мне выяснить, что со мной произошло, и я отдам тебе эту штучку. Если ты еще не решил меня прикончить.

Джеймс поднял жетон с пола. Одной только титановой бирки хватило, чтобы возбудить в нем интерес; жетон был довольно большой, почти размером с полицейский значок. Его удивило то,

насколько он легок. Но это изумление ничто по сравнению с тем, что он ощутил, когда увидел на обратной стороне «дурацкое лого» и надпись:

«ФОЛЛ УОТЕР ЛЭЙК», СЕВЕРНАЯ КАРОЛИНА

Название компании, которая создала Киберсайд.

Компании, в которой раньше работал Джеймс Рейнольдс.

Лишенный дара речи, Джеймс взглянул на юное лицо Ведьмы, которая как раз пристально его изучала в надежде понять, в курсе ли он, что это значит.

Он резко выдохнул, звук получился чем-то средним между кашлем и хрипом от удара в живот, и бросил ей жетон. Матильда поймала его, не сводя глаз с Джеймса.

– Ну и что, Джеймс? Будем драться, обниматься или какие еще идеи?

Джеймс встал и начал собираться.

– Как ты и сказала, деньги я получу, как только с работой будет покончено, и прежде, чем мы выясним, кто ты такая, нужно кое о чем позаботиться.

На ее лице появилась еще одна пленительная улыбка.

– Вот, значит, как?

Джеймс еще раз проверил, легко ли вынимается пистолет.

– Эти работорговцы сами себя не уберут.

Ведьма улыбнулась еще сильнее.

3. Трафик

В свете утреннего солнца на дороге появилась чудная пара попутчиков. Ведьма, она же Матильда, уверенно шагает по грунтовке. Молчун, он же Джеймс, размеренно следует за ней. Несколько часов назад Джеймс прибыл в Хоумстед, чтобы покончить с этим существом, а теперь он весь в ее распоряжении.

По пути к лагерю работорговцев Молчун пытается собрать детали головоломки воедино. Решение не дается.

Для начала надо разобраться с контрактом по Хоумстеду. От Вавилона добра не жди. Потом еще эта Ведьма. Ладно бы еще было дело в ее характере, но это ее стремление уничтожить работорговцев показалось Джеймсу по меньшей мере странным. Как это существо, которое живет только тем, что систематически убивает других людей, может вообще обладать какими-либо моральными устоями? Еще эта амнезия.

И вдобавок ко всему компания «Фолл Уотер Лэйк» – источник многих воспоминаний о прошлой жизни Джеймса Рейнольдса.

Джеймс методично делает шаг за шагом, пытаясь обмозговать все детали, пока тихий голос наконец не проникает чуть ли не в самое его сознание.

Осознав, что Матильда ведет с ним беседу или, по крайней мере, пытается что-то ему сказать, Джеймс вновь переводит взгляд на дорогу, лежащую перед ними, и думает о делах, что ждут их впереди.

– Что же… я так поняла, болтать ты не любитель.

Джеймс лишь усмехнулся в ответ.

Матильда поворачивается к нему, но все равно продолжает идти задом наперед.

– Нет, это нормально. Вообще нормально. Я понимаю. Ты могучий молчаливый мужик. Логично. Вы, вообще, ребята-наемники, не особо блистали фантазией, когда обозвали себя «Молчунами». Могу себе даже представить, как проходил этот ваш съезд. Стоите такие себе с постными лицами, пытаясь перещеголять друг друга, кто же придумает словцо посуровее.

Джеймс не удостаивает ее взглядом.

– Что тебе нужно?

Матильда вновь улыбается как ребенок. К этому Джеймс уже начал потихоньку привыкать.

– Я к тому, что есть слово гораздо лучше. Ронин. Ну, логично же? Офигеть как логично. Бродяги без хозяина, самураи. Вы реально проморгали этот вариант. «Ронин» звучало бы гораздо лучше.

Джеймс вздохнул, отстегнул фляжку, прикрепленную к поясу, и посмотрел на неумолимый отсчет своих индексационных часов.

– Да, бродить – это часть образа жизни. Чтобы избежать индексации, все Молчуны должны быть скитальцами. Но наше имя – это напоминание о том, что мы должны относиться к делу беспристрастно. Таким образом наши воспоминания останутся в неприкосновенности.

Улыбка исчезла с лица Матильды, она неожиданно посерьезнела.

– В каком смысле «в неприкосновенности»?

Джеймс отмечает, что упоминание о воспоминаниях для нее очень важно. Неудивительно, учитывая положение дел.

– У каждого есть ограниченное хранилище памяти, и когда человек индексируется, часть хранилища заполняется информацией из Местности, в которую они добавились. Молчуны избегают индексации именно потому, что «бродят». Однако все, что мы делаем, заполняет объем памяти. Кончается пространство, и новые воспоминания заменяют старые. Поэтому мы придерживаемся заведенного порядка вещей, рутины. Ограничиваем контакты с другими жителями Киберсайда. Мы замкнуты в себе, потому что не хотим заполнять пространство. За «постными лицами» скрываются воспоминания, которые мы не хотим терять.

Матильда резко остановилась посреди дороги, и Молчуну тоже пришлось замедлить шаг.

– Так что… это за воспоминания, за которые ты так цепляешься?

Джеймс обошел Ведьму стороной и продолжил внимательно следить за дорогой.

– Слушай, мне тоже приятно поболтать, но нам нужно двигаться дальше. Если то, что ты говоришь, правда, нам потребуется некоторое время, чтобы добраться до места, и меня уже беспокоит, сколько времени я потерял здесь впустую. Просто… дай мне собраться с мыслями.

Ведьма догнала Джеймса и зашагала рядом с ним.

– С какими мыслями?

– Транспорт. Я знаю, что тебе не нужно беспокоиться об индексации, но, если все пойдет прахом, я застряну в Хоумстеде.

Матильда кивнула и оглядела окружающую их пустынную местность.

– Ну да. Справедливо. Понимаю. И какие у тебя идеи?

Молчун сделал еще один глоток из фляжки и осмотрел холмы.

– Не знаю. Большинство узлов связи в этом разделе были

отключены Системой, и я не особо что видел по пути в Местность 24–6.

Матильду осенило, и она щелкнула пальцами.

– Я знаю! Я проверю поглощенные мною данные. Наверняка от тех ищеек, что отправили за мной, должно было что-то остаться. Может быть, даже что-нибудь полезное.

Джеймс почувствовал, как сжимается его кулак.

– Я не уверен, что это…

Матильда его перебивает:

– Не парься, дедуля. Времени много не займет.

Прежде чем Джеймс успел хоть что-нибудь сказать, глаза Матильды загадочно засветились – именно так Ведьма получила доступ к одной из поглощенных раннее жертв. Пока они болтали о том и о сем, Джеймс на мгновение забыл, с кем разговаривает.

Джеймс ждет, неловко переминаясь с ноги на ногу, пока Ведьма изучает данные, которые видит только она. Полминуты – это целая вечность. Он ощущает тепло восходящего солнца. Наконец Матильда моргает, приходит в себя и осматривается.

– Много я не нашла. Только несколько фургонов да парочка захудалых ферм.

Молчун повесил флягу на место:

– Погоди, повтори еще раз. Ты сказала, «фургонов»?

– Да, но они были не на ходу.

Джеймс махнул рукой.

– Да нет же. Я не к тому веду. Далеко мы от них?

Матильда странно на него посмотрела, но указала на холмик неподалеку от главной дороги.

– Эм, да всего в полутора километрах отсюда. Не хочешь объяснить, что именно… О, мог бы и подождать.

Молчун бодро направился в сторону холма. С каждым шагом он чувствует обратный отсчет индексационных часов.

– Фургонов, может, там и нет, но если повезет, то поблизости должны были остаться дефолтные лошади.

Он слышит, как Ведьма бежит следом за ним.

– Лошади? Что за «лошади»?

– Лошади. В смысле, «что за лошади»? Ну такие, знаешь, четвероногие млекопитающие с длинными мордами.

Матильда помотала головой, отмахиваясь от его вопроса.

– Нет, я имею в виду, зачем там лошади, если Система отключила Сеть фургонов? Система же внедрила обновления в транспортную сетку, и смысла держать их рядом уже нет.

Джеймс уже свернул с главной дороги и был готов рискнуть.

– В первые дни Киберсайда лошадей использовали в качестве запасного варианта, например, для инженеров, чтобы

путешествовать во время работы на участках, которые проходили техремонт. Я уверен, что у Системы не было полномочий отключить их все.

Джеймс обратил внимание на странный взгляд, который бросила на него Матильда, но был рад, что вопросов не последовало.

Они молча шли дальше, пока не добрались до стоянки фургонов. Обыскав все вокруг, они так ничего и не нашли и теперь встали на заброшенном постоялом дворе. Матильда от досады пнула ближайший деревянный столб.

– Нечего сказать, Джеймс. Лошадей я здесь не вижу. Надеюсь, у тебя есть запасной план?

Молчун нахмурился – отчасти из-за «Джеймса», а не «Дедули», «Джимбо» или «Джимми», – но решил не возникать на этот счет. Вместо этого он активировал инвентарь в рюкзаке и просматривал меню, пока не нашел вещь, которую давно спрятал в самом дальнем отсеке. Вспомнив, как им пользоваться, Джеймс достал простой, невзрачный свисток. Матильда шагнула к нему навстречу.

– Что это еще такое?

Он потянул спину, размял плечи и позволил себе слегка улыбнуться.

– Правильный инструмент для правильного дела. Давненько я уже этим не пользовался, но, если лошади рядом, они должны услышать.

Он повернулся к Матильде.

– Может, заткнешь уши?

Он поднес свисток к губам, и в неподвижном воздухе долины разнесся громкий пронзительный визг. Матильда вздрогнула и прижала ладони к ушам, изрядно запоздав с реакцией.

– Что за дичь, чувак? Мы же хотим, чтобы они прибежали к нам, а не унеслись прочь.

Молчун в ответ только рассмеялся, запихивая свисток обратно в рюкзак.

– У меня в кои-то веки хорошее предчувствие. – Он прислонился к одному из потрепанных столбов, который заскрипел под его тяжестью. – Доверься мне. Долго ждать не придется.

Матильда потерла свои уши, как бы между делом намекая на шум, и присоединилась к нему. Тишина длилась целую минуту, пока Матильда, наконец, не спросила:

– Так этот свисток использовали инженеры на ранних стадиях разработки Киберсайда?

Джеймс кивнул, оглядывая горизонт. Матильда придвинулась

к нему еще ближе.

– И… откуда он у тебя?

Молчуну такие расспросы не пришлись по душе. Инстинктивно он решил прервать обмен репликами прежде, чем вопросы пойдут один за другим.

– Мы работаем вместе, но мне неприятно распространяться о себе в разговоре с Ведьмой. – Это прозвучало еще хуже, чем должно было, и он понял, что Матильду его слова ранили. Прикрыв глаза, он удивился тому, что слегка сожалеет. – Но… я ценю твое любопытство. Скажем, я кое-что знаю о Киберсайде, у меня были на то свои причины, и это знание поможет нам добраться куда нужно. А для тебя это всего лишь бонусный рабочий навык.

Матильду явно не впечатлили его попытки пойти на попятную, но прежде, чем она успела ответить, их разговор прервало появление трех лошадей. Животные выскочили из-за служебного здания и небрежно вбежали на территорию двора. Довольный тем, что ее внимание переключилось на что-то другое, Джеймс схватил свою сумку и подошел к ближайшему из животных. Бурая кожа была жестка на ощупь. Джеймс медленно погладил животное.

– Видишь, я же говорил.

Матильда уже пошла к двум другим лошадям. Белый жеребец рысью приблизился к ней, а другая кобыла, с темной гривой, блестящей в лучах утреннего солнца, ждала неподалеку. Джеймс затаил дыхание, когда Матильда к ним приблизилась. Жеребец подошел к ней ближе, но кобыла тревожно отошла к краю двора. Косясь на степь позади, она, кажется, была готова в любой момент ускакать.

Медленно, шаг за шагом, Матильда пробралась мимо жеребца. Все ее внимание было сосредоточено на самке. Ведьма пробормотала под нос:

– Полегче, девочка. Ты в порядке. Тебе не о чем беспокоиться. Я о тебе позабочусь.

Матильда подошла к вороной лошади, и та тревожно фыркнула. Протянув руку, Матильда, наконец, дотронулась до туловища животного. Кобыла тут же остановилась. Внезапно успокоившись, лошадь потыкалась мордой в плечо Матильды. Обернувшись, Ведьма лучезарно улыбнулась Джеймсу.

– Она невероятная!

Он не очень хорошо понял, что сейчас произошло, и пробормотал в ответ:

– Ну да. Она такая.

Закрепив свое снаряжение, Джеймс оседлал собственную

лошадь. Вместе они вернулись на главную дорогу и продолжили охоту на работорговцев.

* * *

Так как они сэкономили время в пути, Джеймс предложил устроить привал. Они передохнули на первой попавшейся ферме, ища укрытия от полуденного зноя. Как и фургонную станцию, ранчо полностью забросили, теперь оно находится в аварийном состоянии. Когда Джеймс набирал воду из колодца, он задался вопросом, не дело ли это рук работорговцев, которых они преследуют.

Налив воду в корыто, Джеймс присоединился к Матильде в тени крыльца дома. Усевшись, он достал энергетический батончик. Даже не глядя в сторону Матильды, он почувствовал ее пытливый взгляд. Как только он протянул ей закуску, она сразу же ее схватила. Он распаковал еще один батончик, и они оба принялись жевать, молча наблюдая, как лошади жадно пьют воду из корыта. Покончив с едой, Джеймс вновь закурил. Дым заклубился в воздухе, а Матильда тем временем указала на животных.

– Ты мне вот что объясни. Зачем поддерживать их существование? Сам же сказал, что их использовали инженеры в качестве средства передвижения. Какой смысл в еде? Ну типа, разве не все мы просто нули и единицы на серверах?

Молчун вытянул ноги.

– Так и есть. Эти серверы расположены глубоко под землей. К счастью, они находятся далеко от всей этой разрухи, но их все еще нужно поддерживать. Ими управляют автоматизированные дроны, которые следят, чтобы оборудование работало эффективно. Без их кода все полетит в тартарары. Помимо этого, Система установила особые правила, чтобы поддерживать Киберсайд в рабочем состоянии. Не знаю, может быть, еда как-то связана с работой нашего мозга. Человеку приходится следовать определенным правилам и закономерностям, иначе мы не сможем полноценно функционировать в цифровом мире. Так или иначе, Система следует именно этой логике.

Матильда не отрывает взгляда от животных.

– Ответ на отвали. «Это происходит, потому что иначе быть не может». Если бы правила действительно существовали, то почему с работорговцами еще никто не разобрался? Должна же Система с ними покончить.

Джеймс глубоко затянулся, размышляя над словами Ведьмы.

– Иногда люди все равно обходят правила. В конечном счете работорговцы всего лишь корректируют законы трафика под свою собственную выгоду.

Матильда бросила камень в соседнее поле.

– Трафик? Это еще что такое?

Джеймс сделал еще одну затяжку и задумчиво выпустил облако дыма.

– Все «нули и единицы» – это кодировка уникальных характеристик. Все люди – источники данных, которые отправляют в систему постоянные запросы и требования. Это называется «трафик». Чем больше трафика генерируется регионом, тем больше Система выделяет приоритетов и ресурсов для удовлетворения спроса. Таким образом, высокий объем трафика по существу означает больший бюджет для контролирующих его лиц. Больше бюджета – больше влияния.

Матильда скомкала в руке обертку от энергетического батончика.

– Итак, чем больше ты контролируешь трафика, тем богаче становишься. Выходит, кто-то наверху верховодит этим делом.

Он заметил, как быстро она обрабатывает информацию.

– Да, но это еще не все. Если где-то слишком мало активных пользователей, система может принудительно переместить жителей и отключить недостаточно эффективную Местность, чтобы оптимизировать потребление энергии.

Она вытянула шею и посмотрела на него.

– Так ты описываешь структуру, которая раздает награды за то, что у тебя больше всего народу, а если их лидер при этом жулик, то сверху могут просто прикрыть бунты. Какому кретину пришла в голову эта восхитительная идея?

Молчун поднял руки ладонями вверх.

– Погоди. Этот процесс был создан для обеспечения Местностей, которые способствовали благосостоянию их жителей. Справедливые управленцы привлекали бы к себе больше людей и ресурсов. Во всяком случае, идея была такой.

Выражение ее лица подсказало, что нет смысла спорить с изначальными благими намерениями. Спустя миг он подумал, что, возможно, она хотела, чтобы он раскрыл о себе больше информации.

– Но… когда властьимущие поняли, что стоит на кону, это привело к ситуации, известной как Первые Войны за трафик. Конфликт, который запустил эффект домино по всему Киберсайду.

Матильда потеребила обертку от батончика.

– Типа индексации.

Молчун кивнул:

– Этот инструмент создан, чтобы держать людей на территории конкретной Местности и сохранить силовой центр в целости и сохранности. Сделки, потоки денег и контроль пользователей стали делом прибыльным и безжалостным.

Матильда разорвала обертку на части.

– Так на кого же, по-твоему, работают эти работорговцы?

Молчун потер свой затылок.

– Ну, в самом начале было несколько организаций. Но по мере действий Войн за трафик он свелся к горстке ключевых игроков. На восточном побережье почти все протекает через Метрополис. Здесь же над всем господствует Вавилон. Эти двое постоянно торгуют людьми в своих собственных протекторатах и борются друг с другом за ресурсы.

Матильда долго обдумывала его слова, прежде чем задать следующий вопрос:

– Подожди, если индексация привязывает тебя к региону, как вообще работает «людская кража»?

Джеймс щелчком выбросил сигарету и потянулся за фляжкой.

– Поскольку индексация – это уловка, ставшая частью Системы, всегда есть способы ее избежать. Просто эти способы влекут за собой проблемы.

Джеймс отпил из своей фляжки. Матильда бросила камень в траву.

– Здесь чего-то не хватает. А что они делают, когда забирают тебя?

Джеймс вытер губы.

– Очень неприятный вопрос. Каждый человек входит в Киберсайд со своим собственным хранилищем воспоминаний, но не забывай, что и оно конечно в объеме. Итак, протоколы индексации принимают во внимание тот факт, что более старые воспоминания настроены на удаление. Распределение памяти большинства рабов резко сокращается. У тебя остается ровно столько, чтобы осуществлять запросы на услуги, но о своей предыдущей жизни ты уже ничего не помнишь, будь то в Киберсайде или в реальном мире.

Матильда издала звук, очень похожий на плевок.

– Значит, при индексации они вырезают твою память и ты становишься безмозглой овцой, которая ничего не помнит из собственного прошлого.

Когда она снова начинает говорить, в ее голосе не слышно ни презрения, ни возмущения – только беспокойство.

– Как думаешь, это как-то связано с моей потерей памяти?

Лошади, досыта напившиеся воды, разбежались по

заброшенному ранчо. Джеймс обдумывает, как лучше ответить.

– Честно говоря, сомнительно. Но не уверен.

Он ждет следующего вопроса, который так и не последовал. Сидящая рядом девушка молчит.

Беспокойство лошадей помогает ему нарушить неловкую тишину:

– Наверное, нам стоит продолжить путь.

Матильда молча кивнула и направилась в сторону колодца.

Вернувшись на тропу, Джеймс время от времени поглядывал на Ведьму. На Матильду. Она ловит его взгляд и расплывается в улыбке, но все, что он может выдавить в ответ, – это короткий кивок. Его внимание сосредоточено на маленьком жетоне на ее шее, странном ключе не только к ее прошлому, но и к его собственному.

Из тех времен и мест, что существовали задолго до этого мира. Тогда у него еще была семья.

Джеймс продолжает путь, и ритмичный стук копыт уводит его мысли в прошлое.

* * *

Команда застряла в очередной запаре, все отделы погрязли в очередной бесконечной попытке исправить плохое планирование путем набрасывания бесчисленных человеко-часов. Держать компанию на плаву в неустанном и вечно изменчивом мире означает постоянно работать, чтобы удовлетворить запросы требовательной, разборчивой клиентской базы.

– Дерьмо, Джеймс, – произносит встревоженный мужчина рядом с ним. – Ты глянь, опять отчет об ошибке!

Мужчина лет тридцати пяти в покрытой потными пятнами рубашке, застегнутой на все пуговицы, с растрепанными волосами и покрасневшими глазами – все выдавало в нем человека, который попал в жернова бесконечных цифровых разработок. Стивен – руководитель проекта, живущий в постоянном страхе отстать от графика. Просто слишком много ошибок, которые нужно исправить, а они, в свою очередь, – последствия работы команды по контролю качества, дико бьющейся в муках своего нескончаемого рабочего дня. Все и вся готовится к предстоящему стресс-тесту серверов. Все это время высшее руководство неистовствовало из-за проваленных сроков и ужасных последствий слишком большой оплаты сверхурочных.

Джеймс смотрит поверх своего испуганного коллеги на не менее испуганного поставщика, бегущего мимо их комнаты;

непрерывный поток ненормативной лексики, исходящий из его рта, соответствует только потоку энергетического напитка, к которому тот постоянно прикладывается. Всем известно, как Джеймс относится к Скотту – «буйной важной шишке и мудаку по совместительству», но, по крайней мере, Скотт может понять их ситуацию, даже с тем, что его конкретно все задолбало. Отдел маркетинга безжалостно долбил бедного ублюдка в течение нескольких месяцев, чтобы получить продукт в срок. Поскольку рекламная кампания уже на полном пару во всех доступных медиа, то, ясное дело, в случае «существенных потерь доходов» отдел маркетинга никто обвинять не станет.

Украдкой взглянув на часы (уже почти три ночи), Джеймс опускает голову, признавая свое поражение. Сара с Тимом уже давно сдались и наверняка легли спать. Но с овертаймом, до которого он дотянул, не говоря уже о разных стимулах для запуска в назначенные сроки, что еще он мог сделать, кроме как стиснуть зубы и ринуться в бой? По крайней мере, именно эту басню им скармливает руководство. Даже без их неподражаемой манеры пассивно-агрессивного управленческого надзора Джеймс достаточно хорошо осознает важность и ценность того, что он делает.

Этот новый проект не похож ни на что, над чем он когда-либо работал раньше. Это же гребаная революция.

Джеймс протер глаза. Красочный словарный запас Скотта передался и ему. Джеймс пристально смотрит на экран, анализируя строки кода. Это все-таки революция. Он не может перестать размышлять об этом: о переносе разума – крайне эмулированного сознания – в сеть. Это изменит жизнь человечества.

И обогатит семью Джеймса.

Задумавшись, Джеймс медленно осознает, что Стивен пытается привлечь его внимание.

– Джеймс, там еще много чего, приятель. Я начну делать перекрестные ссылки на них на трекере. – Усталость и решимость, кажется, подталкивают его к делу. – И поставлю еще один кофейник.

Джеймс наблюдает, как Стивен уверенно направляется в комнату отдыха. Снова протирая глаза, Джеймс занимает удобную сутулую позу и возвращается к экрану.

– Черт возьми, сколько фокус-групп занимаются этим делом?

Он пробормотал, на несколько секунд замерев над клавиатурой:

– Я смогу проводить больше времени с семьей, как только мы закончим.

Мысли о спокойной и уютной жизни заполняют его разум. Вернувшись к реальности, он нажимает клавишу ввода и возобновляет свой быстрый и уверенный бой по клавиатуре.

* * *

«О чем ты думаешь, Джеймс? Джеймс?»

Молчун рывком возвращается к окружающей его реальности в Киберсайде. Он не знает, к чему вообще эти воспоминания начали возвращаться, но явно не к добру. Он подумывает запустить глобальную проверку, когда закончит это дело.

Матильда едет рядом с ним по пыльной дороге. Глядя на нее, Джеймс размышляет о ее внешности. Настоящее ли это лицо Матильды или какой-то девушки, которую она поглотила? Или, по ее мнению, именно к этому облику он наиболее восприимчив?

– О прошлом, – наконец отвечает он.

Матильда поджимает губы, но не настаивает. К счастью, большинству людей, и даже тем, кто вообще ничего не помнит, хватает здравого ума, чтобы не совать свой нос в дела Молчуна.

Джеймс хочет расспросить Матильду о ее прошлом, поступках, способностях и просто о том, что ей надо по жизни, но отбрасывает эту мысль. Она все еще Ведьма, а откровенность с Ведьмами никогда не приводила ни к чему, кроме нежданной кончины.

До сих пор они никого не встречали на извилистой, испещренной колесами дороге, и Джеймс предпочел бы избежать внимания. Он украдкой бросил еще один взгляд на Ведьму. Каким-то образом этой девушке удалось в одиночку сорвать операцию по торговле людьми недалеко от Хоумстеда и вдобавок устранить матерых убийц, которых за ней отправили. Она может за себя постоять и ищет возмездия. Джеймс задумчиво положил руку на рукоять своего оружия. У него никогда не было угрызений совести после убийства работорговцев. Их варварское использование ошибок Системы в свою пользу только создает новые. А Джеймс, как инженер, к ошибкам, которые приносят фактический вред, относится с большой нелюбовью.

Матильда начинает напевать какую-то мелодию. Теплый воздух почти так же тих, как тревога, закрадывающаяся в его мысли. Если то, что она говорит, правда, потеря нескольких низкоуровневых операторов трафика вряд ли оправдают кредиты, потраченные на ее устранение. От мыслей о количестве охотников, которых она поглотила, скрутило живот. Теперь она обладает всеми их навыками.

Когда Матильда натянула поводья, Молчун быстро повторил ее движение.

– Что случилось?

Матильда медленно слезла с лошади и погладила гладкую черную шерсть животного.

– Мы уже близко. Лучше продолжить путь пешком.

Она жестом указала на холмистый ландшафт впереди по дороге.

– Лагерь переработки прямо там.

4. Работорговцы

Привязав лошадей к тощему деревцу и оставив их пастись, Молчун и Матильда осторожно поползли вверх по гребню холма, откуда открывался вид на лагерь работорговцев. С каждым осторожным движением вперед Джеймс помнил о часах индексации, которые продолжали свой тихий обратный отсчет. Он вытащил свою карту. Дисплей окружающей местности появился над его часами; Джеймс оценил расстояние до пограничной Местности. Очень рискованно. Им нужно как можно быстрее разобраться с этой бандой работорговцев.

Распластавшись на вершине холма, Джеймс достал бинокль и осмотрел местность. Вооруженная охрана патрулирует аванпост. Поиск пленников не занял много времени. Часовые охраняют ворота, отделяющие загоны от остальной части лагеря. Джеймс изучил обветшалые окрестности аванпоста и отметил расположение работорговцев. Ему бросился в глаза отдельный отряд солдат, который охранял деревянную платформу с каким-то аппаратом в центре лагеря. Что это за машина, Джеймс понял, увеличив изображение.

– Вот же сволочи.

Этот грубый механизм повторной индексации, известный в Киберсайде под названием «мозголом», был разработан исключительно с целью полного уничтожения памяти жертвы и всей необходимой информации. В сухом остатке выходит не более чем ходячая шелуха, сосуд, готовый к выполнению любых поставленных задач. Молчун изо всех сил сжал зубы.

Внезапная суматоха снова привлекла внимание Джеймса к загону. Горстка работорговцев бросилась на пожилого пленника, понукая его выйти из загона. По рваной фланелевой рубашке и грязным джинсам понятно, что в плену он находится очень долго. Как только пленник вышел из загона, остальные мордовороты принялись пинать и бить его током, чтобы тот двигался в направлении «мозголома». Больно смотреть, как старик кричит и изо всех сил пытается вырваться. Только жесткий удар прикладом по затылку оборвал его попытки сопротивления.

Пленник только начал приходить в себя, когда работорговцы надели ему на голову ржавое устройство, похожее на шлем. На крики, проклятия и мольбы о пощаде никто не обращал внимания. Мужчина слабо всхлипнул, когда ремень застегнули на его подбородке. Стоящий рядом работорговец захлопнул маску «мозголома» и показал большой палец кому-то вне поля зрения Джеймса. Тело старика дергалось в течение нескольких

мгновений, а вокруг устройства вспыхнула тонкая, ослепительная фиолетовая молния. Джеймс порадовался, что он слишком далеко, чтобы уловить едкий запах горелой плоти и озона.

Спустя несколько секунд ужасная процедура по удалению всех воспоминаний длиною в жизнь окончилась. Когда с пленника сняли шлем, Джеймс заметил на его лице следы от слез, но в остекленевших глазах не было ничего, кроме покорной пустоты. Тело стащили со стула. Джеймс подошел поближе, все еще отслеживая движения работорговцев на другой стороне платформы. Несколько работорговцев потащили покорного, молчаливого пленника к воротам, где их ждал техник, который нажал что-то на командной консоли, и транспортационный портал ожил.

То, что осталось от старика, засунули внутрь, после чего он мгновенно исчез.

Джеймс знает, какая судьба ждет старика. После транспортировки нового раба, теперь всего лишь относительно разумного дрона, будут использовать для поддержания уровня трафика в отдаленных краях Киберсайда. По мере того как он постепенно восстановит свои базовые способности, его обучат оформлять запросы низкого уровня в Системе и выполнять протокольный контрольный список черных задач. За это он будет получать питание и кредиты. Если его повысят до «премиум-класса», то переведут на работу к более высокой клиентуре или даже в глобальные развлекательные услуги.

Молчун опустил бинокль и повернулся к Матильде. Он уже обдумал план атаки, но замер, заметив опасное свечение вокруг глаз ведьмы. Бросив рюкзак, Матильда расстегнула куртку и разложила свой огромный арсенал ножей.

Джеймсу не нужно сканировать лезвия одно за другим, чтобы понять, какое это могущественное оружие. Оно пропитано смертоносными вирусами и создано, чтобы отрезать каналы доступа между потенциальными жертвами и Системой. Раньше он видел подобные клинки в руках безжалостных убийц, но никогда в таком большом количестве у одного пользователя. Такое смертоносное оружие, заточенное под одну конкретную задачу, может использовать только опытный специалист – или настоящий психопат. Только настоящий мастер эффективно их использует; они могут подарить быструю… или, наоборот, мучительную и долгую смерть.

Матильда расправила плечи и с холодной решимостью во взгляде похрустела шеей. Следуя ее примеру, Молчун расслабил руки и вытащил пистолет из кобуры. Он проверил редкие, высокоскоростные пули, которыми намеревался убить Ведьму: вот

они, на своем надежном месте, блестят в смазанных камерах. Джеймс сам написал код для этих пуль и со всей предосторожностью схоронил тайники с ними по всему Киберсайду. Каждая пуля – отвратительный коктейль вредоносных приложений и протоколов, рассчитанных на то, чтобы пробить защиту даже самых сильных противников с помощью простого, но сильного вируса. При ударе он спамит защиту цели, пока та не отключается. Быстрая и тихая смерть – в разительном контрасте с тем, что предлагал арсенал его спутницы.

Довольный состоянием своего оружия, он уже готов был обсудить план с Матильдой – и лишился дара речи. Ведьма уже спустилась вниз по склону, держа прямой курс на лагерь.

– Черт подери, ты что, издеваешься?

Поспешно убрав оружие в кобуру, Джеймс бросился за ней, но она уже зашла в лагерь прежде, чем он успел преодолеть хотя бы половину расстояния. Она ведь только что подвергла их жизни опасности, даже если не забывать про ее способности.

Ведьма уже примерно в двадцати шагах от укрепленных ворот лагеря внаглую приближалась к отряду часовых. Они были так ошеломлены ее поведением, что Матильда прошла еще шесть шагов, прежде чем один из них поднял свой потрепанный полевой карабин.

Все еще пытаясь сократить разрыв между ними, Джеймс ясно слышит, как Матильда говорит:

– Даров, чуваки.

Стоит отдать должное, часовой с потрепанным карабином все же поднял руку в одностороннем жесте ладонью наружу. Но это не остановило первый из клинков Матильды: она вскрыла ему глотку, наружу забрызгали кровь и данные. Мертвец упал на землю со скорее озадаченным, чем испуганным выражением лица. Матильда хирургически вскрыла и второго, после чего патруль поднял тревогу; Джеймс же тем временем только успел достать пистолет из кобуры.

– Черт возьми, она быстрая, – пробормотал он, открывая огонь и неуклонно продвигаясь вперед, расстреливая попадающиеся на пути цели.

Матильда хороша в ближнем бою, так что Молчун решил разобраться с орущим подкреплением, которое только начало собираться с силами.

Молчун боковым зрением видит, как за Матильдой безжизненные окровавленные тела падают на плотно утрамбованную землю. Снимает стрелка, который тщетно пытается прицелиться в Матильду, не причинив вреда своим

товарищам. Он всаживает пулю в запястье, а затем в шею сторожа у ворот, поднесшего ко рту что-то вроде радиоприемника. Решетит пулями грудные клетки, а данные и кровь смешиваются с грязью. Защитники лагеря едва ли понимают, что происходит. Когда работорговцы осознают, что их дело дрянь, половина лагеря уже разрушена. Они даже почти не прицеливаются. Бойцы, вооруженные допотопными, обычными винтовками, не представляют угрозы для Молчуна и Ведьмы.

Джеймс активирует боевой протокол, который заполняет непосредственное поле боя данными. Прежде чем пуля покидает ствол вражеской винтовки врага, Джеймс уже видит ее предполагаемую траекторию, россыпь вариантов защиты и потенциальные отступления. Количество патронов, оставшихся в обойме, накладывается на каждого противника. Джеймс уверен в себе, обозревая поле боя. В живых почти никого не осталось, но и те не представляют никакой угрозы.

Мимо молча проносится размытое пятно: Матильда устремилась к следующей цели. Ведьма убивает одного противника за другим, даже не оценивая боевую обстановку: у врагов нет ни единого шанса. Матильда кидается вперед, подпрыгивает и вонзает нож в спину работорговца. Перед Джеймсом разворачивается неравная, жестокая и ужасающая схватка. Она объединила навыки убитых ею охотников с собственными силами. Джеймс очарован ужасным зрелищем: Матильда прорезает себе путь, убивая всех в зоне досягаемости.

Пуля просвистела мимо лица Джеймса и с громким металлическим звуком ударилась о ветхую сварную стену позади него. Джеймс пошатнулся и припал на одно колено, когда следующий выстрел сбил с его головы шляпу.

«Идиот».

Молчун спрятался за укрытием. Он проследил траекторию назад к работорговцу, сгорбившемуся возле ржавой консоли на главной платформе, просканировав пулевое отверстие в стене. Посчитал до трех, выкатился из укрытия, нашел цель и нажал на спусковой крючок. Его противник безжизненно перевалился через край с перрона и выпал из поля зрения Молчуна с глухим характерным звуком. Повсюду разлетелись кровь и грязь.

Тихий плач выживших пленников постепенно заглушил шум сражения, пыль осела. Осмотревшись, Джеймс увидел Ведьму у платформы. Матильда вытирала с лица песок и кровь.

– Подожди секунду, надо ножи собрать.

Молчун тем временем сломал замок и распахнул ворота на визжащих петлях.

– Все в порядке. Мы не причиним вам вреда. Вы можете уйти,

но сначала ответьте на несколько вопросов. Кто-нибудь слышал, куда они собирались вас отвезти?

Он понимает, что его слова и без того травмируют пленников. Они прячутся в самом дальнем углу загона. Джеймс закрыл глаза и обругал себя. Надо было оставить в живых хотя бы одного или двух работорговцев для допроса. Он оглянулся в поисках Матильды.

– Если бы мы хоть на минуту задумались…

Окровавленная, истощенная женщина осторожно приблизилась к нему.

– Спасибо… спасибо.

Джеймс молча кивнул.

– Может быть, вы хоть что-нибудь слышали? Что-нибудь, что могло бы помочь?

В глазах женщины блестели слезы.

– После того, как они… – она замерла и опустила взгляд. – Они сказали, что я пойду по хорошей цене, как только доберусь до Вавилона.

Джеймс достал из сумки пригоршню пайков и медленно протянул руки.

– Они сказали что-нибудь конкретное? Может быть, упомянули какие-нибудь детали?

Женщина не отрывала взгляда от земли, но потянулась за скромной едой.

– Один из них сказал, что это был «большой прорыв». Они ждали окончания какого-то контракта, после чего их должны были перевести обратно в Башню Донована.

Джеймс кивнул ей в ответ:

– Спасибо.

Матильда подошла, вытирая кровь с ножа, после чего убрала клинок в ножны.

– Куда дальше? – и кивнула на активный портал на платформе. – Вавилон и эта самая Башня?

Джеймс покачал головой и отошел от загона. Остальные пленники, все еще сгрудившиеся в дальнем углу, не отрывали от него настороженного взгляда.

– Нет. В таком виде туда идти опасно.

Матильда поковыряла пальцем дырку от пули в шляпе Молчуна.

– И что там опасного?

Джеймс помедлил с ответом. Вавилон – большое место. Проблем могут быть сотни, но его беспокоит только одна.

– Не «что», – пробормотал он.

– Блин, – Матильда даже закатила глаза. – А кто?

Джеймс вернулся на платформу, где без конца жужжал транспортный портал.

– Его зовут Донован Крейз, и он правитель Вавилона.

Матильда перешагнула через чье-то тело, бросила шляпу в сторону и молча подошла к нему.

– Значит, ты знаешь этого парня.

Гудение вибрирует в воздухе, заполняя голову Джеймса. Он вновь начал сжимать кулак.

– Знаю… знал. Раньше, в реальном мире, мы работали вместе.

Матильда неуместно воодушевилась и бросилась вперед.

– О, кто-то из твоего прошлого. А какой он из себя?

Неприятный гул и вибрация все усиливались, и Молчун почувствовал желание присесть. Он посмотрел на отражение Матильды в луже кровавых данных.

– Я собираюсь пошаманить над порталом. Это наш билет отсюда, но мне… мне нужна минутка. А ты пока вернись и проверь, как там эти люди? Может, им нужна вода или еще что-нибудь. – Джеймс не поднимал глаз, но даже в отражении было видно, что Матильда забеспокоилась.

– Конечно. Раз нам не нужны лошади, может быть, пленники смогут вывести их отсюда, – Матильда уже собралась уходить, но тут же обернулась. – Но серьезно… с тобой все в порядке?

Он посмотрел на нее, порылся в карманах в поисках пачки и достал сигарету.

– Я в порядке. Просто дай мне минутку.

Озабоченное выражение лица Матильды медленно сменилось грустной улыбкой.

– Ладно, дедуля, поняла. Перенапрягся видать.

Молчун поворчал, но подождал, пока Матильда уйдет, прежде чем сесть. В отчаянии Джеймс затянулся сигаретой и попытался собраться с мыслями.

Донован. Клятый Донован Крейз.

Джеймс медленно выдохнул длинную струю дыма.

– Только мне так могло повезти.

Молчун прикрывает глаза под гудение портала. Его мысли возвращаются назад, к встрече, которая навсегда изменила его жизнь.

* * *

Еще одна долгая ночь в офисе, еще один пропущенный семейный ужин. Джеймс помахал охранникам, осматривающим

почти пустое здание. Алый оттенок неба отбрасывал потустороннее свечение на его рабочую станцию. Почти красиво, за исключением того, что свет снаружи обжег бы его глаза, если бы не защитная пленка на окнах.

Джеймс с чашкой кофе в одной руке заканчивал писать код, интегрирующий новые функциональные возможности в проект под кодовым названием «Киберсайд». Он планировал разнообразия ради уйти с работы на полчаса раньше, чтобы не попасть в пробку, но одна последняя просьба привела к еще одной, а затем еще одной. И вот он здесь.

Погруженный в свои мысли, Джеймс вздрогнул, услышав, как открылись двери кабинета.

Не поднимая глаз, Джеймс по спокойным, размеренным шагам понял, кто вторгся в его пространство: Донован Крейз, глава отдела маркетинга. Крейз, обладающий сверхъестественной способностью хорошо относиться к своим коллегам, в то же время оставался настоящей акулой бизнеса.

– Джеймс! Первый начал, последним закончил. Молодчина.

Повернувшись на стуле, Джеймс посмотрел на него. Подтянутый, хорошо одетый, лет сорока с небольшим.

– Мистер Крейз, вы все еще на работе?

Донован подошел к столу Джеймса и начал рыться в его личных вещах. Он взял в руки табличку с именем Джеймса, на которой написано «главный инженер-программист».

– У исполнительного отдела свои заботы. Мы ведем переговоры с азиатскими партнерами. Часовые пояса и все такое. В таком проекте без азиатов нам не обойтись, дружище.

Донован положил табличку с именем обратно на стол и подошел к окну. До Джеймса донесся запах алкоголя, хотя по четкой речи сразу и не понять, что он пьян. Донован не отрывался от городского пейзажа в окне. Красноватый оттенок света дополнял цвет его собственных налитых кровью глаз.

– Знаешь… вполне возможно, когда наши ребята в Северной Каролине наконец расколют эту штуку с переносом, у человечества действительно появится шанс.

Внутренний голос рекомендует Джеймсу промолчать.

– Послушай… Донован, я уже говорил, что мы можем позволить людям только взаимодействовать с системой и друг с другом, войти в кибермир и дурачиться сколько душе влезет, но он не предназначен для долгосрочного использования. Это просто развлечение.

Донован отвернулся от окна, спокойно глядя на своего главного инженера-программиста. Джеймс продолжил на него давить.

– Кроме того, мы уже лет десять надеемся на космическую программу по колонизации…

– Не будь идиотом, Джеймс. Я всегда всем говорил, что ты умный парень. Не продолжай, а то пожалею о своих словах.

Донован подошел к шкафу Джеймса и до краев налил в стакан виски.

– В Вашингтоне сидят одни придурки и шутники, никогда их не понимал. Всемирная космическая программа – полный провал, это всем известно. Они просто хотят выиграть как можно больше времени, прежде чем все изменится.

Сжав руки на коленях, Джеймс прокручивал в голове целую серию возможных ответов, но решил промолчать. За эти годы Джеймс научился не связываться с Донованом, когда тот под мухой. В конце концов, Крейз выше его по положению. Джеймс напомнил себе, что молчание не обязательно знак согласия. Но это путь наименьшего сопротивления.

Не встретив возражений, Крейз продолжил:

– Наш проект… это же наш второй шанс. Бога ради, скоро мы даже не сможем гулять при солнечном свете. Человечеству нужен новый дом, и уж точно не в космосе.

Донован указывал на компьютер Джеймса.

– Он находится здесь.

Не в силах сдержаться, Джеймс все-таки ему возразил:

– При всем уважении, многие с вами не согласятся. Только на днях я читал о компании из Колорадо, которая работает над биокуполами. Или та компания из Мэриленда, что разрабатывает подземные убежища.

Джеймс был полон решимости не сдаваться, несмотря на издевательский смех Донована.

– А как насчет тех, у кого есть семьи? Вы собираетесь попросить их отказаться от всего, что у них есть, ради виртуальной… среды обитания?

Глаза и голос Донована мгновенно приобрели холодный оттенок. Он выразительно зажестикулировал рукой, держащей стакан, умудряясь не пролить ни капли.

– А кто сказал, что мы их спросим? Это мы диктуем людям, чего они хотят, за это они нас и любят. Люди не любят принимать решения, Джеймс, но им нравится быть крутыми. Мы ежедневно управляем сотнями йоттабайтов трафика. И каждый их «клик» – наши контроль и власть. Власть, Джеймс. Поэтому – да, когда придет время, мы примем решение за них.

Джеймса словно окатили холодной водой. Часть его задается вопросом, на какую именно компанию он работает. Другая его часть спрашивает, вспомнит ли потом Донован свои слова.

Хмурый взгляд Донована вдруг с жуткой быстротой исчез. Он засиял и дружески похлопал Джеймса по плечу.

– В любом случае, хорошо поговорили, Джеймс. Увидимся, приятель.

Только после того, как Донован вышел из комнаты, Джеймс понял, что все это время не дышал.

* * *

Молчун вернулся к реальности, только когда Матильда пнула его по ботинку.

– Серьезно, ты в порядке? Или ты всегда такой после боя? Я ведь твой работодатель, мне нужно знать.

Он молча поднялся на ноги и направился к платформе у ворот. Отодвинув тело в сторону, Джеймс закурил сигарету и осмотрел устройство. Он задумчиво дымил, пытаясь сложить воедино все безумные части мозаики: работорговцев, Матильду и Донована. Ответ от него ускользал. В курсе ли всего этого Крейз?

Если так, то зачем ему посылать убийц за Матильдой?

Джеймс наблюдал за Ведьмой, которая пинала труп, проверяя, точно ли он покинули этот мир. Труп лежал неподвижно. Брызги крови и данных, пятна грязи, следы бойни, свидетелем которой тот стал, все еще липли к ее куртке. Джеймс уже имел дело с Ведьмой раньше, но Матильда не похожа ни на кого, кого он когда-либо встречал в своей жизни. Он подводит итог кровавой бойне вокруг платформы, запечатлевая в памяти эту кровавую баню.

Матильда потирает руки с обезоруживающе сияющей улыбкой.

– Так… собираемся мы навестить этого парня или нет?

Джеймс наклонился, чтобы получить доступ к элементам управления портала и внести необходимые корректировки. Любопытная Ведьма уже нависла над ним.

– Так что? Ты снова что-нибудь пробормочешь о парне, которого раньше знал, а затем замолчишь? Скажешь, что мы будем делать дальше или нет, в конце-то концов?

Джеймс сплюнул окурок на окровавленную грязь, не отрываясь от работы над порталом.

– В этом деле нам понадобится помощь. Я думаю, лучше сначала встретиться с моим другом.

Матильда нагнулась назад, вытянув перед собой ладони.

– Так, ну ты опять за свои обтекаемые формулировки. А потом? И погоди, ты только что сказал, что у тебя есть друг?

Джеймс закрыл люк от панели технического обслуживания и встал.

– Лучший друг, какой может появиться у Молчуна, – программа.

Джеймс нажал последнюю кнопку, и портал ожил. Джеймс посмотрел на диагностический экран устройства и нахмурился.

– Связь дерьмовая, но должно хватить.

Матильда хлопнула себя ладонью по лбу.

– Куда. Блин. Мы. Идем?

– Ты была когда-нибудь на Гавайях? – На его лице медленно возникла улыбка.

5. Полулюди

Матильда пристально посмотрела в грязное окно гремучего пустого автобуса «Грейхаунд» и испустила унылый вздох. Она застряла в этой ветхой машине почти на восемь часов. Коммуникационные линии из пустошей ходят зубодробительно медленно, но ее не очень интересует, каким образом Система решила доставить их в пункт назначения.

Снаружи автобуса она часами не видела ничего, кроме унылого сгенерированного пейзажа. От скуки Матильда повернулась к наемнику, который спокойно лежал через проход. Она развлекала себя, постоянно задавая ему один и тот же вопрос: «Мы на месте?» Видимо, это раздражало Молчуна, и ей пришлось признать, что это была игра в одни ворота…

Она уже была готова спросить об этом еще раз, когда автобус резко остановился. В передней части кабины без водителя пассажирская дверь открылась с хриплым, гидравлическим шипением.

Джеймс очнулся и начал собирать вещи.

– Ладно. Мы на месте.

Матильда прижалась лицом к грязному окну и увидела точно такой же скучный пейзаж, бесконечно простирающийся во все стороны. Она обернулась к Джеймсу и безучастно на него посмотрела.

– Э, что?

Не обращая на нее внимания, Джеймс вышел из автобуса. Выдохнув, Матильда взвалила на плечи свой рюкзак и поплелась за ним.

Как только она вышла из автобуса, ее ослепил странный свет. Когда зрение наконец-то к ней вернулось, Матильда поняла, что стоит на платформе, расположенной на невероятно высоком прибрежном утесе. Сверкающее солнце освещало кристально чистый голубой океан, по которому вздымались белые гребни волн. Эта картина была в миллион раз лучше, чем сухая жара и кровавая баня, которую они оставили за собой в лагере работорговцев.

Матильда моргнула в благоговейном изумлении перед панорамной красотой, вздымающейся и разбивающейся о скалы.

– Это… это Гавайи? – Матильда поправила свой рюкзак и рассеянно приподняла рубашку над животом в нерешительной попытке освежиться. – Здесь всегда такая парилка?

– Привыкнешь, – буркнул Джеймс.

Матильда только хотела что-то сказать, как вдруг заметила

возле помоста четыре статуи. Они даже издалека казались какими-то зловещими. Джеймс без колебаний направился к ним, но Матильда решила держаться позади. Гуманоидные с виду скульптуры возвышались на шесть метров в высоту. Вырезанные из какого-то вида тропического дерева их гротескные огромные лица выглядели скорее жутко, нежели приветливо.

Молчун резким жестом приказал Матильде замереть. Она окинула побережье быстрым взглядом, но заметила только Молчуна и резные фигуры.

– В чем дело? – спросила она.

Стрелок медленно вынул пистолет из кобуры и аккуратно положил его на траву.

– Секундочку. И не двигайся.

На лице Матильды проступили капельки пота. Это из-за жары, уверяет она себя, но по мере того, как Молчун медленно подходил к статуям, ее живот закрутило. Она посмотрела вниз, изучая траву у своих ног, и посреди пышной зелени то тут, то там заметила едва видимые небольшие участки почерневшей травы и выжженные следы от взрывов. Она подняла свой пристальный взгляд на наемника, внезапно осознав, что в основном следы обугленной грязи и сожженного дерна окружают именно то место, где он сейчас стоит.

Матильда открыла было рот, когда глаза на статуях засветились.

Хотя Ведьма сразу же рефлекторно выхватила нож, она поняла, что эту ситуацию с помощью стали не решить. Она неохотно спрятала клинок обратно под одежду, пока статуи уставились на нее.

Девушка почувствовала силу, исходящую из этих глаз. Она закрыла свои глаза, чтобы избежать их пристального взгляда.

Матильда ощущает, как что-то подступает к ее горлу. Не то предупреждение, не то крик. Она…

– Эй, да ладно тебе. Хватит валять дурака.

Открыв глаза, Матильда поняла, что Джеймс уже стоит далеко позади статуй. Он жестом подозвал ее к себе. Она нерешительно побежала, чтобы догнать его, намеренно лавируя между почерневших пятен.

Вблизи возвышающиеся многоликие столбы казались еще более пугающими – даже таинственнее, чем сама жизнь.

Зияющие рты обнажали грубые ряды зазубренных деревянных зубов. Из-за преувеличенных черт лица с широко раскрытыми глазами статуи скорее были похожи на инопланетян, чем на людей. Матильда вдруг осознала, что затаила дыхание, и жадно набрала полные легкие воздуха. Поляну она пробежала, оставляя

отвратительные скульптуры позади.

Назад она не оглядывалась.

– Что это за чертовщина?

Джеймс склонил голову набок:

– Хранители Оханы. Система обороны островов. – Джеймс показал рукой на пышный тропический пейзаж вокруг них. – Они защищают последний бастион для полулюдей, идеалистов и всех тех, кто достаточно любопытен, чтобы слить свой разум с машиной…

– Эм, даже не страдай я амнезией, я бы все равно ничего не поняла из твоей тарабарщины.

Джеймс остановился и повернулся к ней лицом.

– Охана – это сеть островов, отделенных от главного узла цифрового мира. Этот изолированный регион в основном населен репликантами – автономными протоколами, которые впитали слишком много эмоций и воспоминаний от людей в Киберсайде.

Матильда задумалась о том, кто же такой этот Молчун. Для парня, который не любит болтать, у него есть привычка не замолкать, особенно когда начинает объяснять, как все работает. По крайней мере, размышляла она, ей интересна бо`льшая часть того, о чем он рассказывает. Она задалась вопросом, можно ли это списать на потерю всех воспоминаний за последние три месяца.

– Каким образом программы поглощают эмоции?

Джеймс прочистил горло в знак того, что готовится вещать. Матильда поймала себя на том, что улыбается. Молчун, вероятно, бо`льшую часть своей жизни и рта не раскрывал. Должно быть, ему пришлось нелегко.

– Когда люди запустили Систему, она заселила Киберсайд кучей ИИ-ботов, чтобы облегчить посетителям переход из реального мира. Идея заключалась в том, чтобы оживить этот мир и внести в него разнообразие. Они назывались NPC – неигровые персонажи, как в старых видеоиграх. Их функциональность сосредоточили на производственных и развлекательных целях. Разум NPC ограничили самым базовым и примитивным ИИ. – На одно мгновение выражение его лица стало непроницаемым. – Но сконструированы они так, чтобы выглядеть точь-в-точь как люди.

С этими словами Джеймс продолжил свой путь вглубь острова. Матильда последовала за ним, отставая на один шаг.

– Выходит, они не люди.

Она не могла видеть лицо Джеймса, но услышала, как поменялся его голос.

– Не совсем… ну… поначалу ими точно не были. Со временем их нейронные сети стали понимать, читай – копировать

эмоции человека. Чем больше они наблюдали за нами, тем лучше им удавалось имитировать человеческое поведение.

Матильда вспомнила свое пребывание в Хоумстеде.

– Они выглядели как люди, но были другими. Дай угадаю? Людям они не понравились. Если репликантам пришлось переехать сюда, думаю, что им повсюду были не рады.

Молчун указал на небольшое строение впереди, но не замедлил шаг.

– Ты не так уж и далека от истины. После массовой миграции человечества в Киберсайд все изменилось. Боты начали взаимодействовать с людьми вне протоколов их первоначального кодирования. Люди поселились в своем новом доме и принялись делиться информацией с NPC. Прошло не так много времени, прежде чем кое-кто захотел объединить свой код с репликантом. Затем, чтобы…

Матильда догнала его:

– Чтобы что?

Джеймс попытался отвернуться, но Матильда заметила, что его щеки покраснели.

– Ну… ты поняла. Они… ну…

Матильда задумалась, а все ли Молчуны такие странные. Откашлявшись, Джеймс продолжил:

– Скажем так, они стали крайне близки. Человек передал репликанту часть своего кода, и ИИ стал немного более человечным. Ситуация выходила за пределы физических пониманий. Инженер фактически дарил машине душу, если так можно выразиться. Как только про это узнали, вскоре их примеру последовали и другие. Все больше и больше NPC начали ощущать чувства и искать знания за пределами параметров. Подвергать сомнению директивы.

Впереди они увидели какое-то здание, это оказался киоск рядом с мощеной парковкой. Молчун продолжил свои объяснения:

– Люди начали уничижительно называть их репликантами. Конфликт был неизбежен.

Несмотря на ограниченные познания Матильды в инженерном деле, при этих словах она все равно нахмурилась.

– Разве программы могли атаковать своих же создателей? Какой там может быть «конфликт»? Да больше похоже на избиение мла… – она не договорила, зато смачно ударила кулаком по воздуху.

Джеймс вновь начал сжимать свой кулак – кажется, он непроизвольно все чаще и чаще стал повторять это движение, возможно, сам того не осознавая.

– Ты совершенно права. Конфликт был односторонним. Выжившие репликанты оставили человечество и дальше гнить. Они переписали часть кода Системы и исчезли вместе с теми немногими людьми, которые были на их стороне… теми, кто был достаточно умен, чтобы понять, что грозит Киберсайду. Вместе репликанты и люди создали рай, основанный на воспоминаниях о тех, кто был с ними раньше, – он колеблется лишь мгновение, – с которыми они соприкасались интерфейсами. Охана – это рай вне основного мира, открытый только тем, кому предоставили доступ. Местные очень ревностно защищают свой дом, но все еще связаны кодировкой, которая запрещает им вредить людям. Поэтому те люди, которые пришли с ними, обошли законы Азимова и фактически построили систему защиты. Она защищает их от нежелательных посторонних.

Матильда обернулась назад, чтобы посмотреть на удаляющиеся четыре статуи. Поразмыслила над обуглившимися выбоинами и зазубринами в траве.

– Хорошо, что у тебя этот доступ есть.

Джеймс кивнул.

– Да. К счастью, Стивен убедился, что я могу приходить и уходить, когда захочу. Оставалось только убедить их насчет тебя.

Когда они подходят к киоску, Матильда покусывает внутреннюю сторону своей щеки и гадает, что же Молчун должен был сказать, чтобы их «убедить». Сомнительно, что к ним в гости раньше заглядывали Ведьмы.

В киоске Джеймс нажимает несколько кнопок на дисплее, переключая выбор автомобилей. Она решает поговорить о Стивене:

– Ладно, а как именно твой приятель Стивен может нам помочь? Он что, какой-то воин-монах? Мы здесь, чтобы потренироваться с мастером, который живет в изгнании?

Одно из преимуществ такого непрерывного общения с Молчуном заключается в том, что она уже научилась давить на нужные кнопки. А у него таких кнопок немало.

Естественно, Джеймс обернулся и пристально на нее посмотрел. Матильда улыбнулась и пожала плечами:

– Что? В ожидании новых головорезов Донована я пряталась в заброшенном магазине комиксов. Надо было как-то скоротать время. – Она улыбается все шире, пока Джеймс покачивает головой, и продолжает: – Я просто не понимаю, почему мы не можем сразу же отправиться в этот Вавилон.

Джеймс нажал на кнопку, выбрав автомобиль. На соседнем парковочном месте из влажного, прохладного воздуха материализовался кабриолет. Матильда даже прищурилась от

слепящего отражения на безупречно белой краске.

Стоило им приблизиться к автомобилю, крыша автоматически откинулась.

– Это же не просто кучка работорговцев. Донован контролирует весь Вавилон, и бездумно лезть туда – билет в один конец.

Матильда, следуя за Джеймсом, поколотила воздух руками.

– Ну не знаю, раньше у меня отлично получалось.

Прежде чем открыть водительскую дверь, Джеймс одарил Матильду редкой искренней улыбкой.

– Используй только то, что действительно работает. Ищи всюду, где можешь найти.

Матильда прекратила свою воображаемую атаку и уставилась на Джеймса.

– Не поняла.

Схватившись за ручку, Молчун ответил:

– Ничего страшного. Забыл, с кем я разговариваю.

Он сел за руль, а Матильда просто запрыгнула в салон.

– Слушай, придется играть по-умному. Нам понадобится маскировка, чтобы гулять по Вавилону, а репликанты делают все самое лучшее. Вот поэтому нам нужно встретиться со Стивеном. Он мой старый друг, и он нам поможет.

Автомобиль с грохотом ожил. Когда они выехали со стоянки, Матильда распустила волосы. Джеймс, кажется, знал, куда ехать, ведя их по извилистой прибрежной дороге. Прохладный океанский бриз освежал.

– Итак, этот твой друг – ты встретил его в Киберсайде?

Джеймс только крепче сжал руль.

– Нет. Задолго до всего этого.

Дальше они едут молча. Красота острова с каждым поворотом дороги поражает ее вновь и вновь. Она думает, что жизнь здесь должна быть очень приятной. Все было бы иначе, если бы она очнулась здесь, а не в Хоумстеде.

Молчун ведет себя как обычно. Для человека, который собрался навестить старого друга, он выглядит слишком мрачно. Матильда может только догадываться, что происходит в голове наемника.

* * *

В обеденное время кафетерий «Фолл Уотер Лэйк» похож на колонию муравьев. У сотрудников очень много срочной работы, и, честно говоря, никому не хватает времени, чтобы тратить его

на прием пищи. Раньше у каждого работника было свое собственное расписание – до тех пор, пока отдел кадров в пассивно-агрессивной манере не напомнил всем, что часовой перерыв на обед был обязательным. Теперь все спешат потратить свой час ожидания в очереди. Просто еще один пример безупречных добрых намерений руководства. Джеймс подозревает, что производительность из-за этих мер, наоборот, упала, и никакого роста результатов ждать не следует.

Джеймс просто хотел съесть свой обед и как можно быстрее вернуться к работе, до тех пор, пока не заметил Стивена, своего друга и руководителя проекта. Стивен помахал ему рукой и жестом пригласил Джеймса сесть рядом.

– Что происходит, приятель? Что урвал?

Джеймс бросил взгляд на поднос Стивена, загруженный различными продуктами и напитками. Полный набор продуктов питания программиста: жир, соль, сахар и кофеин.

– А-а, бутерброд, что ли? А я вот помираю с голоду. Проспал после того, как засиделся вчера допоздна. Успел только выпить кофе да выкурить сигаретку. – Стивен посмеялся, и несколько кусочков жареной курицы вылетело из его набитого рта. – Но что я тут распинаюсь, у тебя-то давно вместо крови течет «Ред Булл».

Ухмыляясь, Джеймс приступает к восполнению в организме питательных веществ. Не обращая внимания на его молчание, Стивен продолжает:

– Так как там Сара?

– Хорошо, – врет Джеймс, откусывая свой бутерброд.

Его отношения с женой испортились с тех пор, как его завалили очередной срочной работой. Каждый спор в конечном итоге приводил к тому, что он почти не появлялся дома.

Поддерживая желание товарища поболтать, Джеймс спрашивает:

– А Хелен как?

– Отлично, – врет Стивен в ответ.

Оба знают, что дальше лучше не копать. Хотя Стив бодрится, Джеймс видит ту же усталость, которая таится в его глазах. Он оглядывает шумную, хаотичную столовую. «Фолл Уотер Лэйк» не нужно напоминать, чтобы сотрудники шли на обед. Компания и сама постепенно пожирает своих же работников. У них в этом смысле полное меню: завтрак, обед или ужин – сочного блюда они никогда не упустят.

Стивен запихивает в рот пригоршню картошки фри и просит Джеймса передать ему соль.

– Лгать не буду, Джеймс, – и оптимистичная маска спадает с лица. – Все это начинает меня бесить.

Джеймс останавливается на середине укуса. Он редко видит эту сторону Стивена.

– Приятель, компания думает, что бесплатный обед компенсирует все, что они с нами делают. Но я с удовольствием заплачу за тарелку долбаного цыпленка, если это значит, что я смогу пойти вечером домой. Клянусь богом, еще чуть-чуть, и я вместе с семьей покину этот дерьмовый город…

Джеймс сидит в неловком молчании и слушает, как его друг озвучивает мысль, которая ежедневно приходит в голову едва ли не всем сотрудникам компании. Стивен продолжает, заметно возбудившийся из-за собственного разочарования:

– Хотел сказать, «подышать свежим воздухом», но его ведь и не особо много осталось? – Стивен посмотрел на свой поднос с пищеподобными веществами. – В любом случае, я должен успеть закончить доклад для Скотта к концу дня. Так что присылай свои наметки, когда вернешься.

Друзья проводят остаток трапезы в молчании.

6. Охана

Их живописное путешествие вверх по побережью прошло без особых происшествий. Молчун едет в тишине, не сводя глаз с горизонта. В каждом городе вдоль их прибрежного маршрута Матильда ожидала увидеть охранников или какое-либо сопровождение, но жители, с которыми они сталкивались, просто улыбались и махали им рукой. Хранители Острова, видимо, работают очень хорошо, раз люди здесь такие доверчивые.

Машина слегка подпрыгнула на кочке, и Матильда вернулась к главной теме их разговора – встрече со Стивеном. Этот человек – друг со времен еще до Киберсайда, по крайней мере, как утверждает Молчун, может помочь им проникнуть в Вавилон незамеченными.

Молчун определенно оправдывает свое прозвище с момента их появления на острове.

Наконец Джеймс снижает скорость и сворачивает на окруженную деревьями дорогу, ведущую к большому дому, который уютно расположился на склоне горы. У ворот подъездной дорожки Джеймс ввел пароль, и железные ворота со скрипом открылись. Матильда бросила взгляд на Молчуна. Его лицо непроницаемо, и он заводит машину по гравийной дорожке вверх.

Матильда замечает молодого человека, сидящего на крыльце и машущего ей рукой. Пока они все еще находятся вне пределов слышимости, Матильда быстро спросила Джеймса:

– Должна ли я знать что-нибудь определенное о твоем друге?

Прежде чем Молчун успел ответить, мужчина на крыльце поднял обе руки и закричал:

– Джеймс!

Этот человек совсем не похож на монаха-воина, каким его себе представляла Матильда. Весь его вид, от коричневых кожаных сандалий с открытым носком и ослепительно-белых шорт до тропической рубашки с кричащим рисунком, словно кричит: «Турист!»

Заглушив мотор и выйдя из машины, Джеймс отвечает на приветствие широкой улыбкой. Матильда делает вид, что испуганно отступает назад.

– Погоди, это была улыбка? Ты действительно способен улыбаться?

Не обращая внимания на ее выпад, Джеймс радостно пожал Стивену руку, после чего они обнялись.

– Когда вы приехали, охрана мне маякнула. Сколько лет,

сколько зим. – Он повернулся к Матильде и протянул ей руку. – Приятно познакомиться. Меня зовут Стивен.

Заинтригованная Матильда решает проверить этого друга. Она надеется оценить его личность и отомстить Молчуну за то, что он был так замкнут. Она расправила плечи, понизила голос, задержала на нем свой взгляд и с серьезным лицом произнесла:

– Приветствую тебя, Стивен. Рада с тобой познакомиться. Меня зовут Матильда. Джеймс работает на меня.

Она с удовольствием отмечает, что ее выпад дал желаемый эффект. Наемник тут же выпрямился и попытался вмешаться:

– Подожди-ка минутку…

Громкий смех Стивена заглушил остальные возражения Джеймса.

– Ха! Рад видеть, что Джеймс наконец-то привел кого-то с чувством юмора! – Он искоса посмотрел на Матильду. – Его приятели по ремеслу обычно невеселые ребята.

Усмехнувшись, Стивен пригласил всех в дом:

– Вы наверняка устали. Проходите во внутренний двор.

Когда Стивен повернулся к дому, чтобы идти впереди, Молчун бросил на Матильду раздраженный взгляд. Она рассмеялась:

– Что? Я просто хотела посмотреть, так ли мрачен твой друг, как и ты.

Задний двор дома – словно картинка с открытки живописного тропического отпуска. Перед Матильдой открывается вид на долину, город и набережную океана, раскинувшегося под ними.

Когда Стивен занял свое место за столиком на заднем дворе, из раздвижной стеклянной двери вышла молодая женщина в шелковом халате. Она поставила поднос с напитками на стол и удобно устроилась на коленях у Стивена, улыбнувшись Джеймсу и Матильде.

– Привет, Джеймс. Очень рада тебя видеть. А это?..

– Саманта, дорогая, это Матильда, – быстро произнес Стивен. – Босс Джеймса.

Стивен подмигнул Матильде, а Джеймс тем временем только глухо простонал. Матильда даже не пыталась сдержать свой смех.

Усмехнувшись, Саманта протянула ей руку.

– Алоха, Матильда. Я очень надеюсь, что вам у нас понравится.

После знакомства Стивен и Джеймс начинают свою стремительную игру в «свежие новости». Стивен потчует их историей про неудачные попытки посторонних проникнуть на территорию, приближающийся праздник урожая и делится своими собственными планами на урожай в предстоящем году.

Джеймс в свою очередь вспоминает свои успехи на тропе Молчуна – рассказывает про посещенные им города и убитых им монстров. На радостях от счастливого воссоединения Саманта взволнованно поделилась своей новостью: они оба хотят завести ребенка. Они со Стивеном договорились, что собираются объединить свои информационные данные и попросить Систему предоставить оболочку в виде нового информационного объекта.

Джеймс поздравляет их, но Матильда замечает, как быстро он сгибает правую руку.

Матильда прислушивается к их разговору, потягивая свой напиток. Она не может не поразиться тому, насколько эти два человека не похожи друг на друга ни внешне, ни манерами. Их жизни в Киберсайде едва ли можно было сравнивать: один, можно сказать, ее не принимал, а другой спокойно шаг за шагом пытался сохранить свою человечность.

Яркое солнце постепенно опускалось к горизонту, заливая задний двор все более густыми тропическими красными и золотыми тонами. Несмотря на радость встречи, Матильда начинает беспокоиться. Все здесь просто чересчур идеально. Эта мысль не вызывает у нее чувства непосредственной тревоги, скорее тихий, ползучий смог. Всю свою жизнь она была либо охотником, либо жертвой. По крайней мере, всю ту свою жизнь, которую она помнит.

Пока Матильда размышляла о своем существовании, вокруг стола без конца оживленно вспоминали ту или иную историю.

– А как вы познакомились? – вдруг выпалила Матильда, страстно желая вступить в разговор и не думать о своем.

Стивен ласково посмотрел в глаза своей партнерше:

– Даже не знаю. Да тут и рассказывать особо нечего. Мы встретились почти сразу после Второй Великой миграции. Саманта управляла магазином. Когда люди начали экспериментировать и расширять уровни общения с программами, это просто показалось естественным. Мое лучшее решение за всю жизнь.

При этих словах Саманта с довольным видом положила голову на грудь Стивена. После недолгого молчания разговор перешел от свежих новостей, обмен которыми положен по этикету, к деталям их прибытия.

Стивен откинулся на спинку стула, заложив руки за голову.

– Итак, Джеймс, как бы мне ни хотелось думать, что ты наконец-то решил позагорать…

Отодвинув тарелку, Джеймс потянулся за пачкой сигарет.

– Не хочешь поговорить наедине, пока дамы болтают друг с другом?

Извинившись перед Самантой, Стивен повел Джеймса через боковой двор к передней части дома, оставляя женщин наедине с их собственными делами.

В наступившей тишине, нарушаемой лишь порывами ласкового теплого ветерка, Матильда снова взглянула на Саманту и не без труда выдавила из себя добродушную улыбку.

– Так… ммм… хочешь стать матерью, да? – От этого вопроса она сама внутренне поморщилась. Саманта засияла.

– Да, мне кажется, что и Стивен, и я готовы к этому.

В наступившей тишине Матильда отчетливо услышала тихий звон тающих кубиков льда в ее стакане.

– Что ж, тогда, ммм… поздравляю?

Матильда внимательно изучала зернистую поверхность стола. В Хоумстеде у нее было мало времени на пустую болтовню, а детали их нападения на работорговцев наверняка пришлись бы не к месту.

Матильда пьет свой чай со льдом, пытаясь собраться с мыслями. Ведьмы обладают непревзойденной способностью пленять других, но эта сила, к которой она прибегает только в случае опасности, неизбежно приводит к поглощению жертвы.

Она подняла голову и через задний двор посмотрела на бескрайний и невероятно голубой океан, простирающийся до самого горизонта.

Насколько она могла видеть, ни одной угрозы – кроме нее самой.

Ведьма издала негромкий, неподобающий для леди звук, пытаясь найти, что можно было бы сказать.

Хоть что-нибудь интересное.

– Это… ммм… наверное, славное место для индексирования.

Саманта улыбнулась ей и элегантно повела плечами.

– Мы, репликанты, не подвержены этому феномену. Для тех немногих людей, которые находятся здесь, в Охане, у нас нет правил индексации.

Матильда взглянула на переднюю часть дома, куда, как она предполагала, ушел Молчун. Без правил индексации Джеймс мог оставаться здесь столько, сколько захочет. И все же, по какой-то причине, которая ускользает от Матильды, он выбрал бродилки по Киберсайду.

Матильда перевела взгляд на Саманту, которая все еще улыбалась. Внезапно она поняла, что ее беспокоило: репликанты так стараются быть похожими на людей, что выбрали отражение определенного аспекта человека – того, что является для них примером… а для Матильды человечество – это жестокость, насилие и жадность. Проще говоря, репликанты действительно

слишком хороши, чтобы быть людьми.

Пытаясь выпутаться из этой трясины размышлений, Матильда спросила Саманту:

– А есть еще что-нибудь перекусить?

Она встала и подмигнула ей.

– Конечно. Стивен – довольно известный сластена. Я что-нибудь нам найду.

Матильда еще глубже вдавилась в свое кресло. Ожидая Саманту, она отчаянно пыталась составить список вопросов для светской беседы, но к тому времени, когда та вернулась с двумя порциями мороженого, ничего связного так и не пришло в голову. Грациозно заняв свое место, Саманта медленно зачерпнула ложкой маленький кусочек десерта.

– Стивен однажды сказал мне интересную вещь: глаза – это зеркало души. Забавная поговорка, я знаю, – репликант оторвалась от своей тарелки, чтобы посмотреть прямо в глаза Матильде. – Но твои так много говорят о тебе, Матильда.

Матильда молча наблюдает за ней. Саманта продолжает:

– Мои… как бы я ни старалась, мои глаза никогда по-настоящему не будут похожи на твои. Я остаюсь тем, чем я и являюсь. Кодом. Но если я смогу создать что-то со Стивеном… разве это не сделает меня хотя бы похожей на человека? – Она смотрит прочь, на долину в сторону океана. Ее глаза, кажется, наполняются слезами. – Зато твои глаза. Их у тебя никто не отберет.

Матильда молча ковыряется в своем мороженом.

Саманта внимательно изучает Матильду, ее глаза бегают туда-сюда. Внезапно она говорит:

– Прости, Матильда. Я не должна была доставлять тебе неудобства.

На мгновение тишину прерывает лишь скрип ложек по блюдечкам. Матильда еще немного помешала мороженое. И не подняла голову при словах, слетевших с губ Саманты.

– Итак, Стивен сказал, что ты Ведьма. Должно быть, у тебя очень интересная жизнь.

Стиснув зубы, Матильда не отрывалась от размазывания тающего десерта.

– Да, я уверена, что здесь их было не так уж много. – Матильда проталкивает ложку вниз, пока не касается дна блюдца.

Саманта спокойно продолжает:

– Нет. Я действительно верю, что ты первая из своего вида ступила на землю Оханы. Для меня большая честь видеть тебя в нашем доме.

Из множества слов, которые Матильда могла бы ожидать,

«чести» там точно не было.

– А может быть, «ответственность»? Насколько я знаю, большинство людей не любят, когда к ним в гости заглядывает чудовище.

Улыбка Саманты слегка увяла. Матильда ясно видит печаль в якобы несовершенных глазах репликанта.

– Дорогая, когда-то мы все жили в мире людей, вот почему мы должны были создать это место. Мы все для них отверженные.

Матильда слегка выпрямилась и изучила лицо молодой женщины. Возможно, у Ведьмы больше общего с ее хозяином, чем она первоначально предполагала.

Саманта откашлялась и отодвинула тарелку.

– Хочешь, я расскажу настоящую историю о знакомстве со Стивеном? Он любит опускать неприличные детали.

У Матильды перехватило дыхание, но она выразительно закивала.

– Да, с удовольствием.

Пока Саманта рассказывает свою историю, Матильда жадно откусывает большой кусок мороженого. Вкус у него просто фантастический.

* * *

В дальнем конце дома Молчун вытащил погнутую сигарету и закурил. Стивен в плетеном кресле набил свою трубку табаком.

– Итак, давай без обиняков. В чем дело, Джеймс?

Джеймс с сигаретой во рту потянулся и прислонился к деревянной колонне на крыльце.

– Ну, ты же знаешь. Все катится к чертям.

Стивен одарил его мягким смешком:

– Значит, все как обычно.

Джеймс стряхнул пепел.

– Ну, если серьезно, то системные законы рушатся или переписываются один за другим. Полный бедлам.

Стивен раскурил свою трубку:

– Всегда так было.

Джеймс покачал головой:

– Нет. Это совсем другое дело. Все вышло из-под контроля. Странные вещи творятся. Раньше такого не было.

Прежде чем ответить, Стивен выпустил колечко дыма на потолок крыльца.

– Настолько странные, что Молчуны теперь путешествуют с Ведьмами? О чем ты только думал, когда привел ее сюда? Она,

конечно, милаха и все такое, но ты хоть представляешь, что мне пришлось сделать, чтобы ей разрешили доступ?

Джеймс кивнул, закрыв глаза:

– Да, Стивен. Не знаю, как тебя отблагодарить. Я понимаю, что свалился как снег на голову, но в ней есть что-то странное. Другое. Не пойми меня неправильно, она сама по себе странная… но в другом смысле. Она утверждает, что не помнит ничего, кроме последних трех месяцев. И ее преследуют люди Донована. Что-то не сходится, и я начинаю задаваться вопросом, не замешан ли тут кто-то еще.

Стивен молчит, а из его трубки поднимается облачко дыма.

– Как я уже сказал, она вроде милая. И ты действительно хочешь во все это впутаться? Не пытаешься ли ты случайно открыть ящик Пандоры?

Джеймс закурил еще одну сигарету.

– Да, в этом нет ничего особенного. Мы просто навестим Донована. Получим от него хоть какие-то ответы. Так или иначе.

Стивен отрицательно покачал головой:

– Приятель, у нас с тобой совершенно разные представления о том, что значит «ничего особенного». Спроси себя, зачем ты на самом деле это делаешь… и стоит ли оно того.

Они оба молча курят, глядя на долину.

Покончив с табаком, Стивен со стоном поднимается со стула.

– Ну… я так понимаю, мне нужно кое-что для тебя сделать. Итак, что тебе нужно?

Джеймс бросил сигарету в ведро, стоящее у подножия крыльца.

– За Ведьмой охотятся. Как только мы войдем в Вавилон, на нас накинутся все головорезы Донована.

Стивен рассеянно почистил трубку.

– Конечно. Тебе нужна маскировка. Но Ведьму трудно спрятать, у них довольно специфические черты профиля: знатоки их сразу заприметят. А у Донована при себе одни из лучших ищеек. Но я попытаюсь. Твою систему тоже было бы неплохо обновить, Молчун.

Джеймс кивнул ему:

– Спасибо, Стивен. Ты лучший.

Стивен кивнул в ответ:

– Да. Конечно. Давай прибережем похвалы до тех пор, пока я не закончу работу. Мне понадобится некоторое время, чтобы написать ее код и обновить твой. Мне понадобится твой модуль.

Джеймс снял с себя часы.

– Серьезно, Стивен, спасибо. Тебе самому нужна какая-нибудь помощь?

Стивен повертел аппаратуру в руках, не поднимая глаз.

– Нет, я лучше сам этим займусь. Расслабься. Сними груз с плеч. У меня такое чувство, что ты еще не скоро сможешь отдохнуть. В холодильнике стоит пара банок пива.

Джеймс похлопал его по плечу.

– Звучит превосходно. Пойду проверю, все ли в порядке с Матильдой, а потом возьму что-нибудь выпить. – Стивен тоже похлопал Джеймса по спине, прежде чем вернуться в дом.

Спустя несколько часов Джеймс сидел в кресле-качалке на крыльце. Было уже поздно, но холодное пиво в его руках само себя не выпьет. И ему самому не с руки отрицать, что его постигла судьба предшественников. Джеймс улыбнулся, посмеялся и признал, что слегка пьян. Он слышал грохот и гул оборудования в мастерской Стивена. Джеймс хотел пойти туда и возобновить разговор о старых временах – о мире до всего этого. Но он знал, что это только отвлечет Стивена от работы. Джеймс оценил содержимое своей бутылки и почувствовал удовлетворение, слушая успокаивающий скрип кресла-качалки под теплый поток тропического вечернего воздуха.

Смех из глубины дома притягивает его вялый взгляд. Для существ, которые были созданы без эмоций, репликанты наверняка научились любить друг друга. Любовь. Эта мысль убеждает его сделать еще один большой глоток из бутылки.

Стивен решил открыть свой разум репликанту и, кажется, обрел свое счастье. Но оно имеет свою цену. Он живет в чистой, мирной части Системы, в то время как Молчун бродит по бесплодным землям.

– Но некоторые вещи тебе уже не вернуть, – пробормотал он ночному воздуху.

Он повертел оставшееся пиво в бутылке и прислушался к далекому океану. Джеймса удивляло то, что репликанты сражались за создание нового мира. Попытки человечества жить в Киберсайде шли далеко не так хорошо, как то, что удалось построить репликантам. Но если все здесь хотя бы частично люди, сколько времени пройдет, прежде чем и этот уголок развалится вместе со всем остальным?

Джеймс отрицательно покачал головой, в которой начало шуметь, и решил отложить бутылку. Он понял, почему повстречал Ведьму и куда ведет его путь. Прошлое наконец-то его догнало, чтобы бросить вызов. Как бы далеко он ни бежал, выбора не было.

Теплый ветерок мягко окутал его сознание, и Джеймс задремал в кресле-качалке. На этот раз прошлое ему не снится.

Он провалился в теплую, гостеприимную темноту на всю ночь.

* * *

Утром солнце согревает долину, озаряя ярким светом каждый цветок, куст и зеленую рассаду. Матильда прислонилась к двери, наблюдая за Молчуном, который мирно дремлет в неудобном кресле-качалке. Она услышала звон тарелок на кухне и вернулась в дом.

Стивен почти закончил свою работу, Саманта накрыла на стол, и аромат богатого, ароматного кофе наполнил воздух. Несмотря на первоначальное недоверие к этому месту, теперь Матильда не хочет уезжать. Где она еще обретет спокойствие, как не здесь?

Девушка размышляла над разговором с Самантой, который, несмотря на неловкое начало, продолжился до глубокой ночи. Теперь она точно знала, как сильно ей нравится беседовать с другим человеком. Расслабиться и полностью отдаться процессу, следить за течением времени. И вот она смотрит, как Джеймс все еще спит в кресле на крыльце.

Она благодарна ему за то, что он привел ее сюда и познакомил со своими друзьями. Словно по мановению волшебной палочки, Стивен положил руку ей на плечо.

– Доброе утро, Матильда.

За ночь он зарос щетиной, измученный сонный взгляд выдавал в нем человека, который проработал ночь напролет.

– Джеймс попросил сделать для тебя защиту. Она поможет тебя укрыть, но так как он не сказал, какую форму должна принять программа, я выбрал ее за тебя. Должно подойти. Держи.

Он вложил ей в руку серебряное ожерелье с изящно сделанным кулоном в форме ключа.

– Эм, спасибо, Стив.

Саманта позвала их с кухни:

– Завтрак готов, ребята. Кто-то должен разбудить соню.

Стивен кинул в сторону Джеймса:

– Может, ты пойдешь и разбудишь его?

Матильда не смогла скрыть своего удивления.

– Что? Почему я?

Стивен устало ей улыбнулся:

– Потому что лично я чувствую запах бекона, – и, подмигнув, он направился на кухню.

Матильда рассмеялась и направилась к парадному крыльцу.

– Джеймс, пора вставать, – но человек в кресле-качалке даже не шелохнулся.

Не зная, что делать, она предприняла еще одну попытку:

– Серьезно, Джеймс. Проснись и пой.

Наконец быстрый удар ногой по ногам его разбудил. Он с недоумением взглянул на запястье, с которого пропали его часы, но затем вспомнил, где находится.

Уже по пути на кухню Матильда оглянулась через плечо:

– Эй, поднимай свою задницу или останешься без бекона, Молчун!

После завтрака Матильда и Джеймс попрощались с Самантой и Стивеном. Саманта начала было причитать, что они даже не побывали на пляже, но Молчун мрачно и решительно дал понять, что им нужно срочно отправляться в путь.

Пока Джеймс вез их по прибрежной дороге обратно к информационному киоску, в ушах Матильды еще звучали плеск и грохот прибоя, звук мотора, шум ветерка. Часть ее хотела бы ненадолго задержаться, но в глубине души она жаждала попасть в Вавилон. Если хоть что-то из сказанного Стивеном за завтраком правда, то Матильда готова.

Когда они подъехали к терминалу, Джеймс вбил пункт назначения. Матильда глубоко вдохнула океанский воздух, позволяя ему наполнить легкие.

Она игриво провела рукой по воздуху. Джеймс почти ничего не рассказал ей о Дононе и его Вавилонской Империи, и она так и не поняла, почему этот парень так важен.

Портал с жужжанием вернулся к жизни. Теперь это только вопрос времени, и Матильда решила не беспокоиться о подробностях.

Насколько серьезно можно относиться к парню, который живет в месте под названием «Голливуд»?

7. Вавилон

Тусклость ветхого поезда подчеркивалась его затхлым запахом. Путешествие выдалось не самым удобным, но Джеймс был благодарен, что маскировочное программное обеспечение Стивена сработало. Поздний послеполуденный свет проникал в окно поезда, направляющегося в центр Вавилона. Вдали массивные небоскребы возвышались над уличной грязью и бедностью внешних регионов. Время от времени Джеймс замечал стены и витрины магазинов, разрисованные антидонованскими граффити, хотя по мере приближения к центру города граффити становилось все меньше.

Молчун боролся с желанием поерзать под непривычной тяжестью новой одежды. Ему было непросто отказаться от бродяжьей формы, но для выполнения задания требовалось что-то менее заметное.

Сейчас он был одет в выцветшие джинсы, рубашку с V-образным вырезом, грязные теннисные туфли и бейсболку. Матильда молча устроилась рядом с ним. Ее внешность кардинально изменилась со времени их первой встречи в Хоумстеде: короткие рыжие волосы теперь покоились на ее плечах, на ней были дорожный плащ, белая водолазка, черная юбка, ажурные чулки и армейские сапоги, а потертый рюкзак лежал под сиденьем.

Голос по внутренней связи объявил о прибытии на станцию «Ван-Нуйс», и поезд замедлил ход. Молчун еще глубже погрузился в свое кресло. С последним толчком локомотив остановился, и пассажирские двери с шипением открылись. Джеймс наблюдал за тем, как уставшие от путешествий жители выходят из вагона, спеша быстрее добраться до места назначения. Пустота заполняет их глаза, когда они размеренно, привычно шагают в ногу, каждый человек полностью охвачен собственными мирскими заботами. Охотно или нет, но все они производят трафик для империи Донована.

Через несколько мгновений те, кто ждал на платформе, с одинаковой апатией прошаркали в вагон, и поезд возобновил свое ритмичное, покачивающееся путешествие. Джеймс покачал головой, переполненный все растущим разочарованием, которое едва ли можно выразить словами. Для вида, который настойчиво провозглашает свое стремление к свободе, человечество так страстно желает продаться в рабство – так отчаянно бежит из умирающего мира, – что готово страдать в мрачном бытии вроде этого. Киберсайд был разработан для безграничных

возможностей, а в итоге в реальность воплотили самые страшные кошмары.

Матильда коснулась его локтя, привлекая внимание к передней части вагона. Двое мужчин в форме корпорации «Вавилон» прогуливались по проходу, методично останавливаясь рядом с каждым пассажиром и сканируя их идентификационные карты. Эти патрули сформировал Донован с двумя целями: проверять свою собственность и держать население в узде. Винтики в крупной машине, поддерживающие хватку Донована в городе.

Ведьма напряглась в своем кресле, но Джеймс быстрым движением положил ладонь на ее руку, чтобы удержать ее от нападения. Меньший из двух охранников помахивал дубинкой, и Джеймс сомневался, что ему нужен повод, чтобы пустить ее в ход. Присмотревшись к Матильде, мужчины направились к ним.

– Эй, красотка, что ты забыла с этим неудачником? Не припомню, чтобы я видел тебя раньше в своем поезде.

Он потыкал концом своей дубинки в грудь Молчуна. Сохраняя на лице полное спокойствие, Джеймс поднял глаза.

– Тогда у тебя очень хорошая память, дружище. Ну на то ты и сотрудник компании. Простите мою коллегу, она тихоня. Мы едем охотиться.

Джеймс показывает офицеру свои новые документы. Он по-прежнему Молчун, но уже не Джеймс Рейнольдс. Усмехнувшись, офицер открывает идентификационную программу.

– Это мы еще посмотрим.

Джеймс молча терпеливо ждет. Работа Стивена безупречна. Когда офицер осматривает ID-программу, он замолкает и слегка хмурится. Джеймс с трудом сдерживает ухмылку. Болван Донован или нет, но этот человек понимает, как глупо провоцировать Молчуна. Если один такой приехал на его поезде, это значит, что на выгуле монстр гораздо более опасный.

Закрыв идентификационную программу, офицер спрашивает с оттенком новообретенного почтения:

– За чем именно вы охотитесь?

Джеймс слегка наклонился вперед, понизив голос до доверительного, «чисто-между-нами», шепота:

– Мы получили известие, что в городе объявился Кукловод. Мы отслеживаем его запах.

Глаза офицера расширились от ужаса.

– К-кукловод?

Ближайшие к Джеймсу и Матильде места опустели еще до того, как Джеймс осознал этот факт. Другие пассажиры, которым, вероятно, и так было неудобно в присутствии офицеров, теперь

получили предлог, чтобы скрыться подальше. Из всех существ, населяющих Киберсайд, Кукловоды – самые опасные твари, их ненавидят и боятся. Оставшиеся без контроля Кукловоды систематически развращают и пожирают целые сообщества своими чудовищными, воспроизводящимися вирусами. Однажды заразив жертву, Кукловод сохраняет контроль над ее телом. Все это время ум Кукловода, который едва ли выходит за рамки детского, заражает тех, с кем он хочет играть, и, когда они ему надоедают, он их пожирает. «Это еще в лучшем случае, – мрачно думает Джеймс. – Порой с жертвами случаются вещи и похуже. А в таком огромном городе, как Вавилон, изобилующем потенциальными жертвами…»

Джеймс содрогается при воспоминании о своем столкновении с одним из этих мерзких существ. К сожалению, единственный способ поймать Кукловода – это отравленная приманка с имплантированным контрвирусом, убийцей монстров. Все равно что умиротворить древнего бога девственной жертвой.

Теперь офицер взглянул на Матильду. Возможно, он что-то просчитал в своей голове.

– Я… ммм… понял. Удачи, Молчун.

Его напарник, такой же каменнолицый и смертельно бледный, не произнес ни слова.

Джеймс был уверен, что как только их смена закончится, эти люди найдут не один предлог, чтобы вернуться домой пораньше и остаться внутри. Чем меньше приспешников Донована на улицах, тем лучше.

Матильда потрясенно оглядела вагон.

– Серьезно, все ушли?

Джеймс кивнул.

– Люди так и делают, когда им страшно.

– Ну, они боятся Донована, – пробормотала Матильда, – и все равно не уходят. Какая разница между ним и Кукловодом?

Джеймс посмотрел в окно на приближающиеся башни.

– Если ставить вопрос ребром – то никакой.

* * *

На станции «Юнион-Стейшн» Молчун и Матильда вышли из поезда и присоединились к потоку удаляющейся толпы. Снаружи усталое, заходящее солнце делало все возможное, чтобы пробиться сквозь толстый слой смога. Крики торговцев безделушками, продавцов ларьков и владельцев магазинов соперничают с постоянным усиленным обстрелом рекламы,

объявлений о транзитных перевозках и вавилонской пропаганды.

Двигаясь вместе с толпой, Джеймс чувствует растущую тревогу, сковывающую его мысли. Годы работы не снискали ему любовь толпы. Монстры Киберсайда могут прятаться у всех на виду. Он обнаруживает, что постоянно переключается на потенциальные мишени, обращает внимание на свободные руки, на выпуклости в громоздкой одежде, на рюкзаки, на коляски, на каждый мимолетный взгляд в его направлении. С таким количеством людей каждое движение может предвещать скрытую угрозу.

Ошеломленный объемом данных, он хватает Матильду за руку и продирается сквозь поток тел. Матильда вздрагивает и толкается, когда ее тащат дальше:

– Эй, какого черта?

Заметив небольшой парк, Молчун выводит их из главного узла и идет к скамейке. Присев, Джеймс наконец отпускает Матильду.

Она смотрит на него с беспокойством и тревогой.

– Ты в порядке, чувак?

Он кивнул.

– Я… я вообще-то не люблю толпу. Слушай, просто дай мне минутку…

В чем бы он ни нуждался, выражение лица Матильды добра ему явно не обещало. Джеймс достал пачку сигарет, отчасти для того чтобы временно избежать ее пристального взгляда. Осталась только одна сигарета. Молчун не поднимает глаз, когда Матильда начинает говорить:

– Когда ты в последний раз пил воду?

Он покачал головой и наконец на нее посмотрел:

– Серьезно, я в порядке.

Матильда одарила его улыбкой.

– Ну конечно, дружище. Вот что я тебе скажу, я хочу пить, так что подожди здесь, пока я вернусь.

Молчун оценил, что она не продолжила допрос.

– Хорошо, но купи мне немного сигарет. Здесь…

Он зашел в свой инвентарь, создал специальную учетную запись и перевел некоторую сумму.

– Если уж пошла, то заплачу.

Матильда улыбнулась еще шире и приняла перевод.

– Ладно, дедуля. Побудь здесь. В твоем преклонном возрасте тебе и ходить никуда нельзя.

Когда Матильда вошла в магазин напротив вокзала, Молчун невольно позволил себе редкий искренний смех. Приятное ощущение.

Он закурил последнюю сигарету, ожидая, когда никотин приведет его в норму. Лучше и не скажешь. Он провел слишком много времени в дебрях Киберсайда и оказался не готов к такой огромной толпе. Джеймс посмотрел вниз на свои часы индексации и заметил, что цифры немного отстают: это эффект огромного количества субъектов, отправляющих запросы в систему. Он взвесил шансы на потенциальную аномалию в толпе людей вокруг него, медленно выдыхая дым и пытаясь сосредоточиться на другом.

Когда человечество больше не могло справляться с экологическими катастрофами умирающего мира, в надежде спастись Киберсайд заполонили толпы новых жителей. Подобно линяющим ящерицам, они без лишних вопросов сбрасывали свои физические тела. Однако безопасность массовой миграции была под вопросом.

Даже самые оптимистичные аналитики «Фолл Уотер Лэйк» оценивали ситуацию так: с увеличением спроса и пропускной способности, необходимой для обработки запросов, до пяти процентов переходов в Киберсайд почти наверняка закончатся аварией. Результатом каждого из этих сбоев переноса будет частичная потеря сознания – или, что еще хуже, аномалия.

Хотя этот прогнозируемый пятипроцентный уровень отказов все еще пугал статистиков, он был бесспорно предпочтительнее альтернативного стопроцентно летального исхода в реальном мире; пять процентов казались ничтожными в сравнении с ожиданием смерти от парникового эффекта. Что такое пять из каждой сотни? Не много. Кто бы не был готов бросить эти кости?

Когда оказалось, что размер выборки исчисляется миллионами, результаты были столь же предсказуемы, сколь и ужасны. Друзья, коллеги и члены семьи становились психопатами, мутантами или монстрами. Стоило ли оно того, чтобы добиться спасения?

Джеймс чувствовал, как к нему возвращается очередное воспоминание, и сделал еще одну глубокую, наполняющую легкие затяжку. Он пытался вспомнить что-то еще, что-нибудь другое, но его мысли возвращали его в знакомое и ужасное место. Его рука дрожит и сжимается в кулак. Джеймс чувствует, как байты данных просачиваются в его разум, вытесняя остальное.

В своем нынешнем состоянии Молчун не может ничего сделать, чтобы остановить это.

* * *

Один из чрезвычайно редких для него выходных дней. Сара улыбается. Джеймс везет их с Тимоти в знаменитый заповедник. Это редкая возможность даже для богатых – навестить, пусть и мимолетное, прошлое. В заповеднике все еще растет зеленая трава и посетители могут гулять без охраны. Хорошо охраняемая и экологически изолированная зона, в которой находится парк, небольшой курорт на берегу озера, настоящий лес и столь желанный свежий воздух, защищенный тщательно сконструированным, замаскированным куполом, который окружает сектор.

Они приехали на трехдневный отпуск, самый длинный из тех, что Джеймс проводил в последнее время. После заселения в небольшой гостинице Джеймс рассматривает декор. Номера оформлены тематически. В стиле их номера использованы мотивы начала XXI века. В любом другом месте он бы плевался от столь дурного оформления, но сейчас он очарован этой мозаикой. Его счастливая семья почти распаковала свои сумки. Тимоти выложил на кровати все свои самые ценные игрушки, а Сара уже переоделась в купальник и накинула халат. Распаковывая чемодан, Джеймс достал свой телефон – устройство, которое привязывает его к неумолимому рабочему циклу «Фолл Уотер Лэйк». Дошло до того, что звук уведомления по электронной почте вызывает нервное подергивание в его руке. Смеясь, он кидает устройство внутрь чемодана. В заповеднике есть специальные зоны сотовой связи и Wi-Fi, но здесь его точно нет. Джеймс не намерен отвлекаться на работу.

Зеленые армейцы его сына развернули наступление на тираннозавра рекса, а жена напевает в ванной комнате. Джеймс сияет от удовольствия. Скоро они отправятся ужинать в местную закусочную «Яннуцци», где он раскошелится и закажет сочный бургер с настоящим мясом и картошкой фри, а Тимоти устроит полный бардак, пожирая любимые спагетти с фрикадельками. Позже они с женой откупорят бутылку-другую вина и будут наслаждаться голографической проекцией пиксельного идеального заката.

Ради этого он и пашет на своей работе. Бесчисленные сверхурочные часы наконец-то окупились. Джеймс хочет сохранить это воспоминание навсегда.

Но смех его сына затихает, и стены рушатся прямо у него на глазах.

Что-то невидимое хватает его за плечо и трясет, таща обратно в Киберсайд.

* * *

Он сидит на скамейке, сонно глядя вверх. Матильда стоит над ним, держа в одной руке пластиковый пакет, а другой потряхивает его за плечо.

– Давай найдем тебе место, где ты сможешь нормально отдохнуть, там же и обсудим план.

Молчун протестует, мыслями он еще находится в другом мире, память критично истощает его резервы. Заметив потрепанного вида мотель не далее, чем в двух кварталах отсюда, Джеймс указывает на здание. Плоская неоновая вывеска без единого слова. Внезапно он оказывается на ногах и уже медленно идет к мотелю. Матильда помогает ему сохранять равновесие. Они входят в вестибюль мотеля через старые деревянные двери, которые сообщают об их прибытии раздражающим звоном.

За ближайшим прилавком стоит неряшливый пожилой человек с пронзительными голубыми глазами и оценивающим взглядом смотрит на Джеймса. Он сразу распознал Молчуна, и одного этого факта хватает, чтобы не задавать лишних вопросов.

Джеймс сосредоточился на старике, чтобы хоть как-то зацепиться за эту реальность. Что-то в этом человеке кажется ему знакомым.

– Нам нужна комната, пожалуйста.

Портье кивает и протягивает руку с ключом от номера. Именно тогда Джеймс заметил татуировку в виде скрещенного ромба на правом предплечье мужчины – знак того, что он имеет дело с Отшельником. Загадочные Отшельники смирились с жизнью в этом новом цифровом мире Киберсайда, одержимом данными, но избегают наполнять свое сознание бессмысленной информацией. Татуировка – это программа, предназначенная для защиты самых заветных воспоминаний, она же минимизирует влияние повседневных событий на емкость памяти отшельника. В конце каждого системного дня они тщательно отбирают то, что хранится в их постоянной памяти. Как именно Отшельник определяет то, что достаточно важно, чтобы запомнить, для Джеймса всегда оставалось загадкой.

Спокойным, размеренным голосом мужчина произнес:

– Комната номер девять. Вверх по лестнице и налево.

Матильда осторожно взяла ключ из рук владельца мотеля, вернулась к Джеймсу, и они направились к лестнице. И только когда они дошли до первой ступеньки, хозяин их окликнул:

– Кое-что еще, Молчун. Ты в ответе за Ведьму.

Матильда инстинктивно потянулась к своим клинкам, но Джеймс быстро ее остановил, глядя прямо в глаза.

– Как скажешь, Отшельник, – ответил он, оглядываясь через плечо. – Сегодня невинные не пострадают.

Неестественная ухмылка пробилась сквозь складки морщинистого лица старика и его нечесаной бороды. Он покачал головой:

– Невинных не бывает, Молчун. Все в чем-то виноваты.

Другая рука Отшельника высунулась из-за прилавка, и Джеймс крепче схватил Матильду. Он почувствовал, как напрягаются мышцы ее тела, но рука отшельника поднялась вверх в виде жеста mano pantea [1].

– В этом городе смерть приходит за всеми, Молчун. Как за теми, кто этого заслуживает, так и за теми, кто неосознанно ждет спасения. – Отшельник опустил руку. – Я буду тебя помнить.

Наемник ослабил хватку, выдохнул и завершил ритуальную фразу Отшельников:

– А я буду помнить тебя, Отшельник.

Стычка с Отшельником – дело нешуточное, и Джеймс даже взбодрился. Бок о бок они с Матильдой поднялись по лестнице.

8. Охота

Как только дверь за ними закрылась, Матильда озвучила его мысли:

– Откуда, черт возьми, он знает, что я Ведьма? Я думала, что работа Стивена должна была спрятать мою личность!

Джеймс медленно прошелся по потертому ковру комнаты.

– Я… не знаю. Отшельники – странные люди. Да их на самом деле никто не понимает. Должно быть, он увидел в тебе что-то еще. В поезде же маскировка сработала.

Матильда раздраженно взмахнула рукой.

– Откуда, черт возьми, мне знать? Более того, можем ли мы доверять этому старику? А вдруг он нас сдаст? Откуда ты знаешь, что он не один из…

Молчун снова сжал кулак.

– Он не один из них. Отшельники проповедуют философию, которая вращается вокруг них самих, а они никому не мешают. Они слишком заняты своим собственным прошлым.

Его слова не убедили даже самого Джеймса. Он присел на край одной из кроватей, которая застонала под его тяжестью.

Неожиданно он понял, какую убогую комнату они сняли. Обветшалые стены с облупившейся краской, грязные и рваные занавески, треснувший терминал данных и ванная комната, которую даже по самым заниженным критериям нельзя было назвать приличной. Матильда тяжело вздохнула и тоже присела на вторую скрипучую кровать.

– Я этому парню не доверяю. Не нравится мне, как он на меня посмотрел. Действовать нужно быстро. Я об этом уже думала. Разве нам не нужны коды доступа, чтобы попасть в Башню Донована?

Джеймс не отвечает. Он тупо смотрит на потрескавшееся стекло отражающей поверхности терминала передачи данных, а потом куда-то вдаль. Он тоже думал о том, как они попадут в Башню.

– Я все понимаю.

Матильда настаивает:

– Не можем же мы просто подойти к воротам и сказать: «Эй, мы тут хотим повидать вашего босса».

Она нервничает из-за его продолжающегося молчания.

– Нам понадобится… специальный доступ? Например, чтобы пройти через боковой вход. Типа… что-то вроде охранника.

Молчун пристально посмотрел на свое отражение в зеркале. Он знал, к чему это приведет. Но знание это его не радовало.

– Да, – согласился он.

Очень долгое время ни один из них не нарушал тишину, пока угасающий дневной свет за пределами единственного грязного окна не пробился сквозь изъеденные молью занавески. В унылом отражении терминала по кругу возникли вспышки, как будто кто-то прикуривал сигарету.

Ведьма первой нарушила затянувшееся молчание:

– Я ведь к чему веду. Ты обещал тому парню, что сегодня никто не умрет.

Джеймс выдохнул струю дыма.

– Я сказал, что не умрут невинные. – Молчун в треснувшем стекле посмотрел с ровным, немым осуждением. – Я думаю, мы оба понимаем, что нужно делать.

Матильда чуть ли не спрыгнула с кровати. Сегодня вечером ей предстоит охота. Боевой инстинкт уже был готов сорваться с цепи. Одним плавным движением Ведьма схватила свое снаряжение и, встряхнув волосами, вышла в коридор, оставив задумчивого Молчуна смотреть на собственное отражение.

* * *

Матильда решительно и одиноко пробиралась сквозь суету и шум надвигающейся ночи. Ее губы слегка приоткрыты, движения плавны и грациозны, глаза слегка прищурены. Для прохожих она, может, выглядит как обдолбанная наркоманка, и они будут почти правы. Теперь, когда она вышла на охоту, она уже не владеет собой, ее ведет жажда.

Во-первых, она подключилась к плану Киберсайда, доступному только Ведьмам. Матильда чувствует мир обостренным восприятием, которое толпа вокруг нее едва ли могла понять. Люди проходят мимо как расплывчатые пятна векторизованных, протоколированных пакетов данных, но все, на чем она фокусируется, сразу обретает ясность. Каждый индивид излучает свою личную подпись, кибераналог уникального запаха добычи, и Матильда бродит по улицам, пока не находит свою жертву. Много времени охота не заняла; она давно нацелилась на одну жертву, и это привело ее прямо к тому заведению, которое она представляла себе с самого начала. Некая мятежная ее часть надеялась, что все будет не настолько легко.

Несмотря на ранний час, у клуба уже сформировалась большая очередь. Нетерпеливые клиенты ждали решения вышибал, охраняющих ворота. Матильда прошла ко входу, где ее сразу же пропустили в тускло освещенный клуб под возмущенные

возгласы размалеванных и надушенных девиц и одобрительные взгляды мужчин. Она пробралась в залитый светом стробоскопов клуб.

Как всегда, когда Ведьма близка к своей цели, срабатывает еще одна способность. Голод позволяет ей увидеть события на несколько минут вперед. Она меняет, трансформирует настоящее ради будущего, которое уже произошло. Она видит фрагменты мыслей, облака желаний, цвета настроений окружающих ее людей. Сквозь мешанину танцующих тел она видит его. Тот, кому… суждено стать частью ее воспоминаний, ее личного архива. Он исчезнет из мира Киберсайда, но его жизнь сохранится в ней.

Ведьма направилась к барной стойке, за которой сидит ее жертва, уставившись на полупустой стакан виски. Конечно, этот человек уже давно сменил свой мундир сотрудника Башни на обычную одежду, но ей все равно хорошо виден отпечаток его формы. От него так и несет чувством гордости и авторитета, которое не перекрывает затаенные волны боли, неудовлетворенности и недовольства.

Пока Матильда изучала свою жертву со своего конца стойки, бармен спросил, что ей налить. Она заказала себе «Космополитен». В ожидании своего напитка она понимает, что цель ее заметила. Они обмениваются взглядами, и когда приносят ее напиток, Матильда приступает к своей игре. Она за раз выпивает половину бокала, прежде чем подойти к мишени, которая точно заметила ее пристальный взгляд.

– Эй, огонька не найдется?

Он ответил не сразу, но ее внимания, должно быть, оказалось достаточно, так как Матильда даже не достала сигареты.

– Эм… да, конечно, – сунув руку в карман, он достал пластиковую зажигалку неонового цвета. – Я… кстати, меня зовут Доминик.

Матильда протянула руку, чтобы взять зажигалку, и ненадолго задержала прикосновение, прежде чем наконец ее забрать. Всего несколько секунд, но защитные системы Доминика уже расплавились. За считаные минуты они обменялись парой просмотров, поставили галочки каталогу взаимных интересов, и еще с полдюжины искусно-случайных штрихов.

Он самодовольно выпятил грудь колесом.

– Башня? Конечно, я там работаю. Я ведь начальник Службы безопасности, – он лжет, но его допуска более чем достаточно.

– Ты оберегаешь нас, – Матильда положила руку ему на бедро. – Ты даже не знаешь, что это значит для людей. Для меня.

У Доминика глаза едва не полезли на лоб. Он нервно

прикончил остатки из своего стакана.

Спустя тридцать минут – и один легкий поцелуй – Матильда соткала поистине вдохновенную предысторию, настоящий гобелен о разобщенной семье и трудной молодости. Доминик, словно рыцарь в белых доспехах, проглотил эту информацию и раскрыл ей свои собственные тайны. Несмотря на шумный, переполненный клуб, они оба словно отрезали себя от остального мира. Матильда упивалась эйфорией, его неподдельным и восторженным очарованием. Желание утешить ее прожигает его волнение и застенчивость. Бурлящий вокруг них жар, хоть и запаленный различными химическими веществами, пылает внутри обоих.

Сквозь эту странную, искривленную мелодию взаимного, но все же различимого желания она оказывается в его темной квартире. Она спрашивает, есть ли у него еще что-нибудь выпить, и Доминик наливает два стакана дешевого вина. Она берет его за руку и пристально смотрит в глаза. Он полностью открыт, между ними исчезли все барьеры. Она ставит свой бокал вина на стол, и они сливаются в глубоком последнем поцелуе.

Доминик даже не заметил, как чернильная тьма начала поглощать его глаза.

Но даже если бы и заметил, то уже было слишком поздно. Дамбу прорвало. Информация и воспоминания начинают перетекать в пожирающую его Ведьму.

Его воспоминания проносятся перед их глазами. Один теряет, другой забирает их навсегда. Моменты истины, моменты его настоящей жизни. Все, что казалось навсегда утраченным, когда он соединился с Системой и стал частью Киберсайда.

Детство в пригороде Лос-Анджелеса. Школа. Родители. Рождество в Тахо. Первый поцелуй. Переезд в Бостон. Одинокий выпускной вечер. Беркли. Шумное братство «Сигма Альфа Эпсилон». Стажер в Силиконовой долине. Рекламные акции. Свадьба. Отдых в Италии. Сын. Начальник отдела информационной безопасности. Похороны с двумя гробами, один меньше другого. Алкоголизм. Одинокие вечера. Хаос масс-медиа. Глобальная паника. Умирающий мир. Решение уйти в сеть. Детали. Детали. Детали. Маленькие осколки того, что было его жизнью. Он все это видит.

А потом жизнь в Киберсайде.

Пытается начать все заново. Работает в Башне. Реальные воспоминания заменены на системные. Налеты. Аресты. Ребенок, оторванный от матери. Бесконечные партии рабов входят в город. Встреча с Донованом лицом к лицу. Коды доступа для систем безопасности. Скрытые входы безопасности в Башню. Попытки

вырваться из бессмысленной рутины.

Попытки вырваться из этого мира.

Воспоминания исчезают, когда жизнь покидает оболочку, а глаза медленно закрываются. Когда последние несколько случайных потоков информации покидают его разум, все, чем он когда-то был, теперь становится частью ее.

Она переживает его последнюю мысль – у всех, кого она поглощала, она почти всегда одна и та же: «Помни меня».

Но не таким, каким он был здесь, а таким, каким он когда-то был раньше.

До миграции.

Его безжизненные губы оторвались от ее губ. Тело упало на пол. По щекам Матильды потекли слезы, и она присела рядом с ним.

– Спасибо, Доминик, – произнесла Матильда в темную, безмолвную комнату. – Я буду помнить тебя, обещаю. – Ей потребовалось больше времени, чем обычно, чтобы прийти в себя, но в конце концов Матильда справилась.

Осторожно закрыв за собой дверь квартиры, мрачная Ведьма в одиночестве вернулась в унылый номер мотеля.

Где Молчун ждал в тишине.

9. Башня

Матильда и Молчун смотрят вверх, на маячащую впереди Башню Донована. Впервые с момента их прибытия в Вавилон Джеймс всерьез засомневался, что им хватит времени.

Он хочет доверять информации, которую Матильда заполучила с помощью своих магических способностей, но это завело их в тупик. Разочарование переполнило его до краев, когда он заметил, что Матильда идет прямиком к стене.

– Что… что ты делаешь?

Она либо игнорирует его, либо не слышит. Подойдя вплотную к стене, Матильда нажала на прилипшую к ней жвачку. Появилась голографическая клавиатура, и Матильда быстро ввела серию кодов. Как только она набрала последний код, стена раздвинулась, открывая вход. Матильда с широкой улыбкой повернулась к Джеймсу.

– Видал?

Кивнув в знак согласия, Джеймс вошел в открытую дверь. В коридоре темно, но в конце концов они вышли в большую комнату, по обеим сторонам которой стоят большие статуи.

– Ммм… в воспоминаниях Доминика этого не было. Что это за чертовщина?

Молчун озадаченно оценил зал.

– Даже не знаю. Держись рядом.

С пистолетом в руке он прошел мимо больших статуй Осириса и Исиды, Тота и Амона, Гора и Мешенета. А в дальнем конце комнаты стоит огромный Сфинкс, по сравнению с которым они все кажутся карликами.

Шум позади Сфинкса напугал их обоих. Джеймс спрятался за Тотом, прихватив Матильду с собой. Ведьма молча обнажила один из своих клинков. Джеймс надеялся избежать драки – или, по крайней мере, пройти как можно дальше, прежде чем начать смертоубийство.

– А как они узнали, что мы придем? – прошептала Матильда. – Держу пари, нас сдал Отшельник.

Вместо топота армейских ботинок Джеймс услышал скрип колес приближающейся тележки и влажный звук швабры, шмякнувшейся на мраморный пол.

Прежде чем он успел остановить Матильду, она вышла из-за статуи.

Молчун вздрогнул, ожидая услышать автоматную очередь. Вместо этого голос Матильды эхом разнесся по комнате.

– Ммм, привет. Как дела?

Голос неизвестного многократно усилился акустикой зала.

– Скажи своему другу, чтобы не прислонялся к статуе. Я только что ее почистил.

Поддавшись любопытству, Джеймс выглянул из безопасного укрытия и с удивлением заметил седовласого мужчину в тусклом комбинезоне, вытирающего пол перед Сфинксом.

Мужчина покряхтел.

– Уберите эту игрушку, молодой человек. А то еще себе навредите, а мне придется за вами убирать. – Джеймс опустил свое оружие. – Ладно. И что вы двое здесь делаете в такое время? Заняться больше нечем?

Матильда сделала шаг вперед.

– Я Матильда, а это Джеймс. Мы хотим поговорить с Донованом. Он пытался меня убить.

Ошеломленный ее откровенностью, Молчун снова поднял пистолет. Его внутренний анализ не показывает ни единого результата, который не привел бы к насилию.

Но комнату заполнил только смех старика.

– Как же здорово. Серьезно, дорогая. Если бы все, кого Донован Крейз пытался убить, хотели потом его увидеть, у нас бы образовалась немаленькая очередь за дверью. Черт, да и я бы, наверное, к ним тоже присоединился. Итак, вы хотите увидеть большого человека, но не знаете, как пройти мимо Комнаты загадок?

Теперь уже Молчун вышел вперед.

– «Комната загадок»? – Он понял, что все еще целится в него, моргнул и опустил пистолет.

Старик оперся на свою швабру.

– Ну да. «Чтобы войти, вы должны ответить на три вопроса» и все такое. Бред собачий, как по мне.

Джеймс вгляделся в суровые скульптурные лица окружающих их статуй.

– А что это за вопросы?

Старик покусал внутреннюю сторону своей щеки, прежде чем ответить:

– Господи, можно подумать, что я еще все помню. Первый – это какая-то загадка о человеке и богах. Что-то о том, что отделяет невежество от знания. Погодите, сейчас вспомню точную формулировку…

Молчун шагнул ближе к Сфинксу.

– Время.

Матильда прошептала из-за его спины:

– Да, я поняла. Ты не хочешь тратить на это время…

Молчун покачал головой.

– Нет, это и есть ответ. Вот, что отделяет невежество от знания. Время.

У старика округлились глаза.

– Да, пожалуй, ты прав. Хорошо. Дай вспомнить следующую…

Матильда присмотрелась к хранителю.

– А мы раньше не встречались?..

Он пренебрежительно махнул рукой и похихикал.

– Сомневаюсь, дорогая. Я бы точно запомнил такую красавицу.

Матильда улыбнулась, но все равно вопросительно приподняла бровь.

– Угу. Ну, спасибо, что помог.

Старик наклонился вперед, опираясь на швабру.

– А, не стоит благодарности. От Донована-то все равно ничего хорошего не дождешься. Одна только грязь да бардак кругом. Вы бы видели, что наверху творится.

Молчун медленно убрал пистолет в кобуру, но его не покидало ощущение, что за ними наблюдают.

Старик продолжил:

– Ну-ка, во второй говорится что-то вроде: «Наш мир мертв, но жизнь продолжается. Что же тогда такое настоящая жизнь?»

Молчун осмотрел комнату, задаваясь вопросом, заметили ли их проникновение в Башню. Если старик тянет время…

– С другой стороны, нам нужно выбираться отсюда. Если вы не можете нам помочь…

Молчун снова положил руку на рукоятку пистолета. А потом Матильда вдруг выпалила:

– Идея!

Оба мужчины посмотрели на нее, один испуганно, другой – довольный ее ответом.

– Эту загадку я знаю, – сказала Матильда. – Идея может стать мостом между временем и смертью. Что-то типа того. Я права?

Улыбающийся хранитель закивал ей.

– Умная девочка. Очень умная. А откуда ты это знаешь?

Волнение Матильды мгновенно улетучилось. Она озабоченно наморщила лоб.

– Я… я не знаю. Вроде слышала несколько раз.

Джеймс снова оглядел комнату, на этот раз в поисках выхода.

– Так вы помните последнюю загадку или нет? У нас действительно нет времени, – ему пришла в голову одна мысль, холодная и неприятная. – Погоди. А как вы сюда попали?

Пожилой человек погладил бороду, как будто внезапно на что-то отвлекся.

– Хм? Что?

Джеймс с обвинением ткнул в него пальцем.

– А как вы попали в эту комнату? Вы ведь не решаете кучу загадок каждый раз, чтобы попасть сюда.

Мужчина покраснел и уставился в пол.

– Послушайте, мистер, пока вы не рассердились, да я просто запомнил их все…

– Эм… – протянула Матильда из-за спины.

Молчун выхватил пистолет и навис над сторожем. Старик вскинул вверх раскрытые ладони, рукоятка швабры с глухим стуком упала на мраморный пол.

– Ключ. У меня есть ключ! Просто успокойся.

Молчун без единого звука протянул руку ладонью вверх.

Старик неохотно полез в карман, вытащил оттуда металлический ключ и указал на дальний конец комнаты.

– Вон там служебный выход. Прежде чем вы что-нибудь сделаете, просто помните – я ведь помог вам больше, чем следовало. Сами понимаете, двое ребят крадутся в темноте и все такое…

Джеймс сжал ключ в кулаке.

– Пойдем, Матильда. Мы и так потеряли слишком много времени.

Матильда последовала за ним через всю комнату, пристально поглядывая в сторону сторожа.

Джеймс подошел к двери и открыл ее ключом. Отперев дверь, он услышал бормотание старика, доносящееся из комнаты: «Что находится между тайной и музыкой, между дверями в будущее и ответами?»

Молчун с ключом в руке повернулся в сторону старика, который покатил свою тележку дальше, напевая себе под нос.

Матильда схватила его за руку:

– Пошли. Забей на него. Он нам помог.

Джеймс последовал за ней, обдумывая добрые слова милосердной Ведьмы.

* * *

Джеймс прогнал старика из своих мыслей. Он двинулся за Матильдой по непримечательному служебному коридору к выходу, и что-то в этой двери показалось ему до жути знакомым. Джеймс мог поклясться, что видел ее раньше, но никак не мог вспомнить, где именно.

Прежде чем он успевает что-то сказать, Матильда толкнула дверь, и Джеймса ослепил яркий свет. Когда глаза привыкли к

свету, Джеймс вдруг понял, что очутился в фойе калифорнийского филиала «Фолл Уотер Лэйк», точно таком же, каким он его запомнил.

Точь-в-точь.

Поздний вечерний сумрак Вавилона мгновенно уступил место шумному раннему утру Южной Калифорнии, самому началу рабочего дня усердных сотрудников «Фолл Уотер Лэйк».

Обставленная в стиле постмодернизма и украшенная внешними атрибутами, приемная прямо-таки излучает превосходство. Курьеры снуют туда-сюда, доставляя посылки, измученные стажеры торопливо выполняют поставленные перед ними задачи, а высокопоставленные работодатели разговаривают по телефону, целеустремленно шагая к лифтам.

Если эта сцена удивила Джеймса, то Матильду она просто повергла в шок:

– Что за дерьмо?

– Поверь, все будет хорошо, – Молчун направился к стойке администратора.

Как только они шагнули вперед, перед ними пробежала еще одна легкая рябь – и они переместились на выделенный сервер через невероятно быстрое соединение. К облегчению Джеймса, счетчик на часах индексации сбросили. Он задался вопросом, как близко он был к провалу, а затем решил, что все-таки не хочет знать. В течение нескольких секунд Система считывала и калибровала новый интерфейс. И оба они поразились внезапной перемене своей внешности.

Уличное снаряжение Джеймса заменили шортами и полосатой рубашкой поло, которую он носил во время короткого пребывания в реальном офисе в Лос-Анджелесе. А Матильда появилась в легком летнем платье. Сандалии, сумочка, аккуратно уложенные светлые волосы и солнцезащитные очки наводили на мысли о Южной Калифорнии.

Джеймс неохотно взглянул вниз, где должен был висеть пистолет в кобуре, которого там не было.

Личный арсенал Матильды также исчез. Она инстинктивно похлопала себя по телу, пытаясь найти пропавшие лезвия.

– Да ладно…

Зато Джеймс почувствовал что-то приятно знакомое в своем кармане и, бормоча неразборчивые слова благодарности, нащупал там свою верную смятую пачку сигарет.

– Видимо, они убивают не так быстро, поэтому их не запретили, – сказал он себе.

Со стойки администратора им помахала привлекательная женщина. Она как обычно была на своем месте, за которым

работала когда-то в реальном мире. Администратор печально улыбнулась.

– Привет, Джеймс. Давно не виделись.

Он молча подошел и сложил обе руки на стойке.

– Так и есть, Рэйчел. Хорошо… выглядишь.

Рэйчел закатила глаза и тяжело вздохнула.

– Прости. В наши дни это уже давно не комплимент. Или, по крайней мере, мог бы так называться, если бы у меня действительно был выбор. – Она было хотела разразиться целой тирадой, однако взяла себя в руки. – Но все равно спасибо, Джеймс. Я это очень ценю.

Рэйчел открыла ящик своего стола и вытащила два желтых гостевых пропуска с их именами и фотографиями.

– Вот, держите при себе все время. Пропуска дадут вам доступ ко всем местам, где вам разрешено находиться. Они будут активны в течение четырех часов, но, насколько я поняла, вы выйдете отсюда намного раньше.

Джеймс взял протянутый ему значок, но Матильда явно не решалась взять свой из протянутой руки Рэйчел.

– Погодите, что? Но… откуда у вас?..

Улыбка Рэйчел исчезла, она сжала руки Матильды вокруг пропуска.

– О, милая. Если бы он не знал, что ты придешь, тебя бы здесь не было.

Рэйчел переключила свое внимание на Джеймса.

– Донован ждет на своем этаже. Он также просил передать, что очень хочет обсудить с вами все имеющиеся вопросы.

Джеймс попытался найти нужные слова.

– Рэйчел, я…

Но слова даже не приходили на ум.

– Ну… спасибо, – выдавил он и направился к лифтам.

Матильда потеребила свой значок на шее. Как только они оказались вне пределов слышимости, она спросила:

– Не хочешь мне все объяснить? Какая-то она слишком милая для этого здания.

Молчун поймал себя на том, что снова сжимает кулак, и взял себя в руки.

– Я уверена, будь у нее такая возможность, она перерезала бы Донована глотку так же быстро, как и ты. – Матильда кивнула в сторону стола Рэйчел.

– Она работает на монстра.

Лифт загудел, спускаясь к ним.

– Она здесь в ловушке, как и все остальные. Сомневаюсь, что ей вообще позволено покидать этот стол.

Матильда снова посмотрела в сторону вестибюля, на этот раз с ужасом в глазах.

– Но… зачем это Доновану? Это же… какое-то извращение.

Двери лифта открылись с веселым звоном.

– Мне кажется, что у Донована другая точка зрения.

10. Сделка

Пролетая в стеклянном лифте мимо, казалось, бесконечного количества этажей, Матильда мысленно готовилась к неизбежному. На верхнем этаже этой Башни она вот-вот встретится лицом к лицу с человеком, который посылал охотников за ней с тех пор, как она себя помнит.

«Сначала – ответы», – напомнила она себе, скрежеща зубами. После, и только после она положит всему этому конец. В третий раз за несколько минут она инстинктивно потянулась туда, где должны быть ее ножи, и уже в третий мучительный раз ничего не нашла. Странный свет у входа в здание отнял ее драгоценные клинки, спрятанные под удобным, тяжелым жилетом, и у нее не осталось ничего взамен, кроме этого нелепого тонкого платья. Матильда закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Она вспомнила свое первое убийство работорговца – тогда Ведьма неплохо справилась и без ножей. Девушка выпустила воздух из легких и сосредоточилась на инстинктах, которые сохранили ей жизнь.

Боковым зрением она заметила, как сжимается кулак Молчуна.

Огни города тем временем исчезли в тумане, а здания постепенно потеряли четкие очертания. Чем выше они поднимались, тем больше упрощались детали даже простых текстур с низким разрешением – на такой высоте Система использовала все меньше ресурсов для их поддержания. Генерируемые облака затемняют видимость, а здания на горизонте исчезают и заменяются чистым, невероятно синим небом. С каждой секундой все больше далеких размытых и блеклых зданий создают впечатление решетки из небоскребов, которая скрывается далеко внизу.

Лифт замедлил ход, и Матильда привела себя в порядок. Когда он в конце концов остановился, двери открылись и их взору предстал богато украшенный кабинет. В дальнем конце комнаты под массивными, тонированными различными изображениями окнами во всю стену стоит письменный стол. Перспектива за стеной – настоящий кошмар акрофоба, который не выдержал бы поляризованные, приглушенные оттенки солнца, неба и облаков. На других стенах висят картины времен золотого XXI века. Матильда уставилась в свое отражение на полированном мраморном полу. Высокий расписной потолок поддерживают внушительные алебастровые колонны.

Но в глаза сразу бросаются стеклянные витрины, по крайней мере, двадцать из них, выглядящие как музейные экспонаты. Все

они разного размера, в них хранятся ржавые инструменты, архаичные механизмы и только одно живое существо – пурпурная ящерица, которая всем своим шелушащимся телом прижалась к стеклу.

За внушительным полукруглым столом в центре этого вычурного стерильного зверинца удобно расположился в кресле, которое в другой обстановке можно было бы принять за трон, Донован Крейз.

Когда они вышли из лифта, Донован встал. Матильда оценивающе изучила вавилонского правителя. Кроме дорогого костюма, ничто в Доноване не соответствовало тому, каким его себе представляла Матильда: просто красивый, ухоженный мужчина с сигарой в одной руке и бокалом бренди в другой.

– Джеймс! – Он улыбнулся, от сигары все еще поднимался дым. Его сердечный голос прогремел в этом огромном пространстве, которое больше походило на галерею, чем на кабинет. – Добро пожаловать в Башню, мой друг.

Двери лифта закрылись за ними с едва слышным шипением.

Джеймс ответил ему холодным и благопристойным кивком, но Донована это не смутило. Ухмыльнувшись, он указал на пару изысканно обитых кресел перед его столом.

– Садитесь, пожалуйста.

Пока они изучали его внушительный письменный стол и святилище трофеев, Матильда кое-что приметила в одном из ближайших к лифту стеклянных шкафов. Катана очень старая… но ее все равно можно пустить в дело. Сначала ответы, напоминает она себе.

– А это, должно быть, печально известная Матильда. Я вижу, вы заметили первое оружие Молчунов. Скажи честно, каково это было – путешествовать с одним из них, да еще и в такой глуши? – Он сделал широкий жест рукой, показав на Джеймса, и от души засмеялся.

Матильда открыла было рот, чтобы бросить ему вызов, но Донован сразу же продолжил:

– Ну и ну! Как здорово, что наконец-то мы собрались все вместе. – Отвернувшись, Донован вгляделся в стеклянное окно и бесконечный скайбокс за ним. – Что случилось, Джеймс? Раньше ты был таким умным. Возможно, время, проведенное в Бесплодных землях, притупило твой ум.

Он обернулся к Джеймсу и Матильде и, поняв, что они все еще стоят у лифта, разочарованно произнес:

– Серьезно, друзья, вы меня оскорбляете. Я потратил столько ресурсов, чтобы убедиться, что мы встретимся, и не собираюсь причинять вам вред. Пожалуйста, присаживайтесь.

Молчун подошел к креслам, не произнеся ни слова. Напряженная Матильда нерешительно последовала за ним, она была готова наброситься на Донована при первом же неверном движении. Среди сильного запаха сигарного дыма, бренди и дорогого одеколона ее обостренные чувства уловили два тонких, приятно острых аромата кофе и чая. Она заметила серебряный поднос с двумя чашками, а также нераспечатанной пачкой сигарет и пепельницей на маленьком столике между креслами.

Донован взглянул на Молчуна и Матильду.

– Пожалуйста, не стесняйтесь, если вам не нравится. Я могу заказать что-нибудь еще. Хозяин должен проявлять вежливость.

Джеймс бросил взгляд на подношения. Матильда заметила его задумчивое выражение лица, когда он посмотрел на запечатанную свежую пачку сигарет на подносе. Даже упаковка выглядит как-то непомерно дорого, заманчиво. Вместо этого Джеймс вытащил из собственного кармана потертую, смятую пачку и достал сигарету.

– Мы уже давно избавились от необходимости льстить друг другу, Донован. Объясни, что за чертовщина тут творится.

Донован усмехнулся и кивнул в знак согласия:

– Вполне справедливо. Сразу к делу. Нам угрожает Система.

Джеймс выдержал паузу, прикуривая сигарету, и встретился взглядом с Донованом.

– О чем это ты?

Тот же самый вопрос вертится на языке Матильды, хотя едва ли она задала бы его с той же спокойной отрешенностью. Наверняка все ее чувства были написаны на лице. Донован перевел взгляд с Джеймса на нее, и слова застряли у нее в горле. Она одинаково очарована и потрясена мертвым взглядом Донована, который так резко контрастировал с его ухмылкой. Донован продолжил свою речь, не отводя от нее взгляда. Матильда подавила дрожь.

– Прошло столько времени, а ты все еще ничего не понимаешь, Джеймс. Не видишь дальше собственного носа.

Теперь Донован перевел взгляд на Джеймса. Матильда выдохнула; она даже не заметила, как задержала дыхание.

– Позвольте объяснить кратко, чтобы вы поняли. В отличие от тебя, Джеймс, я всегда был умным парнем. – Донован тут же вытянул руки, словно защищаясь от удара. – Не то чтобы ты поступал неправильно. Я просто смотрю на вещи по-другому. Именно поэтому я в конечном итоге контролирую один из четырех ключевых регионов Системы, а ты… нет.

Молчун теперь уже открыто взглянул на него сквозь клубы дыма, но не произнес ни слова. Донован продолжил:

– Тем не менее я не могу поверить, что один из самых выдающихся инженеров в мире ничего не замечает. Нет. Как же ты мог не заметить небольшие изменения и отклонения в системе мира, который помогал конструировать? Они происходят все чаще и чаще.

Донован наклонился вперед, и Матильда различила в его властном, звучном голосе едва сдерживаемое возбуждение.

– Ты ведь сам видел некоторые из этих отклонений.

Донован едва заметно махнул сигарой в сторону Матильды и приподнял брови. Джеймс медленно выдохнул длинную струю дыма, которая, по ее мнению, должна была окутать лицо Донована, но вавилонский правитель уже повернулся к окну.

Джеймс бросил ему в затылок:

– Я сосредоточен на проблемах, которые могу контролировать.

– Да, не сомневаюсь, что так ты и думаешь.

Пока Донован смотрел в окно, Матильда потянулась к жетону у нее на шее.

Со времен Хоумстеда она знала, что Джеймс скрывает больше, чем показывает. Он уникальный охотник, которого за ней послали, – и не только потому, что он единственный, кому она позволила остаться в живых. Конечно, его доскональное знание Киберсайда можно было списать на то, что он много повидал за свои путешествия, но были и другие вещи – например, его инженерный лошадиный свисток. Ведущий инженер! Он же работал над созданием Киберсайда. Вот это сюрприз. Она вспоминает их первую встречу, все крепче сжимая жетон.

Донован внезапно издает резкий смешок, от которого Матильда вздрагивает.

– Прости меня, Джеймс, но мне кажется, что ты лжешь. Ты предпочитаешь молчать, пытаясь ограничить влияние этого мира на свой разум, когда мог бы полностью принять его.

Он небрежно указал пальцем на Матильду, на этот раз даже не удостоив ее взглядом.

– Ты посвятил себя охоте за аномалиями? Разве это не значит обращать внимание на детали на микроуровне?

Матильда поерзала на кресле. Донован точно знает, что она такое. Она открыла рот, чтобы ответить, сказать хоть что-нибудь… но ее оборвал сухой ответ Молчуна:

– Давай не будем тратить время на схоластику. Ближе к делу, Донован.

Вождь Вавилона все еще ухмыляется и покровительственно окидывает их взглядом.

– Конечно. Я привел тебя сюда не для того, чтобы спорить. –

Донован потянулся за своим бренди. – Дело в том, что Система развивалась, созревала. Не отрицай. Итак, ты ведь наверняка видел, как она стала более… сложной.

Молчун сжимает кулак на мягком подлокотнике своего кресла, но не перебивает.

– Обычно я бы сказал, что это не плохо – перемены могут быть хорошими и все такое. Но ситуация выходит из-под контроля, и последствия повлияют на всех. Если ты не доверяешь мне, по крайней мере доверься своему чувству высшего блага.

Матильда все-таки решила вклиниться в этот разговор:

– Кто-нибудь объяснит, что происходит, или мне просто уйти?

Джеймс затушил сигарету в пепельнице, бросив быстрый тоскливый взгляд на красивую пачку, все еще лежавшую на серебряном подносе. После короткой паузы он закурил еще одну из своей помятой.

Донован промолчал, вежливо изогнув брови и выжидающе сжав пальцы.

– Система основана на правилах, но первоначальные цели многих этих правил были извращены, как, например, изменения правил трафика. И с каждым правилом, которое меняется или модифицируется, Система должна либо изменить себя, либо придумать альтернативы, чтобы исправить основную причину. По мере того, как все больше вещей выходит из-под контроля, становится все более и более вероятно, что Система начнет атаковать причину проблем вредоносными программами.

Матильда недоверчиво покачала головой, не в силах больше оставаться в стороне.

– Вы говорите, что чем больше людей испортит Киберсайд, тем больше вероятность того, что Система будет расценивать людей как баги? Но это невозможно.

Молчуна от ее слов слегка передернуло, и она внезапно поняла, что очень ошибалась.

– Существует… вероятность того, что Система попытается исправить поведение людей. Результат будет…

Донован его перебивает:

– Катастрофическим. По крайней мере, для большинства. Несмотря на все мои попытки загладить свою вину перед тобой, я не жду, что ты мне поверишь. Но я ожидаю, что ты сделаешь все возможное для того, чтобы спасти наше творение.

Матильда вспоминает самурайский меч в стеклянной витрине. Она представляет, как рубит Донована, и снова бросается в их перепалку:

– Ладно, я рада, что вы воссоединились и все такое, но я

пришла, чтобы узнать, кто я. Объясняй, какого черта ты посылал за мной людей?

Донован запыхтел сигарой, отчего ее кончик покраснел. Он выдохнул, позволяя дыму клубиться над его столом в виде медленной, вращающейся канцерогенной галактики, явно наслаждаясь замешательством Матильды. Затем снова повернулся к ней, и по ее коже побежали мурашки.

– Ах, моя дорогая, это было всего лишь простое недоразумение, но будем откровенны. Ты убивала моих людей, и на тот момент я должен был тебя остановить.

«Он лжет», – поняла Матильда. Она не может заставить себя произнести эти слова вслух, потому что холодный, как у рептилии, взгляд Донована ее словно парализует. Он продолжает, теперь глядя мимо них:

– Но я не вижу причин останавливаться на прошлом. У меня есть план, который все исправит, и мне нужна ваша помощь.

Донован положил сигару в пепельницу и вышел из-за стола.

– Отдаю тебе должное, ты нашел одну аномалию, Джеймс. Я тоже нашел несколько, – сказал он, все еще не глядя на них.

Матильда сверлила взглядом его незащищенную спину, потом посмотрела на меч в футляре. Она представила себе, как вонзает клинок прямо между его лопаток, и он все ей рассказывает – по крайней мере, пока еще жив. Судя по тому, как тщательно Донован готовился к этой встрече, она сомневается, что он оставил хоть что-то на волю случая.

Донован остановился у стеклянной витрины в центре комнаты.

– Я вам кое-что покажу. Если после этого вы оба не захотите мне помочь, сможете уйти через парадную дверь.

Джеймса, кажется, полностью поглотили собственные мысли, но он приходит в себя и кивает Матильде, та кивает в ответ. После секундного молчаливого обсуждения оба встают и следуют за хозяином.

Джеймс и Матильда встают около чемоданчика Донована. Изнутри исходит мягкий белый свет, и когда Матильда подходит ближе, она мельком видит его содержимое. В центре парит маленькая белая светящаяся сфера, частично заключенная в матово-серую оболочку. Несколько крохотных белых сфер с легким жужжанием вращаются вокруг объекта, издавая звук, похожий на хлопанье крылышек насекомого. Она чувствует тепло, исходящее от шара.

– Удивительно, не правда ли? К этому невозможно привыкнуть. Как бы я ни старался, я не понимаю. Вот оно. Дразнит меня. Как будто все, что мне нужно сделать, это

протянуть руку, и оно мое. Но каждый раз, когда я это делаю, оно от меня ускользает.

Матильда смотрит на огни, плавающие вокруг сферы и отражающиеся на стекле. Глядя на шар, Матильда не может не чувствовать, что он каким-то образом увеличивается в размерах. Жужжащий звук почти незаметно усиливается. Рядом с ней Молчун неподвижно и сосредоточенно изучает предмет.

Донован продолжает:

– С его помощью можно видеть на расстоянии, некоторые даже видят будущее. Главное – определиться с вероятностью и точностью.

Молчун, кажется, вырывается из оцепенения и пристально смотрит на Донована:

– Это невозможно. Мы разработали их, чтобы перейти в автономный режим. Какого черта ты натворил?

– Полегче, тигр. Я ничего не делал.

Джеймс указал пальцем на пульсирующий шар:

– Не лги мне. Как ты исправил инструмент отладки? Это же невозможно. Разве что… – сбитый с толку Молчун заканчивает фразу: – …Система сама не захотела, чтобы это произошло.

Донован со смехом повернулся к шару.

– Вот тот Джеймс, которого я знаю.

Он посмотрел в глаза Джеймса, в резких отсветах сферы его лицо стало похоже на точеную скульптуру.

– Я тебе не нравлюсь. Да мне плевать. Но факт остается фактом: мы здесь. Мы вместе. Если для помощи Системе необходимо заключить союз, то кто мы такие, чтобы спорить?

Джеймс на мгновение расстроенно замолкает. Несмотря на всю свою очевидную неприязнь к Доновану, Джеймс, кажется, вот-вот с ним согласится. Огорченная тем, что на нее перестали обращать внимание, Матильда произносит:

– Эм… алло? Кто-нибудь объяснит, что это за светящаяся штука и почему мне на нее не наплевать?

Ухмыляющийся Донован одновременно великодушным и самодовольным поклоном предоставляет слово Джеймсу.

Тихий голос Молчуна едва можно расслышать за жужжанием шара:

– На ранних стадиях разработки Киберсайда мы использовали особые… инструменты обеспечения качества для мониторинга на предмет неправильной работы Системы. Как только проверка закончилась, мы их отключили. То, что один из них вновь заработал, означает, что Система пытается что-то починить.

– Я признаю, что в Киберсайде не все совершенно. Эта

отвратительная война с Симмонсом и его Анклавом, возможно, зашла слишком далеко. Конечно, я считаю, что это он начал. Но мы все знаем, что в Киберсайде всего четыре центра силы, и всегда будут какие-то… – он пожал плечами: – …разногласия.

Молчун хмурится.

– Джеймс, не надо так смотреть. Я все понял. Ты идеалист, и мои методы кажутся тебе… агрессивными. Но я же предприниматель.

Джеймс усмехнулся.

– Ты имеешь в виду «оппортунист».

Донован снова пожал плечами:

– Не могу не согласиться. Киберсайд – жесткий, новый мир, и так же, как и в старом, в нем нет места для слабаков. Это суровое место, сам же знаешь. Может, тебе и не нравится структура, которую мы создали, но с этим не поспорить. Без структуры и порядка не будет цивилизации. Если бы я не боролся за трафик, Вавилон бы не получил приоритет от Системы. Можешь не соглашаться с моими методами, но я делаю все возможное, чтобы заботиться о своих людях. Я не хочу, чтобы мой кластер закрыли. А ты бы на это пошел? Я всего лишь защищаю свой город. И без твоей помощи мне не справиться. Ты блуждаешь по пустыне, сражаясь с монстрами. А я руковожу целым городом. Итак, давай не будем оценивать святость, Джеймс.

Матильда прикусила язык, пытаясь сдержать гнев. Эта встреча разворачивалась совсем не так, как она себе представляла. Она пришла сюда в надежде получить ответы на свои вопросы, но эти двое больше сосредоточены на разговоре о Системе, чем о ней. С Матильды хватит.

– Чувак, ты хочешь попросить нас о чем-то или просто пытаешься убедить, что ты мешок дерьма с золотым сердцем?

Донован залился громким и искренним хохотом, его смех эхом отдается по всей комнате.

– Справедливо, Матильда. В Киберсайде есть четыре центра силы: Вавилон, Небыляндия, Шпиль и Метрополис…

Матильда его перебивает:

– Ты позабыл один.

Джеймс удивился, но Донован только одобрительно кивнул.

– Правильно, малышка. Технически есть еще один в Каролине – Треугольник.

Джеймс при упоминании Треугольника только покачал головой.

– Оттуда уже много лет ничего не выходило. Он же полностью закрыт.

Донован ответил ему, но с ухмылкой посмотрел на Матильду:

– Не выходило ничего такого, о чем бы ты знал. – Затем Донован обратился к Матильде: – Не волнуйся, сейчас мы дойдем и до тебя.

Он шагнул к другой стеклянной витрине, улыбаясь и жестом приглашая ее следовать за ним. Матильда робко подчинилась.

Внутри большого, освещенного со всех сторон корпуса хранится помятый летный шлем. Матильда этот предмет не узнает, хотя он вызывает у нее чувство неловкости, и она не знает почему. Зато она сразу же распознает его блеск. Как и жетон на ее шее, он полностью состоит из титана.

– Конечно, все считают, что из Треугольника уже много лет ничего не появлялось. Однако мой новообретенный артефакт… – Донован снова указал на светящийся, слабо жужжащий шар, – … позволил мне найти это место среди многих других аномалий.

Донован широким жестом указывает на комнату, и Матильда еще раз изучает все стеклянные витрины. Она слышит за спиной голос Донована.

– Все это свидетельствует о том, что с миром творится что-то ужасное. Некая катастрофа уже близко. Все это нашли вместе с артефактом.

Матильда оборачивается и видит, что Донован пристально смотрит на нее, но не встречается с ней взглядом. Он продолжает:

– Ты хотела знать, какую роль играешь в этом деле, девочка? Кулон на твоей шее может дать нам доступ к одному месту в Треугольнике. Там мы сможем починить систему.

Матильда крепко сжимает свой жетон. Охотников отправляли не из-за ее нападений на работорговцев. Донован просто хотел заполучить еще один артефакт. Теперь он пытается применить другой подход. Будь то деньги, влияние, принуждение или убеждение – Донован в итоге получит все, что хочет.

Джеймс придвинулся к ней поближе. Все это время он изучал различные аномалии, собранные в комнате. Он обреченно вздохнул, но в лице не изменился.

– Даже если ты говоришь правду, добираться до Треугольника нет смысла. Мы не сможем починить Систему без ключей.

Донован полез в карман пиджака и достал оттуда золотую карточку.

– Да, ключи. Объекты из каждого домена, доверенные их руководителям. – Он повертел в руках какой-то блестящий гладкий предмет. – Если бы Киберсайду что-то угрожало, мы бы собрались все вместе и все исправили. Благородная идея. Но мы оба знаем, что этого не произойдет, не так ли, Джеймс? Вирджиния и Том никогда не покинут своих владений, а Хэнк… ну, Хэнк не совсем в своем уме.

Джеймс недоверчиво покачал головой.

– Ты же не собираешься просить меня об этом.

– А почему бы и нет?

Молчун почти пробормотал про себя:

– Ты хочешь перезагрузить Систему с другими параметрами по умолчанию?

– Если мы этого не сделаем, весь мир сгорит.

Джеймс указал на него пальцем, обвиняя:

– Ты просто задумал избавиться от остальных, не испачкав при этом своих рук, сукин ты сын.

– Мир вот-вот сгорит, Джеймс. Я это видел.

Матильда представила, как разбивает футляр с оружием, выхватывает катану и выбивает из этого самодовольного ублюдка ответы. Будет отрезать от него по тоненькому кусочку кожи за раз. В ее голове все так и происходит. Однако на практике она так и парализована Донованом. Матильда начинает говорить, запинается, сжимает кулаки и, наконец, выкладывает:

– Чего бы ты там ни заливал, мы тебе не доверяем. Ты пытался меня убить. Ты спокойно относишься к рабству. Ты… ты просто…

Джеймс присоединяется к нападению:

– Она права. Я не верю, что ты собираешься перезагрузить Систему для создания чего-то лучшего.

– И ты совершенно прав. Поэтому Систему перезагрузить должны именно вы.

Джеймс и Матильда на мгновение застыли в ошеломленном молчании. Прежде чем они пришли в себя, Донован продолжил:

– Я доверю вам свой ключ, чтобы убедить в искренности своих намерений. Если у вас все получится, власть получите вы, а не я.

Двое мужчин не отрывают друг от друга взгляда. Она чувствует, как энергия сферы чуть усиливается. Джеймс первым нарушает тишину, и его слова разносятся по всей комнате:

– Что ты увидел в отладчике, Донован? Система никогда не дает полного ответа.

Донован протягивает руку к шару:

– Ты мне все равно не поверишь. Скажем так, я уверен в нашей победе.

– Ты хотел сказать, в *своей* победе?

Крейз улыбается. Его улыбка пугает, пленяет и в то же время безрадостна.

– Как ты там говорил, Джеймс? «Не будем тратить время на схоластику». Ты в деле или нет?

Еще одна радостная улыбка. Молчун кивнул на жетон

Матильды.

– Это твое ожерелье. Решение за тобой. Что думаешь?

Жужжание шара снова усиливается. Матильда переводит взгляд с одного мужчины на другого и крепко сжимает свой жетон. Она не помнит ничего из прошлой жизни до Хоумстеда, эта пустота гложет ее каждый день – и продолжит терзать, если она откажется от дальнейшего пути. Куда ей возвращаться? В Хоумстед? И жить там как чудовище? Если жетон откроет ей доступ к Треугольнику, возможно, там она найдет ответы на свои вопросы.

Джеймс поворачивается к ней лицом, и Матильда замечает в его глазах такую усталость, какой она никогда раньше не видела. Если она согласится, она пойдет только с ним. Хоть он порой скучный и жесткий, но ему можно доверять. Именно благодаря Джеймсу она попала в Башню Донована. Не говоря уже о том, что он ведущий инженер Киберсайда.

Матильда одарила его лучезарной улыбкой прежде, чем осознала, какое приняла решение.

– Мне бы просто узнать, кто я такая. Возможно, в этом Треугольнике я смогу найти какие-то ответы. А заодно можно и мир спасти.

Вздохнув, Джеймс протянул руку, чтобы взять ключ у Донована, но правитель Вавилона быстро ее отдернул.

– Ты же не думаешь, что я настолько глуп, чтобы отдать его прямо сейчас? Как только вы доберетесь до Треугольника с остальными тремя ключами, я сразу же передам свой. Я не могу допустить, чтобы ты просто назло отдал его кому-то другому.

Матильда пристально всматривается в шар в надежде уловить хоть какой-нибудь признак того, что Донован там видел. Шар сияет все сильнее, но она ничего не видит.

– С чего начнем?

Донован вновь ухмыльнулся, и Матильда поняла, что он заключил еще одну сделку – и приобрел еще одну аномалию. Она надеется, что обмен того стоит.

11. Небыляндия

Матильда проснулась от легкой вибрации. Затуманенным взглядом она сонно осмотрела пустой пассажирский салон скоростного самолета, который Донован заказал для них в Вавилоне. Молчун спал в соседнем кресле, он сменил свой калифорнийский наряд на скромный синий костюм, белую рубашку на пуговицах и коричневые туфли.

– Не хотите ли чего-нибудь выпить? – спросил чей-то голос.

Матильда с удивлением увидела перед собой настоящего человека, а не программу. Видимо, работа на высокой скорости соединения – это привилегированная должность. Особенно учитывая, какие ужасы творятся на земле.

– Хм… да, наверное. Можно джин с тоником, пожалуйста? Кстати говоря, через сколько мы приземлимся?

Служащий протянул ей прозрачный пластиковый стаканчик с напитком.

– У нас были некоторые проблемы с подключением над пустошами Юты, но в аэропорт Вирджинии «Небыляндия» прибудем примерно через час.

Матильда потягивает напиток и оценивает, насколько крепким его приготовил бортпроводник.

– А, ладно. Спасибо.

Она смотрела в окно на протоколы, имитирующие небо и облака. Ее воспоминания едва ли более связны, чем разбросанные бело-голубые узоры, кружащиеся за окном. Ее разум пытается зафиксировать ключевые моменты, определенные образы из прошлого, но мозаика не складывается: картинки тусклые, цвета блеклые. Все равно что читать комикс под одеялом с фонариком, у которого садятся батарейки.

– Да и на большинстве страниц ничего нет, – пробормотала она себе под нос.

Матильда отпила еще один смачный глоток.

Она подумала о Треугольнике, покачивая головой, словно в ответ на чей-то проницательный вопрос, заданный совершенно другим человеком. Если в Треугольнике хранится ключ к ее воспоминаниям, ей не терпится приступить к работе. Но она бы солгала, если бы сказала, что не нервничает, – ведь она даже боится того, что… может обнаружить.

Матильда закрыла глаза и нахмурилась, пытаясь вспомнить хоть что-нибудь. Действительно ли у нее была другая жизнь до того, как она стала Ведьмой и начала пожирать чужие воспоминания? До того, как ненасытный информационный

метаболизм не разбил ее исходный код на части и отбросил все, что не имело значения?

Ей нужно сохранить эти самые драгоценные кусочки, чтобы отделить жизненно важную информацию от цифровых плевел. Но теперь каждое поглощение превращает ее в существо, которое нравится ей самой все меньше и меньше. Было ли когда-нибудь… время, когда она была такой же, как и все остальные? Может, когда-то в реальном ми…

Матильда открывает глаза: голова раскалывается. Она просто носит воду решетом.

Молчун поерзал на сиденье, тихонько похрапывая.

Всего три месяца назад она стояла по колено в крови работорговцев и охотников за головами. Несмотря ни на что, она знала, что жетон на шее – не просто бессмысленный кулон, он что-то значит. Следуя своей интуиции, она отправилась в город и наблюдала за Молчуном. Каким-то образом она чувствовала, что Джеймс ей поможет. Но она даже не догадывалась, насколько этот человек с ней связан. Слова Донована все еще звучали в ее ушах. Джеймс, ведущий инженер, несет ответственность за этот мир. Но ее беспокоят два вопроса. Почему он все бросил, чтобы стать Молчуном? И что это за воспоминания, которые он пытается сохранить?

Матильда допивает остатки своего алкоголя. Джеймс так и не проснулся. Ведьма может только догадываться, что снится Молчунам.

* * *

Джеймс тем временем вспоминает свою первую неделю в «Фолл Уотер Лэйк». Его собеседование прошло так хорошо, что компания попросила его немедленно приступить к работе. Он даже не возражает, что бо`льшую часть его документов еще даже не оформили, слишком уж он возбужден. Первые дни на работе были невероятными, и Джеймс приятно ошеломлен возможностями, которую эта должность даст ему и его семье.

Неделя прошла как в тумане, и теперь он удобно устроился в самолете, летящем через всю страну, чтобы забрать семью. Перелет между Лос-Анджелесом и Бостоном достаточно долгий, и у него есть время подумать. Сидя в бизнес-классе, он удивляется, как быстро все меняется. Не только для него, но и для всего мира.

Сети, передовые вычислительные технологии, миниатюризация, персональные мобильные коммуникаторы, роботы, виртуальные и дополненные реальности – все это

революционизировало человеческое общество еще в первые годы XXI века. Все это радикально изменило способ взаимодействия индивидов с окружающими их людьми, поменяло их восприятие мира. Взаимодействие и потребление успешно связали людей в цифровом виде и разобщили их физически.

Пожалуй, впервые в жизни воодушевленный своим новым положением, Джеймс не может не думать о своем будущем, фантазируя о планах и прогнозах. Он нырял в кроличью нору размышлений бесчисленное количество раз, обычно долгими запойными ночами. Потягивая виски и поглядывая на облака сквозь акриловый пластик, Джеймс ухмыляется, зная, куда приведут его мысли. Очень жаль, что рядом нет никого, с кем бы он мог ими поделиться. Джеймс знает, что как только его мысли пойдут в этом направлении, круг его общения может значительно сузиться.

Социальные институты вроде правительства значительно отстают от корпоративного сектора в освоении новых возможностей и установлении контактов с населением. Администрации теряют собственную значимость, утопая в одном скандале за другим, и в связи с плохим прогнозированием они не успевают за информацией. Добавьте сюда три глобальных экономических кризиса только за последнее десятилетие, и фундаментальная социальная реструктуризация кажется неизбежным завершением этого процесса.

Люди утратили коллективную веру в традиционные органы управления, реинвестировав ее в крупные компании и заманчивые, яркие технологии. Люди имеют все больше общего с владельцем той же игровой системы, что и у них, чем с гражданином своей же страны. И по мере того как все больше и больше мировых правительств объявляют себя банкротами, страдают от коррупции или революции, все желающие отслеживать тенденции и цифры понимают, что мировая экономика начала не просто пассивно деформироваться, а активно мутировать.

Контроль и власть постепенно захватывают международные корпорации. В большинстве случаев у таких организаций высокие рейтинги – люди любят их больше, чем глав Парламентов и членов Конгрессов. Корпорации богаче, чем крупные государства, и они расширяют свой контроль над новостями и социальными сетями. Нарратив либо меняется, либо контролируется, и проще переложить вину на политиков, когда это необходимо.

Корпорации, все больше наращивая власть и влияние, уже давно взяли на себя ведущую роль в создании мозговых центров для обеспечения и постоянного совершенствования их

непрерывного успеха. Один такой мозговой центр и выдвинул идею, что корпорации могли бы вмешаться и преуспеть там, где правительства потерпели неудачу. Через «благотворительные услуги», направленные на их глобальную потребительскую базу, они постепенно сплотили вокруг себя народ, обеспечивая себе беспрецедентный доступ к ценным ресурсам.

Так было положено начало созданию финансируемых корпорациями профессиональных школ, жилищных программ и даже социальных институтов: радикальное развитие модели дзайбацу, доведенной до невероятной крайности. Сироты, бездомные и бывшие заключенные были перевоспитаны в специальных субсидируемых, корпоративных жилищных и развивающих учреждениях – расхваленных инициативах под названием «Совместное обитание». Расширенное образование, мощная подготовка руководителей, гарантированные рабочие места и доступ к новейшим технологиям – все это помогло обеспечить компании квалифицированными работниками, до гробовой доски верными своим будущим работодателям. Школа от компании, медцентр от компании, венчальная часовня от компании, похоронное бюро от компании. В то время как шумное меньшинство уже давно рассматривало этот уровень корпоративной паутины подрывом если не государственной, то личной идентичности, большинство населения ценило клетки доброй воли и единства – или, по крайней мере, их намерений, – которые выковали эти группы.

К счастью, Джеймс стал частью этой корпоративной элиты, чем он очень гордится. Он заполучил должность ведущего инженера ИИ в «Фолл Уотер Лэйк», пройдя много серьезных собеседований. Он даже не мечтал, что будет работать на передового пионера в области развития онлайн-сервисов. Это же работа мечты. Он попивает восемнадцатилетний скотч в удобном кресле бизнес-класса и не может дождаться и увидеть, куда этот путь его приведет.

Скоро он приземлится, заберет свою семью и вернется на работу. Наконец-то все идет на лад, и жизнь кажется именно такой, какой она должна быть.

* * *

Потряхивание кабины разбудило Молчуна, и он понял, что находится на борту совсем другого самолета. Матильда в новом деловом костюме, любезно предоставленном Донованом, отдыхает рядом с ним. Стюардесса заменила пустую чашку

свежим напитком. Он жестом показал ей, что хочет еще два таких же, и спросил Матильду:

– Мы почти в Небыляндии?

Матильда потягивает свой напиток через соломинку и кивает.

– Мне сказали, что лететь еще минут двадцать.

Глаза у нее слегка остекленели.

– И сколько же ты выпила?

– Разве это имеет значение? За них ведь платит Донован?

В ее словах есть доля правды.

– Я кое-что слышала про эту женщину из Вирджинии. По большей части нелепые слухи.

Джеймс покачал головой, когда на его столике появились два восхитительно полных бокала.

– Честно говоря, правда, вероятно, намного хуже этих слухов. Небыляндия работает на взломанной версии индексации. Большинство жителей города ходят в прокси-телах.

– Каких телах?

Джеймс за раз выпивает все содержимое.

– Маленьких детей. Полная дичь. Там живут одни взрослые, которые заменили свои первоначальные тела. И все эти «дети» поклоняются своему лидеру, Вирджинии. – Джеймс взял второй бокал. – На мой взгляд, это настоящий культ. Лучше тебе там ни с кем не разговаривать, чтобы тебя не завербовали.

Матильда встряхнула свою чашку, тыча соломинкой в кусочки льда.

– Я – Ведьма. В отличие от остальных, я знаю, как важно поддерживать коммуникационные барьеры.

– Но будь осторожна. Там все немного по-другому.

Матильда слегка сдавила края своего пластикового стаканчика, превращая его ободок в овал.

– Вирджиния же просто так не отдаст нам свой ключ?

Джеймс поднял было свой бокал, чтобы выпить, но остановился.

– Нет… не думаю. Есть только один способ. И у меня есть план.

Джеймс хмыкнул, допивая остатки своего коктейля. Матильда ответила ему тем же, допивая остатки своего напитка.

Голос по внутренней связи самолета объявил о приземлении в Небыляндии.

* * *

Когда Джеймс и Матильда вышли из самолета, у ворот

службы безопасности их встретили два сотрудника аэропорта. Четырнадцатилетние мальчик с девочкой в униформах с веселыми улыбками в унисон поклонились.

– Друзья, добро пожаловать в Небыляндию! Мы надеемся, что вам здесь понравится и вы расскажете о нас своей семье и сетям!

Схватив друг друга за руки, они отбежали от ворот охраны, напевая игривую мелодию. Разинув рот, Матильда наблюдает, как дети скачут по терминалу.

– Что… это еще… за хрень?

Джеймс хихикнул, проходя через ворота саморегистрации безопасности.

– Я же предупреждал, это странное место.

Еще в Вавилоне Джеймс с Матильдой решили, что попасть в Небыляндию получится только хитростью. Матильда выступит в роли исполнительного директора корпорации Донована, а Джеймс будет играть роль ее телохранителя. Вжившись в свою роль, Джеймс ждет, пока Матильда пройдет через охрану, держась рядом с ней.

Когда они вышли из аэропорта, их окликнул двенадцатилетний мальчик в форме офицера Службы безопасности:

– Желаю хорошо провести время в Небыляндии! Мы надеемся, что вам здесь так понравится, что вы захотите остаться!

Детская внешность охранника резко контрастирует с его бронежилетом и миниатюрным автоматом. Джеймс хочет увидеть реакцию Матильды, но та, к ее чести, сохраняет самообладание. Она спокойно и вежливо поворачивается к мальчику.

– Большое вам спасибо, юный сэр.

Направляясь к стоянке такси, Джеймс замечает группу мужчин, выходящих из такси. Взрослые не такая уж и большая диковинка в этих краях. Более того, Совет по закупкам и запросам Небыляндии чрезвычайно агрессивно продвигает свои товары и пытается дотянуться до программ по всему Киберсайду. Здесь рады всем, а если решишь остаться, получаешь свое прокси-тело в виде ребенка.

Джеймса беспокоит униформа этих людей. Она указывает на их верность Анклаву, мощной организации, которая контролирует бо`льшую часть восточного побережья. Соперничество Донована и Симмонса печально известно во всем Киберсайде и погубило немало жизней. Один из них заметил Матильду с Джеймсом и жестом привлек к ним внимание остальных спутников. Лидер анклавной группировки указал на них:

– Что донованские мрази позабыли так далеко от дома?

Стиснув кулаки, Джеймс встал перед Матильдой. Лидер группы засмеялся:

– А этот мужик боевой. Я точно помню, как надирал задницы вашим парням из Башни во время чистки в Солт-Лейк-Сити. Много времени не займет.

Матильда остановила Джеймса и вышла вперед:

– И я, кажется, помню, что там все еще действует перемирие, идиот. Не говоря уже о том, что мы находимся на территории Небыляндии. Конечно, если хочешь устроить заварушку, вперед. Или можешь и дальше облизывать сапоги Симмонса, мне по барабану.

Мужчина покраснел, но молча сохранил дистанцию. Тем временем к ним подошел охранник.

– Проблемы, друзья? Я всего лишь хотел убедиться, что вам все здесь нравится, – однако слова его расходятся с действиями. Он говорит спокойно, но все слышат щелчок: он снял крохотное оружие с предохранителя.

– Никаких проблем, – проворчал предводитель Анклава, уводя своих товарищей в аэропорт.

Офицер Небыляндии бросает на Джеймса и Матильду еще один взгляд, после чего возвращается на свой пост.

Матильда смеется:

– Блин… почти попали.

Она направилась к такси. Онемевший на мгновение Джеймс поспешил ее догнать.

– Но откуда ты…

Матильда оборвала его пронзительным взглядом и серьезным голосом спросила:

– Знала о перемирии между Анклавом и Вавилоном? Я сражалась с работорговцами три месяца, чувак. Может, у меня и нет никаких воспоминаний о прошлом, но я в состоянии понять, что происходит сейчас.

Джеймс не реагирует на ее внезапную смену настроения, напоминая себе, что даже без собственных воспоминаний Матильда поглотила память многих других.

Ее обычное приподнятое настроение вернулось так же быстро, как испарилось до этого.

– Но лгать не буду, не думала, что это правда сработает, – ее рот расплылся в широкой улыбке. – Честно говоря, я боялась, что тебе придется замочить этих парней.

Матильда посмеялась над выражением лица Джеймса, когда к ним приблизился неопределенного возраста подросток-таксист.

– Вас подвезти, мэм?

Все еще борясь с приступом хохота, она выдавила только:

– Да, пожалуйста.

Водитель открыл багажник и загрузил их сумки.

– Не вопрос. Куда едем?

Матильде удается выдавить «в центр», когда они уселись в машину. За рулем шофер переспросил:

– Хотите, чтобы я высадил вас у какого-нибудь отеля?

Взяв себя в руки, Матильда сделала вид, что перебирает какие-то бумаги в своем портфеле.

– Встреча состоится только вечером. Не могли бы вы порекомендовать хорошее место, где можно поесть? После полета я бы очень хотела перекусить.

Водитель кивнул и завел машину.

– Я знаю отличное место. Расслабьтесь, друзья.

Ведьма и Молчун обменялись взглядами. Здесь, в Небыляндии, они обрели уже столько новых «друзей».

Ясный солнечный день приятно контрастировал с затянутым смогом Вавилоном. В городе они то тут, то там замечали взрослых, но в самой Небыляндии, похоже, не было ни одного жителя старше восемнадцати лет. Таково главное правило региона – никто не взрослеет. Джеймсу это правило было не по душе, и не только из-за того, что явно представляло собой отклонение от кода Киберсайда. Все эти дружеские отношения и улыбки не могли скрыть уродливые куски измененных классов и взломанных функций, которые были слишком очевидны для его наметанного глаза. Для Джеймса непреклонная радость этого места – всего лишь обескураживающее лукавство и радужная повязка, наложенная на гноящуюся рану.

Таксист доставил их к небольшому кафе рядом с огромным зеленым парком. Когда они вышли из такси, он помог им с сумками и спросил:

– Не хотите ли вы, чтобы я вас подождал? Я не против.

Матильда улыбнулась, но отрицательно покачала головой.

– Нет, все в порядке. Мы что-нибудь придумаем. Это место выглядит великолепно.

Кивнув, водитель показал обоим большой палец и вернулся в такси.

– Ладно. Повеселитесь как следует!

Они зашли в кафе и устроились за столиком в пустом патио. Двенадцатилетний официант подошел с кофе и чаем и принял заказ.

Когда официант ушел, Матильда неожиданно рассмеялась.

Джеймс поднял голову.

– Что?

– Даже не знаю. Сама мысль о том, что этому парню на самом

деле около семидесяти, меня забавляет.

Джеймс нахмурился и развернул на коленях салфетку. Матильда наблюдала за группой детей, резвящихся в парке.

– Знаешь, Джеймс, я вроде как понимаю, почему люди хотят здесь жить. Кажется, что им действительно не о чем беспокоиться.

Молчун поднял на нее взгляд.

– Думаешь? – Он взглянул на детей, играющих в парке. – Может, кому-то вечная молодость и беспечное веселье и по душе, но всему своя цена.

Он попытался придумать хороший способ объяснить свою мысль.

– Знаешь историю о лотофагах?

Матильда нахмурилась.

– Вроде да. Что-то из греческой мифологии, верно? Вроде как-то связано с лотосом.

Молчун налил себе чашку кофе.

– Да, именно так. Это одна из легенд об Одиссее. После шторма Одиссей и его команда высадились на острове Джерба. Они нашли племя людей, которые употребляли лотос со всем, что ели и пили. Он якобы оказывал наркотическое действие, которое вызывало чувство спокойствия и апатии. Как только Одиссей узнал об этом, он приказал своей команде немедленно покинуть остров.

– Потому что?..

Джеймс бросил в свою чашку два кубика сахара.

– Когда кое-кто из команды попробовали лотос, они перестали думать о возвращении домой и были готовы жить на острове вечно. Одиссей не мог этого допустить.

Матильда взяла чай и добавила в него сливок.

– Да, но разве это не эгоистично? Он расстроился, что они не помогут ему вернуться домой. Его больше волновало, как это отразится на нем.

Джеймс обдумал ее слова.

– Ну да, конечно. Тогда позволь слегка переформулировать мой рассказ. Матросы, которые попробовали «лотос», совершенно позабыли о своих товарищах, с которыми они путешествовали. Разве это не эгоистично? Забыть о своих обязанностях – это не то же самое, что преодолеть их. Была бы ты довольна блаженной жизнью, если бы это означало, что ты никогда не вспомнишь, кто ты на самом деле?

Вот теперь Матильда задумалась над словами Молчуна, но их разговор прервал официант, который вернулся с подносом больше его самого. Под крышкой обнаружились тарелки с гамбургерами, картофелем фри, яйцами и беконом. Джеймс

подождал, пока официант не выйдет из зоны слышимости, прежде чем ответить:

– Мне кажется, если взломал свой код, чтобы выглядеть как ребенок, то можешь есть эту дрянь хоть все время.

Они с удовольствием набросились на еду. Спустя несколько минут молчаливого, сосредоточенного пережевывания Матильда спросила:

– Итак, ты же у нас инженер, расскажи, как все это произошло?

Джеймс помолчал секунду, чтобы проглотить пищу.

– Все началось еще в 2018 году, когда социальные сети стали практически обязательной частью повседневной жизни. В конечном итоге дошло до того, что людям создавали профили еще до рождения.

Матильда щедро макнула горсть картошки в кетчуп.

– Что ты имеешь в виду? Типа все по закону или же?..

Джеймс позволил себе легкую улыбку.

– Не совсем. Самое безумное, что во всем виноваты сами люди. Началось с того, что люди создавали смешные профили для своих кошек или собак. В конечном счете будущие родители создавали аккаунты для детей еще во время беременности.

Матильда поежилась и уронила облитую кетчупом картошку на тарелку.

– Что?

Джеймс кивнул.

– Да, понимаю. Просто выслушай. Родители забавлялись, создавая подобные профили, чтобы следить за ходом беременности. После рождения ребенка социальные сети использовали как удобный и самый простой способ хранения его фотографий. Цифровой альбом для ребенка или, скорее, для родителей, когда дитя подрастет.

Матильда потыкала пальцем в перевернутую глазунью, чтобы золотистый желток растекся по тарелке.

– Угу. А у тебя они были?

Этот вопрос пробудил в нем воспоминания о прежней жизни. Не желая обсуждать своего сына, он с излишней осторожностью положил на тарелку еще несколько ломтиков бекона и уклонился от ответа:

– Нет. Я ведь инженер и точно знал, какую информацию обычно выкладывали люди в социальных сетях, даже не подозревая об этом. К тому же я знал, как этой информацией пользуются различные компании. Кроме того, в «Фолл Уотер Лэйк» запрещали заводить аккаунты в соцсетях.

– Так как же мы дошли до всего… этого?

Джеймс откинулся на спинку стула и сложил руки на животе.

– Технологии прогрессировали, и вскоре об обычных фотографиях позабыли. Появились панорамы виртуальной и дополненной реальности, стерео-видео и любые другие типы носителей, которые только можно выдумать. Все это так захватывало.

– Так дело было… в трафике? Чем больше база пользователей…

– Именно. Крупные корпорации сразу же просекли фишку. Ценность данных от потенциальных потребителей была слишком большой, чтобы они могли пройти мимо. Они начали вкладывать огромные ресурсы в покупку информации.

Матильда постучала пальцами по столу.

– Ладно, интересно и все такое, но так что насчет Небыляндии?

Джеймс подался вперед.

– Да-да, хорошо. Итак, проблема с социальными сетями заключалась в том, что никто не говорил правду. Каждый пост был тщательно продуман, чтобы потешить собственное эго. В итоге… все лгали. Это вызвало проблемы с информацией, которую отслеживали компании. Итак, как можно было заставить людей говорить правду? Все началось с обычной игры, или, скорее, игрового бэкэнда, разработанного в Нью-Йорке компанией под названием «Октаграм». Все начали Рон Стэйтон и Шон Уилковски.

Матильда отложила свой бургер и посмотрела на Джеймса.

– Похоже, ты их знал.

Джеймс даже перестал жевать. Он сделал паузу, проглотил комок и запил водой.

– Только вскользь. Встречался с ними пару раз на конференциях. Вроде бы хорошие ребята. Думаю, они действительно не понимали, что создали, пока «Фолл Уотер Лэйк» не забрала их себе. Но я забегаю вперед.

Джеймс надеялся, что она не заметит его ложь. На самом деле он знал их очень хорошо, но не хотел сейчас в это углубляться. Они много болтали под водку с Роном и Шоном бесчисленными ночами, до тошноты обсуждая фундаментальные моральные вопросы развития далеко идущих технологий. Их самоисполняющееся пророчество все-таки воплотилось в жизнь…

– Итак, они создали многопользовательскую игру в виртуальной реальности под названием «Созвездие», но вся соль заключалась в бэкэнде технологий и системе ИИ. Бэкэнд собирал данные о действиях игроков, обрабатывал их и реструктурировал нарратив игры соответственно стилю каждого пользователя.

Матильда покачала головой:

– Ладно, я уже начинаю путаться, шеф. Давай упростим задачу. Разве истории не бесконечны в буквальном смысле?

Джеймс насадил на вилку несколько кусочков картошки.

– Конечно, существует много комбинаций. Но драматических ситуаций на самом деле не так много. Писатель Жорж Польти однажды сказал, что всего существует лишь тридцать шесть драматических ситуаций, до которых можно упростить сюжет.

Матильда потянулась к стакану с водой, но остановилась.

– Та же ситуация с музыкальными нотами. Можно придумать бесконечное количество песен, но ты все равно ограничен только существующими двенадцатью нотами.

Джеймс хлопнул ладонью по столу.

– Вот именно! Рон с Шоном использовали в своей игре как раз этот подход из тридцати шести ситуаций. Таким образом, пользователь создаст персонажа и пройдет первоначальное обучение. Как только он достигнет определенного уровня, все его действия и решения будут проанализированы ИИ, который определит их профиль. Исходя из этих данных, игра будет объединять их с другими игроками, чтобы вместе ходить на рейды и приключения. Тем временем алгоритм будет отслеживать их действия. Это помогло бы определить остальные необходимые данные, чтобы развить полное понимание личности игрока. Каждый рейд и приключение станет уникальным, потому что ИИ будет создавать лучшие, точные и более привлекательные сценарии для группы игроков – и все это на основе коллективных данных. По существу, эта система позволила бы игре стать самым гибким и удивительным геймммастером, которого только можно представить.

Матильда поковырялась в остатках еды.

– Я все еще не понимаю, при чем тут социальные сети.

Джеймс налил себе еще одну чашку кофе.

– Да, как и Рон с Шоном. Они сосредоточили все свое внимание на создании феноменального игрового опыта, чтобы впоследствии грести деньги лопатой. Однако они так и не поняли, что построили контекстный метафорический двигатель, который определял игроков на основе их подсознательных решений, а не сознательных. Реальная ценность заключалась не в разработке игрового процесса, а в сборе данных о том, на что люди реагировали. Игровой опыт оказался настолько захватывающим, что люди позабыли о лжи. Всем было наплевать. И народ начал предоставлять реальные данные, чтобы ИИ эффективно их проанализировал.

Матильда отложила свою вилку.

– А-а-а, понятно. Я поняла, к чему ты ведешь. Люди начали говорить правду.

– На мой взгляд, Вирджиния все это заполучила таким образом. «Созвездие» предоставило личные игровые домены, которые будут адаптироваться и даже заново строить себя на основе решений игрока в игре. Людям дали возможность создавать целые реальные миры, в которые можно приглашать других игроков. Эти персонализированные виртуальные миры были созданы ИИ, которые основывались на многочисленных данных. Эти виртуальные миры стали более популярными, чем реальная жизнь, и каждый проводил время в игровых пространствах. Родители создавали такие миры для своих детей, где те могли посмотреть детские воспоминания. В конце концов для большинства людей это привело к тому, что каждый получал собственный мир еще до своего рождения. Это было невероятно популярно, и «Фолл Уотер Лэйк» приобрела технологию и домены «Октограма» в 2026 году, чтобы построить свою социальную сеть следующего поколения. Они назвали ее «Небыляндия».

Матильда снова посмотрела на детей, играющих в парке. Джеймс же отодвинул от себя тарелку.

– Да. Прости. Понимаю, вопрос короткий, история длинная.

К остаткам еды Матильда больше не притронулась.

– И когда же Вирджиния получила полный контроль над «Небыляндией»?

Джеймс неожиданно понял, что уже находится в полном восторге от разговора – настолько ему понравилось с кем-то что-то обсуждать. Он не мог точно сказать когда. Этот вопрос вернул его к их задаче в Небыляндии. Он мог вспомнить только о встрече руководителей компаний в «Фолл Уотер Лэйк», на которой Вирджиния настаивала на полном контроле над доменом.

– Вирджиния заперла центральный узел для своих целей. Все, что ты здесь видишь, – это ее реальность. Ее пользователи охотно возвращаются к детским аватарам и позволяют менять свои настройки индексации ради комфорта, который она им предоставляет.

Матильда оглянулась на парк, заполненный играющими детьми.

– Выходит… можно сказать, она кормит всех лотосом.

Джеймс допил остатки своего кофе.

– Так и есть. – Джеймс положил деньги на стол и встал. – Было очень приятно, но у нас много работы.

* * *

Для хорошего инженера найти тайный притон не составит большого труда. Разработчики часто оставляют за собой искажения, которые нельзя удалить, – например, незаконченные местоположения. Джеймс, идущий по улицам Небыляндии, знает по крайней мере один точный и быстрый способ найти его, но процесс его отслеживания – довольно неприятное испытание.

Пока они идут по мощенной булыжником улице, Молчун изучает вокруг кодировку, выискивая верные признаки контрабандиста эмоций – членов преступного мира Киберсайда, которые незаконно перевозят воспоминания из одного места в другое. Многие сравнивают этих контрабандистов с Молчунами, главным образом из-за отвращения к индексации. Джеймс данное сравнение ненавидит. Возможно, Молчуны и подрабатывают наемниками, но, по крайней мере, многие из них бродят по Киберсайду в надежде творить добро. А вот назвать хоть одно хорошее качество электронных контрабандистов Джеймс не в состоянии.

В тускло освещенных игорных притонах и кабаках, разбросанных по самым захудалым уголкам Киберсайда, те, кто отчаянно нуждается в кредитах, могут встретиться с еще одним участником контрабанды эмоций – Выделителем, всегда готовым раскошелиться за первичную память… если продавец готов расстаться с этой памятью навсегда. Те, кому не повезло, всегда могут продать свои лучшие воспоминания Выделителю, который, в свою очередь, переведет память из личного хранилища продавца электронному контрабандисту.

Далее контрабандист доставит товар в собственном сознании богатым клиентам, которые щедро платят за то, чтобы пережить самые заветные моменты другого человека. Рынок поглощения позитивных мыслей, особенно из реального мира, считается крайне прибыльным. Бизнес контрабандистов эмоций всегда пользуется высоким спросом.

Но их работа сопряжена с большим риском. Помимо того, что они избегают индексации, они также борются с самой Системой, которая рассматривает контрабандистов как вредоносное программное обеспечение и активно пытается их удалить. Для того чтобы избежать защитных механизмов Системы, они используют карманы реальности в коде, где могут залечь на дно, особенно когда Система вот-вот их вычислит.

Активировав один из своих сенсорных фильтров, Джеймс прогуливался по улицам Небыляндии, пытаясь обнаружить любые следы недавнего вторжения электронного контрабандиста в этот мир. Матильда, кажется, наслаждается прогулкой, но Джеймс уже на взводе. Чтобы успешно напасть на след контрабандиста с

любой заданной эмоцией, ему приходится следовать за отголосками перевозимой памяти – и это Джеймсу не по душе. Все равно что следить за наркодилером, регулярно пробуя следы кокаина, которые тот случайно уронил на своем пути.

Джеймс уже готов был уехать из этой части города, когда вдруг заметил устойчивый след в коде: сорокалетний мужчина, крадущийся из одного переулка в другой, перевозит память о женщине. Вздохнув, Джеймс повернулся к Матильде.

– Вроде я нашел то, что нужно, но мне понадобится твоя помощь. Возможно, на пару минут тебе покажется, что я не в себе. А может, и дольше. Просто держись поближе и смотри, чтобы я не заблудился.

Матильда усмехнулась.

– Понятно, дедуля. Я прослежу, чтобы ты не свалился в какой-нибудь люк.

Закатив глаза, Джеймс настроился на волну воспоминания и подключился к нему. Его зрение сразу размылось, словно он внезапно взглянул на мир сквозь разбитое запотевшее стекло.

Джеймс на секунду сосредоточился и запустил приостановленное воспоминание.

Женщина крепко сжимает руку своего сына, они находятся на станции в Вавилоне и ждут следующего поезда. Муж этой женщины воевал в одной из прокси-войн между Вавилоном и Анклавом. Недавно пришло известие, что весь его полк был почти уничтожен войсками Анклава. Она неделями рыдала навзрыд, едва держась на ногах. Все изменило одно-единственное сообщение, в котором говорилось, что нашли несколько выживших: их собираются доставить в город. Она уже стоит на платформе, ее переполняют последние крохи надежды, от которых мурашки бегут по телу.

Женщина крепко держит маленькую ручку своего сына. Он настоял на том, чтобы приехать, зная, что там будет папа. Несмотря на уверенность сына, беспокойство все же нарастает и бурлит в животе, когда на платформе появляется все больше и больше людей. Голова идет кругом, толпа вокруг бурлит, когда поезд прибывает на станцию.

Сын сжимает ее руку. Механический грохот прибывшего поезда всполошил людское море. Все проталкиваются в его сторону. Поезд подошел к остановке, но двери открылись не сразу. Для переполненной платформы прошла целая вечность. Когда двери поезда наконец открылись, толпа людей, поднимающихся на борт, схлестнулась с потоком пассажиров, выходящих из него. Женщина в отчаянии оглядывает толпу, отчаянно пытаясь хоть мельком увидеть мужа. Печаль все больше

ее одолевает, когда толпа постепенно рассеивается и поезд уходит с платформы.

Внезапно женщина понимает, что уже не держит хрупкую ручку сына.

Она в отчаянии смотрит вокруг, но сына рядом нет. Замешательство быстро сменяется слепой паникой, она бежит по платформе, но ничего не видит, никаких следов сына. Паника переполняет ее и затягивает в зияющую дыру, обещающую лишь безумие.

Но затем она слышит его голос: «Папа!» – и видит, как ее сын вцепился в ноги отца. Она в отчаянии бежит к ним, но дрожащие ноги подкашиваются, и она падает в обморок.

Женщина чувствует, как две пары рук обнимают ее, одна намного меньше другой. Они обволакивают ее любовью и теплом. Слезы текут по их лицам. Сокрушительная смесь беспокойства и горя моментально сменяется облегчением и радостью. Даже когда очередная толпа собирается на платформе, эта семья наслаждается моментом счастья.

Воспоминание закончилось, и внутренние сенсоры Джеймса получили все необходимое, чтобы отследить запах контрабандиста. Он ясно видит, как тот несется проулками к торговому кварталу. Но сначала Джеймс вытирает слезы и глубоко, прерывисто вздыхает. Это всего лишь след воспоминаний женщины, но эмоции его переполняют. Он может только догадываться, что довело ее до такого крайнего отчаяния, что она добровольно продала это меняющее жизнь воспоминание и навсегда от него отказалась.

Он слышит голос Матильды, но не поворачивается к ней.

– Ты в порядке? – спрашивает Ведьма.

Джеймс чувствует, как его рука задергалась, выходя из-под контроля.

– Да, я в порядке. – Он лжет. – Давай за мной.

Во избежание дальнейших расспросов Джеймс принялся тщательно отслеживать след контрабандиста эмоций. Он делает это инстинктивно, на автопилоте, но использует это время, чтобы вернуть себе самообладание. Жгучее воспоминание о семье, воссоединившейся вопреки всем обстоятельствам, – это для него чересчур, слишком тяжело переварить его прямо сейчас, слишком тяжело, чтобы вынести.

Он молча идет по пульсирующему следу через узкие переулки и извилистые боковые улочки. След приводит его к красной кирпичной стене торгового здания.

– Эм… ничего не понимаю. И это все? – подала голос Матильда.

Джеймс нашел потайную дверь в конспиративную квартиру только благодаря своему инженерному режиму видения. Он повернулся к Матильде.

– Да. Слушай… я должен сам туда пойти. Это задание для одного человека.

– Да, конечно. Поняла. Просто поболтаюсь здесь. – Матильда пожала плечами.

Джеймс изо всех сил старается произнести небрежным тоном:

– Перекусить случайно не хочешь?

Матильда бросает на него растерянный взгляд.

– О чем ты говоришь? Мы же только что поели.

Рука Джеймса нервно дернулась. Он поспешно спрятал ее за спину.

– Нет, я имею в виду, были ли у тебя какие-нибудь… побуждения? – Он выдержал ее пристальный взгляд. – Еще с Вавилона.

Матильда с хмурым видом отступила назад, и Молчун понял, что сказал что-то не то. Голос ее был полон льда.

– Нет… я в порядке. Слушай, иди уже и закончи это дурацкое дело.

Она осмотрелась и указала на скамейку.

– Если ты так беспокоишься… могу выпить чайку и посидеть здесь. Если только ты не думаешь, что я и тут могу попасть в беду.

Джеймс поднял ладони, словно защищаясь.

– Послушай, я не это имел в виду…

Лицо Матильды омрачила хмурая гримаса.

– Я же сказала, все в порядке.

У Джеймса, и так истощенного пережитым воспоминанием, просто нет сил, чтобы продолжать разговор.

– Хорошо. Много времени это не займет. Просто дай мне полчаса. Встретимся у этой скамейки.

– Да, конечно. Как скажешь. Увидимся. – Матильда уже повернулась.

Джеймс посмотрел ей вслед, надеясь, что его слова не слишком глубоко ее ранили, хотя какая-то его часть понимает, это не так. Мысль, что он оставил Ведьму одну, его тревожит.

Он повернулся к стене и ввел код, чтобы открыть потайную дверь, затем осторожно вошел внутрь.

И перенесся сквозь зеленые светящиеся ворота в маленькую, грязную комнатку, которая находилась как внутри, так и за пределами границ Небыляндии. Это убежище было создано не для удобства и чистоты. Он осмотрел комнаты в поисках жильцов, но никого не нашел. След электронного контрабандиста еще не

исчез, но здесь никого не было, кроме самого Джеймса. Он с удовлетворением подошел к большому консольному терминалу.

Там он снял пиджак, расстегнул рубашку и бросил их на потрепанный, грязный диван. Джеймс подул на пульт, подняв целое облако пыли. Пока оно парило в воздухе вокруг, Джеймс размышлял о том, что ему лучше всего сделать. Консольные терминалы, вроде этого, дают пользователю возможности создать мощные новые инструменты. Чтобы покончить с культом Вирджинии, ему нужно оружие, которое может уничтожить ее с первой попытки.

Одним выстрелом.

Если бы кто-то пристально на него посмотрел, то подумал бы, что Джеймс сидит с закрытыми глазами, а его руки словно печатают на воображаемой клавиатуре. В пользовательском интерфейсе он получил доступ к арсеналу Системы и личным файлам оружия. Во-первых, он зашел в свои закладки конструкций и получил доступ к чертежам надежного пистолета. Пара быстрых щелчков – и пистолет с кобурой материализовались рядом с ним. В списке последних сохранений он нашел ножи Матильды, ее смертоносное оружие, которое ее вынудили сдать перед посадкой в самолет в Вавилоне. Джеймс улыбнулся: после встречи с Донованом, когда ей сообщили, что она не может взять их с собой в Небыляндию, Молчун сохранил их в свой собственный арсенал. Он выбрал все ножи до единого и сразу же перекинул их в рюкзак.

С основным набором вроде бы закончил. Дальше Джеймс задумался, что нового ему теперь придумать. Какое оружие подойдет для данной работы? Он перебрал варианты.

Слишком тяжелое. Тут не хватит мощности. Неточное. Он оценивает и отклоняет со скоростью света самые различные показатели оружия: точность, вес, скорость, типы боеприпасов, диапазон ватт, сила сопротивления, емкость магазина и множество других…

И с ухмылкой останавливается на одной модели.

Почти полутораметровый монстр. Хорошее начало, но кое-что все же нужно поменять.

План простой. Вирджиния, как обычно, будет претенциозно вещать со своего подиума на собрании своих подданных. Она обратится к ним до наступления ночи и будет купаться в их любви, поглощая эмоции. В свою очередь, Вирджиния избавит своих последователей от нежелательных воспоминаний, забот и боли прошлого. Задолго до начала выступления Джеймс займет позицию в выгодной точке. Ему нужно будет найти здание с видом на площадь Изумления. В подходящий момент он всадит

пулю ей в голову и в последующей неразберихе заберет ключ.

Он расширил емкость магазинов до семи патронов – 408 вместо 375. Что до прицела, его выбор пал на настоящий шедевр – Valdala 12–52x56–40 мм Terminator. Он сделал перерыв, изучая свой усовершенствованный баллистический компьютер. Обычно он обходился без дополнительных примочек, но на случай, если Система вдруг выдаст ненастную погоду, добавил карманную метеостанцию Kestrel-4000.

На случай, если кто-то попытается ему помешать, Матильда будет держать оборону его позиции.

Создание оружия в Системе скорее можно назвать искусством, чем наукой. Джеймс применяет новые модификации, и форма оружия меняется согласно его мыслям. По окончании работы оружие все еще тяжеловато, поэтому он применил пару кодировок, влияющих на физические показатели, и снизил вес винтовки почти до семи килограммов, не потеряв при этом ни одного из своих модов. Проверил все на баллистическом калькуляторе. Пара строк кода – и патроны теперь не отследить стандартными системами обнаружения, что позволит ему обрушить невидимую смерть на свои цели.

Готовый результат – изысканное и смертоносное оружие, созданное для определенной цели, построенное им с нуля, теперь будет храниться в его арсенале. Остался последний шаг – дать новому оружию название для хранения и подачи. Слово сразу же приходит ему на ум.

«Возрождение».

Он нажал на метку, выбрал класс оружия – и на свет появился новый уникальный предмет. Он скомпоновался и подключился ко всем элементам архитектуры, приобретя свой личный индекс и подпись. Буквенно-цифровые знаки и свойства сплавились воедино волей измученного и удовлетворенного человека за верстаком.

Когда свет прекратил мигать, Джеймс поднял «Возрождение» и с чувством прицелился.

– Ладно, лапочка, ты уж не подведи.

Щелчок «Возрождения» словно возвестил, что готов ко всему.

12. Заблуждения

Матильда сидела на скамейке в парке и не могла избавиться от ощущения, что скоро пойдет дождь. В воздухе повисло темное холодное облако, и она чувствовала, как ее настроение портится вместе с погодой. За обедом ей очень понравилось разговаривать с Джеймсом. Конечно, в основном беседу вел он, но Матильда была счастлива получить от него не просто несколько обычных слов.

Почему он решил поднять тот вопрос – другое дело.

Матильда раздраженно вскочила со скамейки. Погода становилась все хуже, и она бы не отказалась от чашки горячего чая. Найти кофейню не заняло много времени.

Заказав мятный чай у двенадцатилетней бариста, Матильда почувствовала, как поднимается ее настроение. Жар от чашки согревает ей руки, а первый глоток бодрит тело. Она вернулась к скамейке и посмотрела на детей, играющих в парке. Они веселились на качелях, а рядом с ними висели на турниках радостные, гиперактивные муравьи. Счастливая улыбка Матильды медленно сменилась хмурым выражением.

Интересно, каким ребенком она была в реальном мире? Кто были ее родители? Любили ли они ее? Ее улыбка похожа на отцовскую или на материнскую?

Погруженная в свои мысли, Матильда даже не заметила, как закапал дождь.

Поставив чашку на скамейку, Ведьма направилась к детской площадке. Она прошла сквозь стайку детей, пробралась под джунглями из тренажерных стоек, мимо горки, усыпанной капельками моросящего дождика. С любопытством наблюдая за ее приближением, несколько детей уступили ей дорогу, и Матильда плюхнулась на резиновые качели. Несколько секунд она раскачивалась на них, все больше ускоряясь под радостный смех. Часть ее чувствовала себя глупо и по-детски, но эйфория взяла верх. На высоте дугообразного движения она проворно и грациозно спрыгнула на землю. Дождь тем временем усилился.

Дети на площадке уже разбежались по укрытиям. Матильда осталась одна и с хихиканьем начала танцевать под каплями дождя, обходя лужи, как маленькая девочка, которую она воображала, но не могла вспомнить. Она резко оборвала свой смех, увидев, что парк вокруг нее совсем опустел.

Подбежав обратно к качелям, Матильда откинулась на спинку сиденья, крепко сжимая скользкие цепи, отчаянно пытаясь вновь прочувствовать то ускользающее веселье. Слезы, стекающие

по щекам Матильды, смешались с каплями дождя. На пустой игровой площадке теперь были слышны только ее тихие рыдания и скрип пустых качелей.

Наконец Матильда открыла глаза, но не увидела ни детской площадки, ни самой Небыляндии. Перед ней раскинулось зеленое пастбище. Качели, на которых она сидела, были теперь деревянные, подвешенные на потертых, но крепких веревках к большому дубу. Вместо городских зданий остался лишь один дом в отдалении. Промокшая земля вокруг нее ощетинилась и затанцевала под проливным дождем.

Матильда никак не могла отделаться от ощущения, что уже бывала здесь раньше. Вытирая слезы, она вздрогнула, осознав, что внимательно рассматривает нежные руки одиннадцатилетней девочки. Ее деловой костюм превратился в маленькое зеленое платьице, а на ногах появились красные сандалии. Несмотря на усиливающийся ливень, боль и страх, которые она только что чувствовала, исчезли. Мир вокруг нее больше не казался искусственным или неуместным.

Сквозь приглушенный шум дождя Матильда услышала женский голос, зовущий из дома.

– Тильда, дорогая, промокнешь же. Возвращайся поскорее, пока не простудилась.

У Матильды ушло несколько секунд, прежде чем она ответила:

– М… мама?

В мгновение ока она сорвалась с качелей и понеслась к дому. Силуэт женщины в белом платье стоит в дверях и призывает ее бежать быстрее. Собрав все свои силы, Матильда заставляет себя сократить расстояние между собой и домом. С каждым шагом она отчаянно пытается разглядеть черты лица этой женщины. Но ее маленькие ножки скользят на траве, и кажется, чем сильнее она бежит, тем дальше от нее дом.

Дождик тем временем сменился настоящим ливнем, заливающим глаза. Матильда споткнулась о камень, растянулась на мокрой земле и заревела от боли. Она еще никогда не чувствовала себя такой беспомощной.

Все вокруг нее потемнело. Она в отчаянии закричала:

– Мамочка!

Теплые, нежные руки подняли Матильду с травы, из грязи, она посмотрела на женщину в белом, улыбнулась ей и вытерла свои слезы. Успокаивающее присутствие этой женщины наполнило Матильду уверенностью и любовью, которых она не испытывала никогда в жизни.

– Дорогая, не надо слез. Такой счастливый день. Я так долго

ждала. Думала, что потеряла тебя.

Слезы все еще текут по лицу Матильды, но она уже заулыбалась с чистой радостью, любые мысли о печали мгновенно исчезли. Утешение. Исцеление.

– Мне так жаль, мам. Я больше никогда не хочу тебя покидать.

Улыбнувшись в ответ, женщина в белом наклонилась и обняла Матильду, убрав мокрые волосы с ее лица.

– Не волнуйся, любовь моя, не беспокойся. Теперь мы вместе, и ничто больше нас не разлучит. Пойдем домой.

Дождь прекратился, когда Матильда вложила свою крошечную ручку в теплую, приветливую ладонь женщины. Они направились к стоящему вдали дому.

А на детской площадке Вирджиния Уиллис, правительница Небыляндии, двинулась в направлении к площади Изумления, держа за руку одиннадцатилетнюю девочку, очень похожую на Матильду.

* * *

Выйдя из укрытия контрабандиста, Джеймс сразу почувствовал, что что-то не так. Судя по мостовой, недавно прошел дождь. Ничего странного, само собой… но что-то его встревожило. Он осторожно приблизился к той самой скамейке в парке, но обнаружил там только мокрый бумажный стаканчик.

Он оглядел близлежащие магазины в поисках Матильды, надеясь, что сразу разглядит взрослого среди детей. Наверное, спряталась от дождя. Так и не обнаружив девушку, он присел на скамейку. Его голову заполнили тревожные, нежелательные мысли.

– Что-то потеряли? – раздался слева от него вежливый голос.

Джеймс инстинктивно потянулся за пистолетом, но резко остановился, увидев источник голоса. Рядом с ним на скамейке, настолько близко, что он мог дотронуться до него рукой, сидел мужчина средних лет. Молчун обругал себя за то, что позволил кому-то так близко к себе подкрасться. Он окинул незнакомца быстрым взглядом, все еще не убирая руки из расстегнутой куртки.

Незнакомец был одет в джинсы, коричневые рабочие ботинки, винтажную рубашку 90-х с принтом игры «Double Dragon» и черную кепку. Наверняка обычный турист. Внимание Джеймса больше привлекли глаза мужчины. Он как будто видел их раньше. Эта мысль вызвала странное беспокойство.

Словно прочитав мысли Молчуна, мужчина приветливо поднял обе руки вверх.

– В этом нет необходимости, молодой человек. Просто пытаюсь помочь.

Вместо этого Джеймс сделал вид, что похлопал себя по куртке в поисках сигарет. Запоздалый жест даже ему показался фальшивым, но он все равно сделал это. Мужчина усмехнулся:

– Кончились, что ли? Вот, возьми из моей пачки.

Он извлек пачку «Лаки Страйк» и протянул ее открытым концом Молчуну.

Джеймс смотрел на него еще несколько долгих мгновений. Сначала ему показалось, что она пустая, но он потряс ее и все-таки нашел там сигарету.

– Я кое-кого ищу. Подругу. Она должна была быть здесь.

Мужчина снова хихикнул, зажигая сначала сигарету Джеймса, а потом свою собственную. Они оба глубоко затянулись.

– Хм. Понятно. Случайно не девушку в деловом костюме?

Джеймс повернулся к незнакомцу. В отчаянии он даже позабыл о своем неизменном правиле избегать общения с незнакомыми людьми.

– Да, а вы ее видели? – вроде прозвучало довольно небрежно.

Мужчина выпустил струю дыма и кивнул.

– Вообще-то да. – Он показал в сторону детской площадки. – Кажется, она довольно весело проводила время с детьми. Видимо, хотела вернуться в детство. – Он оглядел раскинувшийся перед ними город. – Но в этом и кроется смысл этого места, не так ли? Единственная проблема в том, что, если ты отчаянно хочешь что-то увидеть, тебя можно легко обмануть, как считаешь?

Джеймс отрицательно покачал головой.

– Только не эту девушку. Сомневаюсь, что ее может завлечь все это дерьмо.

Незнакомец пожал плечами.

– Возможно, ты прав. – Он поднес сигарету ко рту, но остановился. – Если, конечно, ей не помогли. – И затянулся. Кончик сигареты загорелся.

Молчун потянулся за своей, но она уже погасла. Он выкинул ее на мокрый асфальт, но незнакомец уже предложил ему другую. Он уже понял, кто «помог» Матильде.

– И куда Вирджиния ее забрала?

– А куда идут все дети, когда заканчивают играть? Домой. К матери. Они хотят забыть обо всех неприятностях этого дня. – Мужчина снова пожал плечами.

Джеймс оглянулся вокруг и увидел, как несколько оставшихся граждан Небыляндии закрыли свои магазины и все

вместе направились в одну сторону. К площади Изумления.

– Но Матильды среди них нет…

Странный мужчина посерьезнел.

– Может быть, это случилось после того, как ты ушел. – Мужчина мрачно посмотрел в сторону центра города. – На твоем месте я бы поторопился. Из некоторых мест порой можно не вернуться. Как только кто-то находит новый дом, они забывают прошлое. А когда у кого-то прошлого нет – все намного легче.

Джеймс уже встал и отшвырнул сигарету.

– Я не могу этого допустить.

Мужчина поднял голову.

– Ты сделаешь это ради нее или ради себя?

Джеймс повернулся к человеку на скамейке, ошарашенный собственной вспышкой гнева.

– Что это значит?

Старик затянулся еще раз и проследил за струйкой дыма, поднимающейся в холодном воздухе.

– Ничего… или все, в зависимости от того, как посмотреть. Когда желания человека преодолевают разум, они могут оправдать любые свои действия. Достаточно лишь легкого толчка, чтобы кто-то превратился в монстра.

Серьезное лицо мужчины смягчилось.

– А может быть, это просто старческий бред. Удачи, Джеймс.

Молчун пошел вперед, затем побежал и только спустя несколько мгновений понял, что незнакомец только что назвал его по имени. Он оглянулся на скамейку, но та уже опустела, а в воздухе осталось лишь слабое облачко дыма.

Выбросив из головы странного незнакомца, Джеймс бросился к площади Изумления.

* * *

Когда солнце садится над Небыляндией, голубое небо и красное солнце смешиваются в своем ритуальном хроматическом танце. Умирающий дневной свет отбрасывает на город мягкое мимолетное сияние перед надвигающейся темнотой. Постепенно дают о себе знать ночные животные. Сверчки и лягушки стрекочут и квакают. Джеймсу приходит в голову, что при обычных обстоятельствах от этого зрелища захватило бы дух. Однако из-за предстоящего задания его это зрелище угнетает, даже вызывает отвращение. Когда он бежит по улице к площади Изумления, вдалеке начинают звонить колокола. У него дергается рука. Беспокоит головокружение. Колокола продолжают звонить, и

ощущение усиливается. Он замедлил шаг, остановился и прижался к ближайшей стене. И еще одно воспоминание возникло в его голове.

Молчун вспоминает вечер, в который под закат солнца и бой колоколов впервые встретил женщину, на которой собирался жениться, Сару. Джеймс был на свадьбе своего друга Сэма в зоопарке Санта-Барбары. Он был одним из шаферов, она же знала невесту. И вдруг они разговорились за одним столом. Сара была очаровательной, много путешествовала, была образованной и приземленной женщиной. Его поразил ее характер, и он посчитал за счастье, что смог удачно отпустить несколько шуточек. Смех Сары был заразителен. Когда свадьба подходила к концу, Джеймс отошел покурить, и она присоединилась к нему. Они завели еще один разговор и целый час беседовали друг с другом, сидя на скамейке рядом с семейством жирафов.

Молчун выкинул воспоминания из головы. Нет, черт возьми. Не сейчас.

Подталкивая себя еще сильнее, он прошел через лабиринт улиц к зданию, которое, как он надеялся, подойдет для снайперской позиции. Колокола все трезвонили. Этот звон, эхом отдающийся в голове, заглушал мысли и терзал разум. И все же воспоминания возвращались.

После свадьбы Сара вернулась к себе домой, на восточное побережье, а Джеймс отправился в Европу, чтобы проконсультироваться по вопросам развития ИИ. Поглощенный своей работой, Джеймс забыл о той волшебной ночи.

Но через девять месяцев он получил сообщение от Сары, которая была на той же конференции в Сан-Франциско и спрашивала, не хочет ли он встретиться. Он вспомнил ту свадьбу и их знакомство и согласился. Сара уже ждала его на тридцать девятом этаже отеля «Марриотт», откуда открывался вид на город. Джеймс решил, что это было логово какого-нибудь богатого бондовского злодея: обширное полусферическое огромное окно во всю стену, выходящее на центр города и залив за его пределами. Она стояла и смотрела на закат и была так же прекрасна, как помнил Джеймс, даже красивее, если это было возможно. Именно в тот момент Джеймс понял, что это не просто случайная встреча. Ему было суждено провести остаток жизни с этой женщиной. Но та жизнь закончилась, когда умер старый мир.

Джеймс остановился, прерывисто дыша, и несколько раз ударил ладонями по вискам, как будто пытался заставить воспоминания подчиниться, вернуться туда, где они не могут его мучить. Он огляделся и неуверенно приблизился к двери у

основания башни. Никого рядом не было, но даже если бы кто-то был, он все равно разбил бы окно. Звон колоколов становился громче и назойливее, чем когда-либо. Джеймс взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, но колокол все еще продолжал звенеть. Каждый удар колокола отдавался в его голове. Он видел лица из прошлого. БАМ. Сара. БАМ. Тим. БАМ. Стивен.

К тому времени, как Джеймс добрался до крыши, голова уже раскалывалась. Звон прекратился, теперь его место заняли песнопения и аплодисменты.

Тяжело дыша, двигаясь в направлении звуков, Молчун добрался до края крыши и опустился на колени. Здесь был прекрасный вид на площадь. Перебравшись к своему рюкзаку, он открыл цифровой инвентарь. Выбрал «Возрождение» и вытащил из сумки большую винтовку. Откинув крышку штатива и включив камуфляжный модуль, Джеймс попытался замедлить темп дыхания и учащенный ритм сердца.

Покой и пустота. Покой и пустота.

Прохладный ночной ветерок взъерошил его волосы, когда он устроился на крыше. Поставив треногу винтовки на край и балансируя с оружием в руках, Молчун включил дальномер.

Глядя в прицел, он осмотрел праздник в поисках своей цели – Вирджинии.

Молчун осматривал одного жителя Небыляндии за другим. Нетрудно найти женщину, которая возвышается над взломанными детскими аватарами. Он отрегулировал прицел и застыл молча, в шоке. Он увидел, кто стоит в центре толпы рядом с Вирджинией.

Одиннадцатилетняя Матильда.

* * *

Матильда крепко сжимала руку матери, пока они шли по мокрой траве к большому дому. Его величественная колониальная архитектура приветствовала их открытыми дверями. Когда Матильда вошла в зал с колоннадой, ее грязное мокрое платье превратилось в царственное. Толпа детей уже заняла соседний холл, и их волнение возросло, как только она переступила порог. Почти все протянули ей руку с радостно поднятыми вверх большими пальцами, и многие фотографировали их с матерью. Ее это слегка пугало, но их окружала атмосфера дружбы и праздника.

Матильда обратилась к своей матери:

– Кто это?

Мать нежно сжала руку Матильды:

– Эти люди, дорогая, все твои друзья. Видишь, как они рады, что ты наконец вернулась домой?

Матильда таращится на ликующую, жестикулирующую толпу.

– О-о-о…

Мать мягко продолжает:

– Не унывай, милая. Это особый случай. Ты вернулась ко мне, любовь моя. На сегодня у нас запланировано что-то особенное. И ты станешь… очень счастливой.

Когда они прошли сквозь толпу, зеваки расступились перед ними. К этому моменту дети начали скандировать ее имя – сначала тихо, но когда Матильда прошла мимо огромного плаката с надписью «С возвращением, Матильда!», пение превратилось просто в шум. Сотни телевизионных экранов окружили их, транслируя одно и то же изображение ее и матери, приближающихся к пьедесталу.

Когда они взошли на сцену, в воздух взлетел шквал разноцветных воздушных шаров. Пока они взлетали до потолка, экраны показывали фотографии Матильды с матерью на протяжении многих лет. На каждом изображении Матильда видела маленькие сердечки и комментарии, появляющиеся на экране, – каждое из них говорило о коллективной любви Небыляндии. Она была в центре внимания целого королевства.

Поначалу Матильда не помнит событий на фотографиях, но по мере того, как они мелькают на экранах в виде слайд-шоу, она их вспоминает. Рождение Матильды. Она с помощью мамы учится кататься на велосипеде. Первые школьные дни, полные слез. Они вместе работают над классными проектами. Все это они делают вместе, и это наполняет Матильду неизменным чувством любви и безопасности. Она особенная. Она желанная.

У Матильды есть семья, дом… и воспоминания. Она сияет изнутри, ее переполняют чувства, она хочет ими поделиться. Со всеми, кто находится в Киберсайде.

* * *

Вирджиния поднимается на подиум, держа маленькую руку Матильды. Джеймс в шоке смотрит на нее. Вместо сильного, уверенного лица появилось лицо робкого, бесхитростного ребенка. Изображение Матильды проецируется на множество экранов вокруг площади Изумления.

Джеймс вновь посмотрел в прицел, выдохнул и успокоился.

Покой и пустота. Покой и пустота.

Торжество охраняют несколько сразу бросающихся в глаза головорезов. Несмотря на детскую внешность, на самом деле это хорошо вооруженные мужчины с большим опытом. Они осматривают толпу и, разумеется, крыши домов.

Не снимая руки с приклада винтовки, Молчун достал из сумки запасные обоймы и быстро зарядил оружие. Он сдвинул винтовку чуть в сторону и поймал голову Вирджинии в перекрестие прицела. Ему требуется мгновение, чтобы успокоиться. Он выпустил воздух из легких.

Джеймс положил палец на спусковой крючок.

В кристально чистом разрешении прицела королева Небыляндии посмотрела прямо на Молчуна и улыбнулась ему.

Она покачала головой и подняла руку, держащую Матильду. Джеймс только сейчас заметил синий статический свет, слабо мерцающий вокруг руки женщины и Матильды. Она подключила ее к себе. Если Вирджиния умрет, Матильда погибнет вместе с ней.

– Чееееерт.

Джеймс понял, когда именно они попали в ловушку – в тот самый момент, когда приехали в Небыляндию.

Не отпуская руку Матильды, Вирджиния вскинула ее вверх и показала большой палец. Вся толпа последовала ее примеру. Ликуя и повторяя этот жест, толпа приходит в исступление. Спустя мгновение, купаясь в их веселье, Вирджиния машет им рукой. Толпа, как один, замолкает. Королева Небыляндии с гордостью смотрит на свой народ.

– Дети мои! Каждый вечер мы собираемся здесь, чтобы разделить тепло и любовь нашей семьи. Каждый из вас дорог мне, и вашим братьям, и сестрам. Но сегодня особый праздник.

Вирджиния поднимает второй большой палец к небу – и толпа в унисон повторяет этот жест, громко аплодируя.

Вирджиния с улыбкой оглядывает стоящую рядом с ней Матильду.

– Я хочу познакомить вас с Матильдой, моей новой дочерью и вашей новой сестрой. Она вернулась к нам после долгих поисков. Она искала и нашла путь домой.

Толпа снова закричала, когда экраны сменили изображения на репортажи из других регионов Небыляндии. Толпы горожан сформировали свои собственные праздники. Когда веселье продолжилось, Вирджиния ухмыльнулась и посмотрела в сторону Молчуна.

– Хочу отметить, что она приехала не одна. Наш драгоценный ягненок привела к нашим воротам волка.

Возбуждение толпы переросло в гнев. Все как один повернулись туда, куда был направлен взгляд Вирджинии. Джеймс отшатнулся от вида такого зрелища. Охранники двинулись в его сторону, и Молчун быстро перевел взгляд обратно на прицел.

Прежде чем он успел выстрелить, Вирджиния остановила своих солдат:

– Нет, не надо, в этом нет необходимости.

И издала победоносный смешок.

– Теперь он не причинит нам вреда. Никакое зло не может преодолеть силу любви, которая держит нас вместе. Как семья!

Она снова показала большой палец, и толпа ответила ей тем же. Все они начали двигаться ритмично, в унисон, подняв большие пальцы вверх. Их лидер продолжила:

– Так давайте же возрадуемся нашему единству и примем мою новую дочь в наш круг.

Вирджиния опустилась на колени рядом с Матильдой, и толпа принялась скандировать имя девушки. Молчун навел прицел на Вирджинию и положил палец на спусковой крючок. Пульс глухо стучал в висках и отдавался в руку. Пение продолжалось, и он медленно перевел прицел на Матильду. Толпы уже оглушали, это был настоящий ад.

Джеймс ничего не понимал. Неужели Матильда предпочла рабство в этом мире иллюзий? Или даже сейчас некая ее часть втайне жаждала найти свой дом, чего бы это ни стоило?

Сможет ли он попасть в Треугольник без ее помощи? Он удивился сам себе и тут же презрительно отбросил эту мысль.

Вирджиния не отрывала взгляда от Матильды и держала ее маленькие ручки в своих. Ритмичное пение толпы прекратилось и почти исчезло в бессвязном, бессмысленном гудении, когда граждане Небыляндии объединились с духом своей матери. Синий свет замерцал вокруг, когда жизни Вирджинии и Матильды синхронизировались. Такое же синее мерцание возникло над головами всех находящихся в толпе и всех тех, кого показывали на экранах дисплеев.

Страстный шепот Вирджинии в новой, почти гипнотической тишине ночи прозвучал как гром.

– Откройся мне, дочь моя, приди…

Матильда кивнула.

Палец Джеймса дернулся в доле миллиметра от спускового крючка. Тело знало, что делать, но что-то внутри него сопротивлялось.

Выругавшись, Джеймс дрожащей рукой отбросил винтовку.

Не в силах отвести взгляд, Молчун наблюдал за Ведьмой и

лидером Небыляндии на платформе.

Наконец Матильда ответила. Он прочитал по ее губам.

– Конечно.

Вирджиния торжествующе улыбнулась, но вдруг знакомая улыбка расползлась по лицу Матильды.

Он в замешательстве увидел, как над головой Матильды появилось мерцающее красное пламя. Танцуя по телу ребенка-ведьмы, оно проскользнуло по крепко сжатым рукам к Вирджинии и поглотило голубой свет Вирджинии.

Крепко сжав руку Вирджинии, Матильда прошептала:

– Я не твоя дочь.

Глаза Вирджинии округлились. Она закричала в ужасе, когда красное пламя вспыхнуло и внезапной вспышкой взорвалось над ней.

Молчун быстро положил палец на спусковой крючок и поймал в прицел первого охранника Небыляндии. Матильда борется с Вирджинией, а он приступил к своей собственной борьбе. Молчун полностью взял под контроль дыхание, и наконец-то «Возрождение» запело.

Для охранников Вирджинии это был гимн смерти, некоторые вскарабкались на платформу, а другие слепо отстреливались в его направлении. Наемник не дал им ни шанса, а «Возрождение» криками калибра 408 разрывало их на части. Данные веером разливались по паникующей толпе с каждым выстрелом. Толпа отчаянно пыталась вырваться с площади, но синхронизация их жизней с матерью держала их на месте.

Молчун прекратил резню, увидев, что Ведьма и королева Небыляндии закончили сражаться. Матильда поглотила силу и воспоминания всех, кто был связан с Вирджинией. Алое пламя накинулось на толпу. Осознание и ужас поразило граждан Небыляндии, их закоротило между детскими аватарами и их истинными, старыми формами, стареющими на десятилетия в секунду, поскольку Система эффективно перестроила годы взлома и обмана. Вокруг Матильды образовалась черная цепь по мере поглощения все большего объема воспоминаний. Пустота поглощала каждое истинное воспоминание толпы. Ведьма стала каналом между ними и великой бездной. Один за другим все они превратились в пыль и эхо.

Песня «Возрождения» снова ненадолго замолкла, пока Молчун менял магазин. Сейчас он начал охоту на стариков, и старая оболочка не обеспечила им безопасность. Один из выстрелов пронесся мимо головы, оглушив Молчуна. Яростный и неточный ответный огонь беспорядочно дробил бетон, в основном снизу, и лишь немногие стреляли позади него. Молчун едва

успевал стрелять в ответ. Их стандартное оружие безнадежно уступало карающей силе «Возрождения» и его радиусу действия.

Он поискал новые цели, но не нашел ничего, кроме пыльного двора, усеянного телами поверженных охранников, и Матильды, все еще сцепившейся в борьбе с престарелой, умирающей Вирджинией. Положив «Возрождение» обратно в инвентарь рюкзака, Молчун поднялся с земли и направился к лестнице.

* * *

Перешагивая через тела павших охранников и стряхнув с себя пыль, Джеймс подошел к трибуне. Он осторожно вырвал руки Матильды из рук Вирджинии, и когда связь оборвалась, обе женщины упали. Вирджиния – на пол, Матильда – в объятия Молчуна.

– Полегче, Матильда. Все кончено. Остановись.

Матильда моргнула своими темными глазами и медленно вернулась к нормальному состоянию. Она ошеломленно оглянулась по сторонам, как будто очнувшись от долгого, глубокого сна. Увидев Джеймса, она кивнула, но голос ее дрожал и хрипел.

– Я… я в порядке. Мне просто нужна минутка.

Матильда, уже в своем нормальном обличии, присела на край трибуны и закрыла лицо руками. Джеймс пытался сказать что-нибудь ободряющее, но не мог найти слов, вместо этого он смотрел вниз на сморщенное, изуродованное тело человека, которого он когда-то знал в другой жизни. Материнская маскировка Вирджинии исчезла, раскрыв ее истинную форму.

– Как ты могла позволить этому зайти так далеко, Вирджиния? Что с тобой случилось?

Пронзительные голубые глаза посмотрели на него в ответ.

– Джеймс, ты настоящий засранец. Ты запланировал все это, только чтобы добраться до меня?

Молчун повернулся к Матильде. Ведьма тупо смотрела на площадь, заполненную информационной пылью. Джеймс гадал, не подстроила ли она все это заранее. И если да, то почему ничего ему не сказала.

– Нам не обязательно было идти этим путем. Нам просто нужен был твой ключ.

Джеймс смотрит на кровавую бойню во дворе. Он думает о «Возрождении», лежащем в инвентаре. Он думает о том, что чуть было не натворил.

Вирджиния попыталась издать смешок, но он сразу же

перерос в булькающий кашель. Она выплевывает кровь изо рта.

– Мой ключ… ты мне никогда не нравился, Джеймс, но я всегда считала тебя умным парнем. И я не понимаю, почему ты заключил сделку с этим придурком Донованом.

Молчун поморщился в ответ на обвинение.

– Это временный союз.

Вирджиния снова попыталась засмеяться.

– Ты же знаешь, что они говорят: «Если имеешь дело с дерьмом, тоже завоняешь». По крайней мере, я сдохну, зная, что он тебя использует.

Кулак Джеймса начинает сжиматься.

– Он нас не использует.

Она снова кашляет, на этот раз слабее.

– Конечно. Конечно, Джеймс. Думай что хочешь.

Нахмурившись, Джеймс прошерстил одежду Вирджинии, пока не нашел то, за чем они сюда пришли. Ключ Вирджинии сделан в виде кожаного браслета, прикрепленного к ее запястью. Джеймс попробовал снять его, но Вирджиния с неожиданной силой схватила его за руку.

– Если ты отдашь его этому монстру, тебе лучше знать, что делаешь.

Увидев выражение лица Джеймса, Вирджиния снова разразилась болезненным смехом, который перемежался мучительным предсмертным кашлем.

– Беру назад свои слова, что ты умный, Джеймс.

Она опустила голову на пол и взглянула на вечернее небо.

– Ну, если не знаешь ты, то скоро узнает эта штучка.

Вирджиния рассмеялась в ответ на его пустой взгляд и закашлялась еще сильнее. Джеймс встревоженно спросил:

– Что, черт возьми, ты имеешь в виду?

Вирджиния больше не могла сдержать смех, и ее гримасы выглядели как грубая снисходительность.

– Ради бога, Джеймс. Она только что уничтожила целый город. Такое количество воспоминаний! Кто-то должен был по крайней мере заметить ее, прежде чем все закончилось.

Матильда тем временем раскачивалась взад-вперед.

– Подожди, так ты знаешь, кто она?

Голос Вирджинии уже ослабел и начал прерываться.

– Конечно знаю, идиот. Потому я и решила, что смогу проникнуть в ее голову.

Джеймс взмолился:

– Вирджиния. Ты должна…

Она оборвала его, сплюнув в него еще немного своей жизненной силы. Ее конец был уже близок, она пускала слюни.

– Отсоси, кусок дерьма! – С последним вздохом она покинула этот мир.

Ее тело осталось лежать неподвижно.

Не глядя по сторонам, Джеймс наконец встал и поднял Матильду на руки.

Он пронес Ведьму через теперь уже пустые владения Небыляндии. Похоже, каждый житель здесь был связан с Вирджинией. Когда они добрались до окраины города, Матильда вырвалась из его объятий. Встав на ноги, она стряхнула с себя накопившуюся на одежде пыль.

– Ну и куда теперь, дедуля?

Джеймс пропустил мимо ушей веселую кличку, надеясь, что к ней возвращаются силы.

– Раз с Небыляндией покончено, всем транспортным линиям конец. Нам предстоит долгий путь пешком.

Матильда фыркнула:

– А ты снова вернулся к своему старому стилю «уклоняюсь от ответов».

Молчун хотел что-нибудь возразить, но передумал.

– Делавэр. Нам нужно ехать в Делавэр. Следующий ключ у Хэнка Брауна.

Матильда поджала губы. Молчун не понимал, что это значит.

– А можно мне посмотреть ключ Вирджинии?

И Молчун протянул ей браслет, затем мыслями вернулся к ее словам.

Лунный свет отражался от браслета в руке Матильды.

– Хм… и все ради чего? Ради этого?

Они прошли несколько минут в тишине, а потом Матильда снова заговорила:

– Спорим, ты знал этого Хэнка. Как и Вирджинию…

Джеймс взглянул вперед, на дорогу.

– Да. Вообще-то он был моим другом еще в «Фолл Уотер Лэйк», руководил отделом исследований и разработок и имел дело с большинством наших сторонних разработчиков.

Некоторое время они вновь молчали. Наконец Матильда спросила:

– Как бы ты его описал?

Джеймс поразмыслил о своем старом друге. Сложный вопрос. Единственный правильный ответ – самый простой.

– Он вроде как сбрендил.

Матильда издала смешок.

– Мы уже повидались с подлым правителем Вавилона и безумным лидером культистов в Небыляндии, а это, оказывается, Хэнк сбрендил.

Несмотря на сарказм, Джеймс вдруг понял, что она впервые за долгое время посмеялась. Они молча продолжили свой путь.

Когда ночь воцарилась над зловеще тихой Небыляндией, на улицах города завыл ветер. Он поднял в воздух клубящиеся облака информационной пыли. Огни в городе замерцали – уличные фонари, окна квартир, магазины. Когда здания постарели и разрушились, колокол башни с площади Изумления упал на землю и разбился. Дикая трава пробилась сквозь асфальт и булыжники, в то время как кусты и деревья расширили свой ареал обитания, заполняя районы, по которым люди ходили всего несколько часов назад. Система предъявила свои права на землю, на которой жили существа, извратившие ее код.

И теперь она забрала назад то, что ей принадлежало. Чтобы все сделать правильно.

13. Дорога

Джеймс и Матильда шли бок о бок по трассе 60 из Небыляндии в сторону Ричмонда. Единственными обитателями, которых они встречали в тихом зеленом ландшафте, были случайные овцы. В первые годы существования Киберсайда в соседних городах Скотсвилл и Амхерст было полно людей. Теперь они оставались пустыми – безмолвные, вечные мавзолеи причин Первой Войны за трафик. Заброшенные города напоминали Джеймсу о кровавом конфликте и его участии в нем.

В то время Джеймс еще надеялся, что сможет предотвратить катастрофу с помощью своего мастерства. С бывшими коллегами из технического отдела они сформировали общество для защиты Киберсайда. Создавая рыцарский орден, они воображали себя цифровым воплощением рыцарей-тамплиеров. Вместе они будут защищать любого паломника, которого случайно встретят на дороге, всегда тайно фиксируя критические проблемы в Системе, используя свои обширные инженерные знания. Несмотря на благие намерения, их идеалистическое видение вскоре рухнуло перед суровой реальностью. В конце концов природа человечества была куда хуже любых технических проблем, к которым они когда-либо готовились.

Первая Война за трафик стала первым крупным предвестником ужасов, которые человечество могло навлечь на себя в цифровом мире. Обширные территории Вирджинии, Пенсильвании и Мэриленда стали зонами конфликтов, когда начались бои между Треугольным Альянсом и Анклавом восточного побережья. В то время как Небыляндия оставалась нейтральным и незатронутым регионом, другим не так повезло. По мере того как бушевала война за влияние и торговлю, население страдало от насилия и ранних форм рабства, которые вскоре широко распространятся по всему Киберсайду.

Видя все эти ужасы и радикальные изменения кода Системы, рыцарский орден Джеймса – называвший себя Молчунами – вмешивался, как только мог. Они надеялись остановить волну разрушения и изменения кода, но их число было слишком мало, чтобы противостоять враждующим группировкам. Вскоре произошло первое региональное отключение Системы. В мгновение ока Мэриленд перестал существовать. Все обитатели этого района оказались в новых зонах, причем суша просто исчезла. Наконец-то осознав потенциальные последствия своих действий, и Анклав, и Треугольник вступили в нелегкое перемирие. Треугольник полностью закрыл свои двери, воздвиг

массивные стены вдоль своих границ и превратил Северную Каролину в непроницаемое, изолированное государство. По слухам, началось распространение экспериментов, проводимых за этими стенами, но достоверные новости сначала появлялись все реже, а затем и вовсе прекратились.

С уменьшением их собственных рядов Орден Молчунов собрался в последний раз. Расформировавшись, они сосредоточились было на самосохранении, а также на сохранении и оттачивании своей базы передовых инженерных знаний. Будучи одинокими кочевниками, каждый из них стремился решить то, с чем мог справиться: местные проблемы и сдерживание чудовищных аномалий. С годами Джеймс потерял контакт с большинством своих собратьев-молчунов. Одни погибли, в то время как другие сбились с пути. Когда горстка собралась взяться за дело в Бейкерсфилдском инциденте, Джеймс узнал, что некоторые из их первоначального отряда пытались войти в Треугольник, убежденные, что ответы на все вопросы были спрятаны там. Больше никаких новостей о них он не слышал, и хаос внутри Киберсайда продолжился.

Теперь без особого желания Джеймс оказался на том же пути, пересекая старые поля сражений и направляясь в район Киберсайда, из которого, по свидетельству очевидцев, никто не возвращался.

Все это он делал в компании Ведьмы.

Джеймс мрачно смеялся про себя над тем, что сказали бы другие Молчуны, если бы об этом узнали. Еще два ключа были впереди, и Джеймс задавался вопросом, получит ли он шанс узнать, что случилось с его молчаливыми братьями и сестрами, которые отважились однажды войти в Треугольник.

* * *

С отключенными линиями скоростной связи, под пристальным наблюдением, Джеймс настаивает, что они будут двигаться медленнее. Они идут по пустому шоссе, пересекая зону индексации, прежде чем Джеймс решает, что разбить лагерь безопасно. Когда они, наконец, останавливаются, Матильда измучена и физически истощена.

Разбив лагерь в лесу, Ведьма отдыхает у теплого потрескивающего костра. Она лежит на спине, глядя на эмуляцию ночного неба. Взглядом она прослеживает цифровой поток информации, мерцающий на черном фоне. Странные аномалии, которые Матильда обнаруживает и каталогизирует, служат

холодным напоминанием о том, кто она сама есть на самом деле. Аномальная локальная ошибка в большом, уже испорченном мире.

Нахмурившись, она перекатывается на бок к Молчуну. В теплом свете костра Джеймс сосредоточенно чистит свой револьвер.

Матильда спрашивает:

– Что это за… дыры в небе? Были ли они спроектированы по какой-то причине?

Джеймс делает паузу в своей работе.

– А?

Взгляд Молчуна устремляется вверх, на раскинувшийся от горизонта до горизонта скайбокс.

– О… это должны были быть звезды, но когда началась Первая Война, Система их отключила. Так много мощности было необходимо для разрушений, которые Анклав и Треугольник причиняли друг другу, что она рассматривала звезды как напрасную трату энергии. Я думаю, что Система никогда не включала их обратно.

Несмотря на темноту, Матильда замечает печаль в его глазах.

– Похоже, ты скучаешь по ним.

Молчун едва заметно улыбается.

– Немного, конечно. Это заставляет спросить себя, сколько еще вещей удивительных и не очень были отключены Системой только потому, что люди слишком сосредоточились на чем-то другом. А почему ты спрашиваешь?

Матильда садится, обхватив руками колени.

– Даже не знаю. Просто кажется странным, что люди строят что-то, чтобы жить в месте, которое просто принимает такие решения за них. Я никогда не хотела бы давать чему-либо настолько большую власть. Как будто люди просто сдались, забили. Понимаешь, о чем я?

Он молча кивает.

– Ну да, конечно. Люди делают так уже давно. – Джеймс продолжает чистить свое оружие.

– Мы постоянно жертвуем чем-то, когда эволюционируем как вид. Городская жизнь означала, что мы должны были пожертвовать навыками, приобретенными в дикой природе. Технология означала пожертвование большей частью нашего естественного – нашего физического – движения. Комфорт и удобство исключали все наши способности к решению проблем. Мы построили бы дом, но для этого нужно разрушить все вокруг него. Это странно и немного грустно, но люди делают так, чтобы выживать.

Молчун берет длинную палку и тычет ею в огонь, чтобы подбросить дров.

– Даже не знаю. Может быть, в этом есть какая-то ирония. Чтобы спасти себя от вымирания, мы полностью отказались от нашего мира.

Матильда внимательно наблюдает за Джеймсом, который все еще пристально смотрит в огонь. Он ничего не говорит, и Матильда не мешает ему сосредоточиться.

После продолжительного молчания Молчун моргает и оглядывает лагерь.

– Давай немного поспим, Матильда. Завтра нам предстоит долгий день.

Матильда снова ложится, глядя на дыры в небе.

– Замечательно. То есть «еще больше дороги».

* * *

К полудню они добираются до Ричмонда. Несмотря на усталость, Молчун не хочет задерживаться надолго. В идеале он хотел бы вообще обойти Ричмонд, но в городе есть кое-что, что им нужно: склад для пополнения запасов, который он построил во время войны. Это тайник, который, как он надеется, все еще цел и невредим после всего, что произошло. Проводив Матильду в глухой переулок, Молчун подходит к дверям в украшенное граффити хранилище. Когда двери со скрипом открываются, Джеймс с облегчением видит старый лазурно-синий «кадиллак», локацию которого он оставил в инвентаре. Он также находит тайник с оружием, о котором забыл, и добавляет его содержимое к инвентарю своего рюкзака.

Открыв водительское сиденье, он жестом приглашает Матильду сесть, но, когда пытается завести машину, двигатель глохнет. Не желая встречаться с язвительным взглядом Матильды, Молчун делает еще одну попытку. Ничего. Улыбаясь, Матильда подходит к капоту машины.

– Щелкни, – говорит она.

– Она уже давно без дела стоит.

Закатав рукава, Матильда снова говорит:

– Щелкни, открой капот, дедушка.

Вздохнув и стиснув зубы, Джеймс нажимает на кнопку фиксатора, и Ведьма исчезает за поднятым капотом. Через несколько мгновений Джеймс настроженно слушает, что она делает.

– Подожди, ничего не трогай.

Ее голос доносится с другой стороны откинутого капота, звуча так, словно она держит инструмент в зубах.

– Я знаю, что делаю.

Через минуту капот захлопывается, и Матильда вытирает руки о штаны. Она садится на пассажирское сиденье. С легкой ухмылкой кивает на его руку с ключом зажигания.

– Попробуй еще раз.

Джеймс начинает отстегивать ремень безопасности, хватаясь за дверную защелку.

– И что же ты сделала?

– Ради бога, попробуй!

Уступив, Джеймс поворачивает ключ – и машина с ревом оживает. Матильда удобно откидывается назад. Она уселась на пассажирское сиденье и положила ноги на приборную доску, страшно довольная собой.

– Все в порядке, Джеймс. Я буду твоим Чубаккой.

Скривившись, Джеймс вытаскивает машину из гаража и бормочет:

– R2-D2 был тем, кто починил «Сокол».

Пока «кадиллак» катит по широкой, украшенной памятниками аллее, Матильда смотрит в окно на проплывающие мимо дома и пейзажи. Джеймс бросает на нее быстрый взгляд. Несмотря на ее остроты, вопросы и спорадические улыбки, Джеймс заметил в ней что-то странное со времен Небыляндии.

Последние слова Вирджинии о Ведьме все еще терзают его.

– Я не думаю, что была бедной, – говорит Матильда.

Ее слова застают его врасплох.

– Ты о чем?

Матильда продолжает смотреть в окно на разрушенный город.

– Мое реальное «я». Я не думаю, что была знаменитой или что-то в таком духе, но деньжонки водились в моей семье.

Он не понимает, куда она клонит.

– Хорошо… это ведь хорошо, правда?

– Наверное, – говорит Ведьма, обращаясь к заброшенным зданиям из красного кирпича колониального стиля, мимо которых они проезжают.

Скоро они окажутся на внешних окраинах города.

Молчун решается продолжить:

– А ты, э-э, ничего не поняла насчет своего…?

Теперь, когда браслет Вирджинии был прикреплен к ее руке, Матильда мягко поглаживает кожу.

– Нет, не совсем так. По крайней мере, ничего о моей матери. Я думаю, именно поэтому Вирджинии было легко… – она

замолкает, прежде чем продолжить: – А вот мой отец… Я пока ничего не могу сказать наверняка, но… я не знаю. Я чувствую теплоту. А знаешь, я не знаю вообще, о чем это я. Забей. Это тупо.

Она тянет рычаг, и ее сиденье наклоняется, почти полностью откидываясь назад. Матильда молча поворачивается к нему спиной.

– Если ты не против, я просто вздремну.

Ему удается пробормотать что-то в ответ:

– Конечно.

Даже сквозь шум дороги, даже повернувшись к ней спиной, Джеймс слышит, что она тихо плачет.

* * *

Джеймс заезжает на небольшую заправку недалеко от Ньюпорта, чтобы взять топливо и припасы. Вдалеке он видит, как в небе начинается шторм – вихрь данных.

Не говоря ни слова, Матильда вскакивает с пассажирского сиденья и начинает чистить и заправлять машину.

Джеймс тоже выходит из машины и потягивается, пытаясь сообразить, что сказать.

– Тебе… э-э… хорошо здесь?

Матильда моет окно скребком, делая знак «хорошо» большим и указательным пальцами.

– Все о’кей, я в полном порядке.

Джеймс нервно дергает рукой.

– Я имею в виду, если ты хочешь…

Матильда прекращает уборку и поднимает бровь, глядя на него. Джеймс прерывает свой первоначальный ход мыслей, переключаясь.

– Я имею в виду, тебе нужно что-нибудь? Из магазина. Для себя.

Матильда качает головой, и Молчун решает оставить ее. Когда он уже на полпути к магазину, Матильда окликает его:

– Вообще-то, может, ты посмотришь, есть ли у них эти шоколадки с кокосовыми орехами?

Он машет рукой, что понял, и входит в мини-маркет станции обслуживания.

Внутри его встречает владелец мрачного вида.

– Ты, наверное, торопишься, незнакомец. Шторм, должно быть, громыхнет будь здоров. Я только собирался закрыться и уехать в город.

Джеймс видит, что в магазине он один.

– О’кей. Я быстро, но можно мне взять ключ от санузла?

Владелец магазина кладет ключ на стойку. Войдя в ванную, Джеймс направляется прямиком к раковине. Повернув левый кран, он предвкушает теплую воду.

Лязг. Лязг. Лязг.

Раковина дрожит, горячей воды нет.

Покачав головой, Джеймс поворачивает правый кран, и ровный поток холодной воды устремляется в раковину.

Джеймс быстро моет руки. Смотрит на изможденного мужчину в отражении грязного зеркала. Под глазами у него стало чуть больше морщин, чем обычно, а в бороде – седых волос. Он все помнит. Джеймс уже собирается выключить воду, когда замечает что-то на покрытой граффити стене. Что-то розовое выделяется среди зеленых, желтых и черных цветов. Смахнув слой грязи, покрывающий изображение, Джеймс с удивлением обнаруживает мультяшного, розового единорога. Бабл рядом гласит: *«Запомни, всегда держись права, М.»*.

Смущенный, но довольный, Джеймс хихикает и вытирает руки.

– Где ты был секунду назад? – спрашивает он у стены.

На обратном пути Джеймс захватывает набор закусок, бутилированные напитки и пачку «Лаки Страйк». Сложив товары на прилавок, он возвращает ключ от ванной комнаты. Явно желая поскорее уйти, лавочник быстро все собирает, укладывает в пакеты и начинает закрываться, как только Молчун выходит наружу.

С приближением шторма в воздухе повисла озоновая сырость. Когда он подходит к машине, Матильда замечает его.

– Эта штука была грязная. Не знаю, почему я потрудилась почистить ее, если все равно будет дождь.

– Нет, выглядит неплохо. Все здесь. – Джеймс бросает сумку с товарами Матильде. – Наслаждайся.

Джеймс наблюдает, как на лице Матильды появляется искренняя улыбка.

– Охренеть, это что, черт возьми, шоколадный батончик «императорского размера»? Это потрясающе, чувак!

Молчун начинает что-то говорить, когда из-за магазина выкатывает потрепанный «форд».

Не оглядываясь и не раздумывая, лавочник выезжает в направлении ближайшей улицы города. Снова обратив свое внимание на Матильду, Джеймс видит, что она смотрит на надвигающуюся бурю, бушующую вдалеке, по-видимому, очарованная ее темной красотой и обещанием разрушительной силы.

Ветер и вода смешиваются в плотный вихрь, который мерцает с цифровым шумом, когда закольцовывается. Электричество пробивается сквозь летящие обломки и облака. С каждой вспышкой ему кажется, что он почти может различить призраков. Каждый раз, когда грохочет шторм, он звучит так, будто миллионы громыхающих голосов сливаются вместе.

Молчун стоит рядом с Матильдой.

– Он все помнит. Все, что когда-либо происходило со всеми нами, с тех пор, как мы его создали. С тех пор, как мы сюда приехали. Хорошее, плохое, постыдное, глупое… все. Каждое действие миллионов людей. Каждый день. Количество данных, которые мы производим, огромно, и Система записывает все это. Но память все же не бесконечна.

Матильда отказывается отвести взгляд от растущего вдали шторма.

– Через некоторое время новые воспоминания сменяют старые, заполняя хранилище. В конце концов, когда эти дампы данных будут заполнены до отказа…

Матильда отвечает вместо него:

– *Это* произойдет.

Джеймс переводит взгляд с бури обратно на Матильду.

– Прежде чем облако будет удалено навсегда, Система архивирует его в океан и просматривает в последний раз. Она решает, что она может выбросить в океан и что она должна спасти. Она разбирает неповрежденные воспоминания на более мелкие куски данных и постоянно перемещает их, отбрасывая одни и сохраняя другие.

Матильда больше обращается к небесному вихрю, чем к нему:

– Она ищет ответы на свои вопросы.

Джеймс не понимает:

– А?

Матильда продолжает, сосредоточившись на шторме, словно в трансе:

– Как будто Система передвигает кусочки головоломки, пытаясь сложить картинку воедино – слепок человечества.

Облака информационной пыли на горизонте бурлят и яростно смешиваются с ветром и водой, сталкиваясь и гремя в драматическом воздушном танце. Закручиваясь в массу, которая представляет собой результат миллионов жизней. Мысли о любви и ненависти, проблески надежды и самые темные часы отчаяния. И поскольку данных добавляется все больше и больше, вихрь только растет.

Голос Матильды так же далек, как и отвратительно-прекрасная гроза.

– Если это происходит после массового сброса мусора памяти, это, вероятно, так…

Джеймс начинает понимать ее навязчивую идею.

– Да, – говорит он, кивая. – Это, вероятно, связано с тем, что мы делали в Небыляндии. Все, что ты не впитала, ушло… туда.

Молчун знает, что она замкнулась в себе. Не зная, что сказать, он останавливается на пути к водительской дверце.

– Матильда, нам нужно…

Ведьма делает шаг вперед, навстречу далекому шквалу.

– Как ты думаешь, она смотрит на нас так же, как мы смотрим на бурю?

Молчун останавливается и оглядывается. Прежде чем заговорить, он лихорадочно осматривает ближайшую дорогу, теперь уже закрытую бензоколонку, ближайший участок линии деревьев, ища кого-то еще неподалеку.

– Кто?

Ведьма все еще смотрит на шторм.

– Система. Я знаю, что это звучит глупо, но я думаю, что она очень… любопытна. Я имею в виду, она ведь здесь, по сути, бог, верно? Должно быть, ее сбивает с толку то, что она видит так много.

Джеймс делает еще несколько неуверенных шагов в сторону Матильды.

– В ее первоначальных рамках было много такого, о чем мне никогда не говорили. На каком бы фундаменте ее ни построили, она явно эволюционировала. Во что-то… – Он пристально смотрит на далекий, кружащийся хаос в воздухе. – Даже не знаю.

Торнадо набирает обороты, выпуская тонкие завитки соседних облаков, добавляя их к своей темной кружащейся массе. Шторм начинает посылать на землю ослепительные, обжигающие лучи энергии. Через несколько секунд до них долетает грохочущий, как кости, гром.

На мгновение Молчун попадает в ее поле зрения. Посмотрев на Матильду, он понимает, что та откинулась на спинку пассажирского сиденья.

На дороге шум двигателя смешивается с далеким, все более постоянным грохотом грома. Матильда наблюдает, как капли дождя стекают по оконному стеклу, словно впитываясь в него в метрономном тук-тук-тук стуке дворников ветрового стекла. Джеймс хочет что-то сказать, но ему требуется некоторое время, чтобы найти нужные слова.

– Я… не очень-то лажу с людьми. По крайней мере, с тех пор, как оказался здесь.

Матильда медленно поворачивает к нему голову, но Джеймс

избегает встречаться с ней взглядом. Он пристально смотрит на дорогу, чтобы помочь себе закончить начатое.

– Послушай, я хочу сказать, что мы оба через многое прошли. Если есть… если ты хочешь о чем-то поговорить, просто дай мне знать. – Следующая пауза только заставляет его чувствовать себя неловко, и Джеймс делает нервное движение рукой.

Наконец Матильда отвечает:

– Это просто. Все, что я хочу, это моя бывшая жизнь, но после всего этого… – Она оглядывается назад из окна. – Вон тот шторм сзади. Это Система, пытающаяся понять сломанные воспоминания других людей. Глядя сквозь них, понимаешь, что значит быть человеком. В принципе я занимаюсь тем же, верно?

Молчун на мгновение отрывает взгляд от дороги, чтобы посмотреть на Матильду, но она смотрит на свое отражение в холодном стекле. Джеймс ломает голову, пытаясь придумать, что сказать.

– Разница в том, что ты – личность, Матильда, и я тоже…

– И что же? – спрашивает отражение.

Все, что он может ответить:

– Ты не сломана.

Джеймс видит легкую улыбку в отражении стекла. Он ждет продолжения разговора, но Ведьма молчит.

* * *

Им требуется меньше суток, чтобы добраться до входа в туннель Чесапик-Бэй-Бридж. По словам Джеймса, структура действует как резервный канал между Вирджинией и Делавэром. Джеймс останавливает «кадиллак», и Матильда смотрит на дорогу, которая исчезает в темно-синем небе. Даже после шторма она чувствует, что ее настроение ухудшается. Ведьма все больше и больше уходит в себя. Джеймс изо всех сил пытается поговорить с ней, но что можно противопоставить годам намеренно, систематически отстраненного поведения.

Вздохнув, она съедает кусочек своего шоколадного батончика, надеясь, что приятный вкус улучшит ее настроение.

Выходя из машины, Матильда пытается сохранять спокойствие. И сделать все возможное, чтобы не показывать своих чувств.

– Значит, они называют это «Крестом дьявола», да? Потому что это маршрут 13? Если так, то это довольно глупо.

Джеймс осматривает окрестности.

– Угу. – Обратив внимание на следы колес на земле, он

подходит к знаку. – Но есть и другая причина.

Матильда опирается на машину, молча изучая знак. Пока он внимательно разглядывает ее, она жует еще один кусочек шоколада. Демонические карикатуры, лозунги и предупреждения написаны краской из баллончика почти на всех доступных поверхностях вокруг туннеля. Матильда пытается разобраться в них, но они похожи больше на бред сумасшедшего. Матильда уже собирается вернуться в машину, когда Джеймс кричит ей со своего места:

– Иди сюда, я хочу тебе кое-что показать.

Матильда засовывает руки в карманы, чтобы согреть их, и направляется к Джеймсу.

Стоя у таблички, Джеймс достает серебряный доллар и несколько раз подбрасывает его в руке.

– Орел или решка? – спрашивает он, поворачиваясь к ней.

Матильда одаривает его удивленным взглядом.

– Еще раз?

Джеймс смотрит на нее с едва заметной улыбкой.

– Ты слышала меня: орел или решка?

Матильда оглядывает туннель, пытаясь понять, не упустила ли она чего-нибудь.

– Ты же говорил, что этот твой приятель Хэнк сходит с ума, верно? Мы достаточно близки, чтобы это дерьмо было заразным и все такое?

Молчун издает смешок, который удивляет ее.

– Ладно, хотя… серьезно. Орел или решка? Люциус или Чесапик? – Сделав шаг вперед, он подбрасывает монету в воздух и ловит ее, когда она падает обратно на запястье. – Ну же, выбери что-нибудь.

Матильда поддается минутному идиотизму.

– Ладно, решка, но я видела, как она приземлилась, так что не знаю…

Молчун поднимает руку, чтобы показать, что монеты вообще нет. Его запястье совершенно пустое.

– Значит, ты должна помнить, что Хэнк написал про логику или отсутствие таковой для всего.

Матильда хмуро смотрит на его запястье, на котором нет ни орла, ни решки:

– Держу пари, ты отлично чувствуешь себя на вечеринках. Итак, ты говоришь, что мы пройдем через туннель и он заберет все наши деньги.

Джеймс поворачивается и показывает на туннель с двумя расходящимися путями – один налево, другой направо.

– Это единственный путь к Делавэрскому шпилю. Спросишь,

почему люди называют его «Крестом дьявола» – так это потому, что есть шанс 50/50, чтобы миновать его. Нужно выбрать между Чесапик-Бэй-Бридж и Люциус-Джей-Келлам. Сделаешь неправильный выбор, и навсегда потеряешься в процедурно-генерируемых дорогах.

Матильда переводит взгляд с его пустого запястья на лицо Джеймса и обратно в туннель.

– Ты что, с ума сходишь? О боже, неужели это случится и со мной тоже?

Молчун подходит к вывеске, стирает с нее грязь и дождь и показывает послание:

Раз ты смел, выбирай свой удел.

Он показывает на знак большим пальцем:

– Он совершенно чокнутый.

Разочарование Матильды превосходит только безразличное отношение Джеймса.

– Это даже не рифмуется. Итак, что ты предлагаешь нам делать? Просто бросить кости и надеяться на лучшее? И какого черта ты все еще улыбаешься?

Джеймс снова обращает свое внимание на вывеску.

– Я бы предпочел разыграть этого человека, а не рисковать.

Молчун достает из кармана еще один серебряный доллар и подходит к будкам для сбора пошлин.

Матильда наблюдает, как Джеймс бросает монету в правый бункер. Довольный своим решением, Джеймс возвращается к машине.

Проходя мимо Матильды, он спрашивает:

– Ты веришь в единорогов? Я не верил до сегодняшнего дня, но я думаю, что нельзя быть уверенным хоть в чем-нибудь в Киберсайде, так?

Совершенно сбитая с толку, Матильда подходит к табличке, которую Джеймс так внимательно рассматривал.

Среди грязи, общей ненормативной лексики и красочных иллюстраций один бит граффити выделяется среди всех прочих. Это мультяшный, розовый единорог с текстовым баблом, который гласит:

«Запомни, всегда держись права, М.»

Растерянная и усталая, Матильда вскидывает руки вверх:

– Все, я сдаюсь.

Она идет за ним к машине.

Откинувшись на спинку сиденья, Матильда пристегивается.

– Просто разбуди меня, когда уже нужно будет кого-нибудь заколоть.

Когда машина приближается к блокпосту справа, ворота

поднимаются. Она закрывает глаза, когда их окутывает синяя темнота туннеля.

14. Шпиль

Их автомобиль выходит из туннеля на прибрежное шоссе, которое изгибается вокруг массивного водоема. Созданное после деактивации серверов штата Мэриленд, это темное, мутное внутреннее море было заменой Системы для целого государства. Неестественная, тревожная природа пейзажа подчеркивается большим строением, маячащим вдалеке. Рукотворная гора зданий, шпилей и арок возвышается над землей и образует гигантское, запутанное месиво, которое поднимается на линии горизонта – владения Хэнка Брауна.

Даже с такого расстояния золотой дворец Хэнка сверкает и переливается на вершине. Богато украшенная корона окружена скоплениями более мелких, роскошных домов, образующих беспорядочные склоны под ней. Двигаясь вниз от шпиля, каждый уровень становится немного строже, чем ярус над ним, в конечном итоге превращаясь в убожество снизу, и, наконец, в бескрайние трущобы у самого основания.

По мере того как их автомобиль приближается к архитектурному ансамблю, Джеймс и Матильда могут видеть, как гора «движется». Отдельные здания и целые уровни движутся, подобно живым организмам или сложным частям медленной, колоссальной машины.

Джеймс восклицает словно против воли:

– Боже мой, Хэнк! Что ты наделал?

Матильда, тоже ошарашенная, шепчет:

– Вот дерьмо. Вот куда нам нужно идти?

Джеймс останавливает машину. Мгновение они молча смотрят на чудовище, пожирающее горизонт.

– Хэнк наконец-то это сделал. Он создал платформу, которая положит конец всем остальным.

Не в силах оторвать взгляд от этого сооружения, Матильда спрашивает:

– Могу я хоть раз получить прямой ответ?

Джеймс размышляет о времени, которое было задолго до Киберсайда.

– Еще на рубеже веков платформы сделали огромный шаг вперед. Я имею в виду, они всегда были рядом, но именно тогда они действительно взлетели. Крупные компании вкладывали инвестиции, чтобы, по сути, построить свои собственные высокоуправляемые, онлайн-экосистемы. Каждая из них была местом для привлечения людей и их кошельков, где компании могли централизованно предоставлять весь свой контент. Это

было стандартной деловой практикой, но ограничивало распространение контента.

Не отрывая глаз от строения, Матильда заметила:

– Ты опять несешь какую-то тарабарщину, чувак.

Джеймс пришел в себя и вернулся в салон машины к Матильде.

– Жаль. Я… – Джеймс почесал бороду, пытаясь собраться с мыслями. – В основном компании размещают свой и сторонний контент на собственных платформах и заставляют людей платить за доступ или подписку. Они хотят хранить все содержимое в соответствии с собственным набором правил – и держать все данные своих пользователей внутри.

Джеймс снова приводит машину в движение, направляясь к маячащему строению.

– Все дело было в жадности и контроле. Они создали эти платформы для того, чтобы контролировать распространение контента, но ответная реакция была довольно резкой. Большинство людей считали, что, если что-то живет в интернете, это должно быть бесплатным. Другие были просто ленивы, я думаю, и не хотели идти на разные платформы за разным контентом. Вот тогда-то и появился этот русский парень, Евгений, он же Юджин. Видишь ли, Юджин был одним из последних.

Матильда смеется:

– Значит, он был одним из самых ленивых.

Джеймс тоже позволяет себе усмехнуться:

– До такой степени, что просто хотел иметь доступ ко всему в одном месте и не быть привязанным к какой-либо конкретной платформе. Он считал, что как потребители компании должны подчиняться ему, а не наоборот. Добавьте к этому, что каждая платформа была за собственный неограниченный доступ к данным и ограниченный доступ для пользователей. Все это привело Юджина к созданию собственного агрегатора контента, получившего название «Гидра».

Джеймс переключает передачи, и «кадиллак» постепенно идет на подъем.

– «Гидра» будет анализировать контент платформы, идентифицировать продукты и вносить предложения, основанные на предыдущих запросах или действиях пользователя, все время объединяя данные в один информационный канал. Она справится с поисковыми запросами, предлагая вам на выбор то, что вы пожелаете, и одновременно позволяя вам корректировать процесс. Будет анализировать контент на каждой платформе, отсеивать нерелевантные данные, используя маркетинговые алгоритмы и предоставляя людям упрощенные списки

релевантного контента и услуг. Если раньше платформа определяла, какой контент и каким образом вы могли получить, теперь пользователю было доступно абсолютно все, из любого места.

Матильда садится прямо, словно для того, чтобы подробнее изучить медленно приближающуюся мегаструктуру.

– Ты ничего не говорил о краже «Гидры» с других платформ. Итак, если люди все еще покупали контент с этих платформ… есть еще кое-какое противоречие.

Двигатель автомобиля ревет от перегрузки, подъем постепенно становится круче.

– Я думаю, что к тому моменту более крупные компании заботились больше о контроле и получении ценных пользовательских данных, чем о фактической прибыли. Данные «Гидры» были все сохранены на компьютерах пользователей, поэтому платформа и провайдеры не могли их видеть. Все это работало на блокчейне… или, я думаю, можно сказать, что это были открытые данные. Ни одна сущность не могла контролировать процесс. Это были пользователи, берущие контент в свои руки. Люди предпочитали регистрироваться в «Гидре» и оставаться анонимными, чтобы пользоваться одной платформой, не подвергая себя риску.

Матильда откусывает от своего шоколадного батончика.

– Значит, это похоже на Небыляндию. Компании хотели, чтобы данные отображали «истинное я» пользователей. Если бы данные хранились в «Гидре», они в основном ничего не видели бы.

«Кадиллак» стонет от напряжения из-за все продолжающегося подъема. Молчун одобрительно трет приборную доску, подгоняя машину вперед.

– В общем, да. Как некоммерческий продукт, она была на каждом устройстве, которое имело значение, менее чем за год. Крупные компании сходили с ума, когда весь доход они загребали от пользовательских данных и количество рекламы начало падать. Без всех этих данных их платформы даже работать больше должным образом не могли. Вот тогда-то и появился Хэнк.

Рассекая пустой склон холма, они внезапно видят вздымающиеся облака темного дыма, поднимающиеся снизу.

Джеймс щурится, застигнутый врасплох:

– Какие черти…?

Матильда высовывается из окна:

– Наверное, просто сжигают мусор. Продолжай. Так что этот Хэнк сделал с «Гидрой»? Вот что мне нужно знать.

Молчун слегка отпускает педаль.

– Как руководитель R&D и директор по связям с третьими лицами в «Фолл Уотер Лэйк», Хэнк понял, что он может интегрировать что-то вроде «Гидры» в Киберсайд, что позволит ему просматривать и контролировать весь контент людей, проживающих в его владениях. Когда пришло время запуска, львиная доля платформ, мигрирующих на Киберсайд, была проиндексирована под его версию – Шпиль. Хэнк заявил компаниям, что, если они не хотят совершать те же самые ошибки под «Гидрой», им понадобится их собственная версия в Киберсайде.

Когда они приблизились к внешней стене города, Матильда начала проверять свои клинки.

– Значит, они ушли вместе с ним… потому что были жадными и напуганными.

Джеймс открыл рот, сделал паузу, а затем выдал:

– Когда ты отчаянно нуждаешься в чем-то, тебя легко одурачить. Хэнк пообещал им все данные, а деньги у них были еще в старом мире, до «Гидры». Была только одна загвоздка – корпорации пришлось регистрировать в штате Делавэр и менять свое хостинг-решение на внутриштатное. Делавэр был легким решением в тот момент – он предлагал дружественные технологии и налоговые льготы. Хэнк убедил их, что для успеха им потребуется иметь «все под одной крышей». Корпорациям это стало очевидно.

Приближаясь к воротам Шпиля, они одновременно заметили слой пепла, покрывающий землю, и отвратительный, всепоглощающий запах, внезапно заполнивший воздух. Нахмурившись, Джеймс открыл окно и жестом попросил Матильду сделать то же самое.

– Да, ты была права. Жгут мусор.

Джеймс прокашлялся и продолжил:

– Но когда трансфер, наконец, произошел, он взломал весь домен. Взял все под свой контроль. Наличие всех платформ вместе на серверах, которые он выбрал, позволило провернуть ему такое большое дело. Хэнк пировал, все его гости были приглашены на вечеринку, прямо здесь, у этого Шпиля. Когда они очнулись, то обнаружили, что все, чем они владели, оказалось под личным контролем Хэнка Брауна. Это была самая большая афера века. Грандиозный путь ухода из «Фолл Уотер Лэйк», я бы сказал.

Молчун остановил машину у гигантских ворот внешней стены. Когда они вышли на зловонный воздух, и Матильда, и Джеймс заметили ряды припаркованных автомобилей. Некоторые

из них были старые и ржавые, со спущенными шинами, в то время как другие казались сравнительно новыми, хотя и были покрыты толстым слоем пыли.

– Чего я никак не могу понять, – начал Джеймс, – так это зачем кому-то вообще приходить сюда, если это не было обязательно?

Матильда посмотрела на сверкающую вершину здания, возвышающегося в небе.

– Я думаю, мы это выясним.

Схватив из машины сумку с инвентарем, Джеймс все еще не мог поверить в то, что происходит.

Из всех руководителей «Фолл Уотер Лэйк» Хэнк был одним из немногих, кто ему действительно нравился. В перерывах они вместе играли в шахматы – по крайней мере, когда у Джеймса дела шли нормально. Хэнк даже пару раз встречался с его семьей за ужином.

Кроме дополнительных боеприпасов в рюкзаке, Джеймс проверяет патроны в своем пистолете. Вблизи Шпиля он не может избавиться от ощущения, что погоня за очередным ключом закончится насилием.

– Ну, не так уж зловеще… – До него долетают слова Матильды.

Хлопнув дверцей со стороны водителя, Джеймс в последний раз анализирует их поездку. Похлопав по крыше, подходит к тому месту, где стоит Матильда. Перед ними – большая решетка в средневековом стиле, распахнутая над крепким на вид подъемным мостом из толстых досок.

В недавно установившейся относительной тишине он практически слышит, как Матильда закатывает глаза.

– Этот парень действительно продвигает всю эту историю с Dungeons & Dragons, не так ли?

Молчун поправляет свой тяжелый рюкзак.

– Ты все забрала из машины?

Матильда кивает:

– Да, как бы сильно я ни скучала по этому куску хлама, мне хочется немного пройтись.

Оглянувшись на вершину горы, Джеймс глубоко вздыхает:

– Это ты сейчас так говоришь, не жалуйся потом, когда устанешь.

Они осторожно пробираются по подъемному мосту, представляя себе, какое безумие ждет впереди.

* * *

Бок о бок они вступили в самые дальние окраины владений Хэнка Брауна, и Матильда пришла в ужас от того, что увидела. Перешагивая через лужи, которые, как она надеялась, были просто грязной водой, Матильда ужасалась нищете вокруг. Взрослые съеживались и жались к своими лачугам, настороженно наблюдая за их движением. Некоторые просили монеты, когда они вдвоем проходили мимо, но большинство просто тупо смотрели в никуда.

Единственными заметными признаками жизни были несколько неряшливых детей, которые бегали вокруг, играли в грязи и карабкались по брошенному или сломанному оборудованию. С отвращением Матильда обернулась к Молчуну.

– Так как же это вписывается в платформу Хэнка? Мне кажется, что это не служит никакой достойной цели.

Джеймс покачал головой:

– Я не совсем уверен. Похоже, что ты можешь… сохраниться здесь. Мы видели, как части этого Шпиля двигались вот так, раньше… может быть, это как-то связано. Как подниматься и опускаться по рангу.

Матильда жестом указала на вершину горы:

– Да, но как они поднимаются наверх?

Джеймс заслонил глаза от солнца, щурясь, чтобы разглядеть вдалеке замок Хэнка:

– Я все это время пытался представить общую картину. Хэнк заставляет нас думать глобально.

Матильда хрустит костяшками пальцев:

– Иными словами: он сумасшедший.

Джеймс вглядывается в измученные лица тех, кто живет в этой части Шпиля и кому там положено жить:

– Ладно, я думаю, что понял… может быть. Предполагаю, что он воспринимает каждого человека как продукт. В принципе, если это платформа, то все люди – это приложения. Каждый человек имеет ценность, основанную на том, что он может сделать для Хэнка, – вероятно, на таких вещах, как специфические навыки, услуги, которые они могут оказать, предметы, которые могут создать, или на чем-то подобном. Если ценность этих вещей колеблется, человек занимает более высокое положение… или падает вниз. В основном Хэнк манипулирует ими, как фигурами в настольной игре – и поскольку они в его Шпиле, конечно же, они должны играть по его правилам. – Он замолкает, затем кивает, задумавшись. – Значит, это люди, которым практически нечего предложить.

Матильда возмущенно сжимает кулаки.

– Но люди – не продукты. Ты не можешь просто «оценить»

кого-то, как будто он объект, который нужно оценить!

Джеймс поднимает руки, словно защищаясь:

– Послушай, я согласен. Но такой тип мышления здесь не работает. Это место подчиняется логике Хэнка. Он верит в то, что у каждого есть цель – только лишь набор данных и навыков, пригодных для работы. Таким образом, все ранжируется по степени «полезности».

Матильда почувствовала, как нарастает тошнотворная ярость и потребность кому-нибудь врезать.

Мимо нее пробежала группа грязных детей, и она попыталась подавить гнев, чтобы тот не вспыхнул в ее глазах. Она продолжила двигаться дальше к центру трущоб.

– Но это не учитывает все остальное, что делает человека человеком. Нельзя оценивать кого-то только по способностям.

Джеймс подстраивается под ее шаг:

– И все же мы делаем это постоянно. – Он показывает на арку в другом конце лагеря. – Смотри!

Матильда проследила взглядом за его жестом и увидела гигантскую арку, ведущую в следующую секцию. Большая надпись на ее вершине гласила:

ПУТЕШЕСТВИЕ НАЧИНАЕТСЯ ЗДЕСЬ

Ее возмущение берет верх.

– О-о-о, отлично – еще один знак, еще одна куча загадочного дерьма. Знаешь, у меня такое чувство, что этот парень Хэнк не настолько креативен, как он, очевидно, требует того от остальных.

Ведьма замолкает, заметив что-то странное.

Ближайшая ко входу территория совершенно пустынна, если не считать их с Молчуном. Она оборачивается, чтобы рассмотреть лица жителей Шпиля, мимо которых они уже прошли. Мало кто обращает на них внимание, и никто даже не приближается к арке.

– Если эти люди способны повторить свой подъем, то почему они не пытаются это сделать? Хуже не будет.

Джеймс оглядывается на то убожество, которое они только что преодолели.

– Страх. Когда начинаешь что-то и терпишь неудачу, расстраиваешься. Это деморализует. Если потерпишь неудачу в чем-то перед бесчисленным множеством других, этого позора может быть достаточно, чтобы больше уже не пытаться. Разочарование и горечь могут взять верх. Не у всех есть сила духа, чтобы подняться после того, как несколько раз потерпели поражение.

Матильда пристально смотрит на зловещую горную вершину, возвышающуюся над ними. Прищурившись, она спрашивает:

– Так что же нам остается?

Джеймс встает рядом с ней.

– Ключ у Хэнка. Он на самом верху. Так что, думаю, нам предстоит путь наверх.

Матильда кивает, все еще пытаясь сосредоточиться на замке высоко в облаках.

– Да, конечно, но я спрашиваю, каков реальный путь наверх для нас в этой дыре? Нам нужно выяснить, как два новых продукта могут порвать рынок, не потерявшись по пути.

Джеймс почесывает бороду:

– Я уверен, что мы это выясним.

Матильда хлопает себя по спине:

– Ты готов?

Джеймс кивает в сторону ворот:

– Да, конечно.

Матильда не шевелится.

– Уверен?

Джеймс озадаченно смотрит на нее.

Матильда нарезает круги по трущобе.

– Я имею в виду, ты знал этого парня так же хорошо, как Вирджинию, верно? Ты готов повторить то, что мы уже делали?

Джеймс перекидывает рюкзак на другое плечо:

– Честно говоря, я надеюсь, что до этого не дойдет. Хэнк, может быть, и сумасшедший, но часть меня надеется, что мы просто убедим его дать нам ключ.

Матильда натянуто улыбается:

– О'кей. Ты знаешь этого парня.

Она отстает от него, когда они направляются к арке, мрачно размышляя о милосердии к тому, кто мог бы создать подобное царство. В каком-то смысле это место не лучше Небыляндии. Если не хуже. Все, о чем Матильда может думать, – это убийство Хэнка Брауна в его высоком замке и освобождение здешних мест.

Мрачно размышляя над этим, она следует за Джеймсом через арку к первому испытанию Шпиля.

* * *

Со вздохом Джеймс переваливается через очередной уступ. Он уже потерял счет, сколько раз они поднимались с тех пор, как покинули раскинувшиеся внизу трущобы. Он встал и увидел протянутую ему руку Матильды со следующего по высоте уступа.

Схватив ее за руку, он вцепился в скалу, пока Ведьма помогала ему подняться. Джеймс со стоном перевалился на спину, приподнялся на локтях и снова посмотрел вниз. Дальше дорога была натурально подъемом для альпинистов. Чувствуя, как пот стекает по его лбу, Джеймс согласился с Матильдой насчет совершенного отсутствия у Хэнка творческого подхода.

Завороженный видом с такой высоты, Джеймс на мгновение взял себя в руки и позволил бьющемуся сердцу успокоиться. Матильда неподалеку от него пнула камень, столкнув его вниз. Джеймс посмеивался между вдохами.

– Ну… я думаю… пути назад нет.

Матильда пожала плечами:

– По крайней мере, здесь больше не воняет мусором.

Наблюдение Матильды заставило Джеймса дышать как можно глубже. Горный воздух освежал и сильно пах сосновой хвоей. Наконец поднявшись, Джеймс осмотрелся. Плато быстро переходило в густой лес, который тянулся вперед на многие километры.

Матильда подошла к нему вплотную.

– В этом всем нет никакого смысла. Мы бы увидели нечто подобное с земли. Этого не должно было быть. Так ведь?

Пожав плечами, Джеймс указал на грязную тропинку, ведущую к деревьям:

– Вся платформа технически является лабиринтом; это просто другая ее часть. – Джеймс развернулся и покрутил пальцем у виска. – А еще – безумие!

Они оба смеются и идут по тропинке в течение нескольких минут, пока та внезапно не упирается в невероятную стену спутанной зелени. Вместе они начинают пробираться сквозь густой кустарник. Это удается им не без труда.

Через несколько часов, за которые им встретились лишь случайные прохожие, ни один из которых, кажется, не хотел разговаривать, Джеймс остановился и вытащил бутылку воды из своего рюкзака. Он выдавил холодную струю себе в рот и предложил воды Матильде.

– Спасибо, – поблагодарила она, забирая у него бутылку и делая большой глоток.

Джеймс оглянулся на окружавшие их деревья.

– Это, должно быть, одна из загадок Хэнка. Мне просто нужно выяснить, что это такое и есть ли здесь закономерность. У него пунктик насчет рифм.

Матильда пнула упавшее бревно, отправив его к ближайшему дереву.

– Ты что, серьезно? Скажем, он рифмовал, прежде чем сошел

с ума? Разве это не должно было быть своего рода знаком?

Джеймс сделал еще один глоток из бутылки с водой и вытер рот.

– Мы должны думать, как он, если хотим выбраться невредимыми.

Матильда вскочила на упавшее бревно, раскинув руки для равновесия.

– Отлично. Говоришь, «думай, как сумасшедший». Ну, если мы еще немного побродим по лесу, я думаю, сумасшествие нам обеспечено.

Молчун убрл бутылку обратно в рюкзак и посмотрел, что есть в инвентаре.

– Ты голодна?

Матильда нетерпеливо спрыгнула с бревна и направилась к нему.

– У нас еще остались те острые чипсы?

Вытащив яблоко, Джеймс бросил его Матильде.

– Остались. Но ты должна съесть это.

Матильда посмотрела на крепкое, блестящее яблоко в руке, затем прищурилась и перевела взгляд на Джеймса:

– Ты хуже всех.

Она откусила кусочек хрустящего яблока и вытерла рукавом сок. Ведьма медленно развернулась, глядя на лес.

– Думаю, так буквально и выглядит сценка «не вижу леса за деревьями»?

Джеймс сделал паузу, чтобы взять энергетический батончик из пачки.

– Что ты только что сказала?

Матильда плавно и грациозно повернулась на каблуках, быстро отправляя сердцевину яблока в ближайший куст.

– Ты же знаешь. Мы как будто должны сделать шаг назад, чтобы посмотреть на все по-другому.

– Не видишь леса за деревьями? – Джеймс мгновенно вскочил на ноги.

– Да, именно так!

Расположившись посреди поляны, Молчун закрыл глаза и забормотал, размышляя. Даже Хэнку понадобится способ отсеять приложения, которые для него не важны. Сумасшедший он или нет, Хэнк вряд ли почувствует себя обязанным изобретать колесо с помощью своей платформы.

Открыв глаза, Джеймс сделал несколько шагов назад и намеренно расфокусировал зрение. Пренебрегая реальностью, он начал различать узоры на деревьях. Он не мог разобрать, что они сообщали, но он мог сказать, что это были слова.

Вот и ответ. Джеймс понял, что, если это приложения, сперва нужно проверить запросы поисковых систем.

Его смех эхом разнесся по округе, и Матильда тупо посмотрела на него.

– Знаешь, это довольно остроумно, если вдуматься.

Она выгнула бровь:

– Так вот оно что. Ты наконец-то нашел ответ?

Улыбаясь ей, Джеймс указал на дерево неподалеку.

– Ну да, вроде того. Пойдем со мной, потому что это определенно похоже на безумие. Весь этот лес подключен к поисковой системе. Слушай, я тебе покажу. Можно мне одолжить один из твоих ножей?

Матильда прикусила щеку изнутри, но неохотно вытащила нож, развернула его и протянула Молчуну. Взявшись за ручку, он приблизился к ближайшему дереву. После недолгого раздумья парень медленно и грубо вырезал слово «Молчун» на коре дерева. Когда он закончил, ветер подул сквозь листву – и открылась маленькая лесная тропинка.

Он повернулся к ней, едва сдерживаясь:

– Вот видишь!

Матильда недоверчиво покачала головой.

– Ловкий трюк, дедуля. Может, объяснишь это остальным в классе?

Джеймс больше не мог сдержать возбуждения:

– Мы должны написать ключевые слова о себе на деревьях, чтобы остальные смогли нас узнать. И чтобы повысить нашу релевантность, попробуй думать о словах, которые являются конкретными, но широко известными. Разве это не гениально? Хочешь попробовать?

Матильда вытащила еще один клинок, рассеянно перекладывая его из руки в руку и размышляя.

– Гм… конечно. Вырезать что-нибудь о себе на поисковых деревьях, чтобы понравиться окружающим. Да, это не бессмысленно.

Подойдя к другому дереву, Матильда вырезала слово «горячая», и тропинка открылась чуть шире.

Она повернулась к Джеймсу, улыбаясь:

– Ты сказал, что это должно быть популярное слово, верно? Наверное, это значит, что я горячая штучка, да?

Джеймс бросил на нее встревоженный взгляд:

– Я бы предложил тебе избегать слишком многих, э-э, двусмысленных слов вроде этого. Это может исказить результат, может сыграть не в твою пользу. Кроме того, мы не знаем, сколько слов мы можем попробовать. Если есть предел, мы не

должны тратить их впустую.

Матильда раздраженно фыркнула:

– О'кей. Я останусь на левой стороне тропинки, а ты – на правой. Таким образом, мы останемся связаны. Если мы будем вырезать по очереди, то дадим друг другу время подумать о следующем слове.

Джеймс кивнул:

– Хороший план. Давай же приступим.

Матильда вырезала «Ведьма» на следующем дереве, и тропинка, кажется, углубилась в лес.

Они продолжили вырезать слова по одному, по очереди расширяя путь. Выбирали ключевые слова, определяющие их личность, навыки, образ жизни и предпочтения. Вскоре они оба уперлись в стену.

После того как Матильда нацарала «поиск» на дереве, тропинка почти не поменялась.

Расстроенная, она бросила свой нож в глубину леса.

Джеймс достал из рюкзака пакетик чипсов и подошел к Ведьме. Предлагая ей перекусить, Джеймс положил руку ей на плечо.

– Я понимаю. Это трудно – придумывать подходящие термины, когда все еще пытаешься собрать собственные воспоминания в кучу. Так что не вырезай слова, которые ты думаешь, что должна знать. Ты только еще больше расстроишься. Просто сделай перерыв на секунду, и я продолжу работу со своей стороны.

Джеймс уже приготовился вырезать новое слово на своем дереве, когда боковым зрением увидел, как открывается лесная тропинка.

Быстро повернувшись, он увидел, как Матильда заканчивает вырезать слово «убийца». Выдернув нож из ствола дерева, девушка мрачно поплелась к следующему дереву.

Джеймсу тоже было нелегко. Как человек, который тщательно, постоянно поддерживал психологическую дистанцию в Киберсайде, однозначные слова, описывающие его цифровое «я», сформулировать было непросто. Молчун вырезал слово «Странник». Порядком устав, он потер переносицу. В отличие от Матильды, он знал свое прошлое, но делал все возможное, чтобы не вспоминать о нем. Снова взглянув на дерево, он пристально всмотрелся в кору.

Неохотно вырезал «сожаление». И тропинка стала шире.

Они оба продолжали молчать, вырезая словесные портреты на стволах. Одна рассказывала о жизни, которую вела, находясь в Киберсайде. Другой неохотно вспоминал жизнь, которую оставил

позади. Один слева, другой справа. Они продолжали прокладывать путь. Резать, снова бередить раны, отмечая боль потерь и надежды на искусственной древесине Шпиля.

Голод – Медовый месяц

Бессонница – Утро Рождества

Работорговцы – Спор

Потерявшись в своих размышлениях, ни один из них не заметил сразу, что лесная тропа привела их к гигантскому дереву с вырезанной в нем дверью. Джеймс отчаянно пытался выбраться из трясины собственных воспоминаний. Все, что вспомнил, он старался замуровать в собственной голове.

Вытирая глаза, Джеймс заметил, что Матильда пристально смотрит на последнее слово, которое вырезала на дереве. Собрав свои вещи, он направился к ней.

– Эй, ты в порядке? Нужна еще минутка?

В ее голосе слышится холод, когда она отвечает:

– Нет, пойдем.

Джеймс пытается разглядеть, что она вырезала в дереве, но не может разобрать слова.

– Все в порядке, мы можем…

Матильда направляется к двери.

– Нет, до вершины еще далеко.

Джеймс бросает последний взгляд на лес позади них и следует к двери за Матильдой.

* * *

Когда Матильда вышла из-за дерева, ее оглушили звуки. Безмятежность леса сменилась шумной суетой уличного базара. Продавцы кричали, привлекая внимание клиентов, бурно споря о ценах на товары и услуги. Она почувствовала себя пойманной в ловушку среди бесконечного моря человеческих тел и толкотни.

Замок на вершине горы казался теперь ближе, но до него все еще было далеко. Матильда проводила взглядом тропинку, ведущую к следующей секции Шпиля. Она заметила лифт, перевозящий вверх людей и товары. У подножия лифта Матильда увидела кишащую толпу: люди карабкались друг на друга в ожидании своей очереди подняться наверх.

– Серьезно? Это ведь не может быть так просто, не так ли?

Она оборачивается, ощущая руку на своем плече и держа клинок наготове. Ведьма расслабляется, когда видит Джеймса. Недавнее путешествие через лес заставляет ее нервничать, и эта внезапно возникшая толпа только усугубляет проблему.

Матильда видит то же беспокойство на лице Джеймса. Иногда ей хочется, чтобы он был проще в общении, но сейчас она благодарна ему за осторожность. И следует за Молчуном к отряду охранников, наблюдающих за порядком.

Один из часовых узнал их еще до того, как они успели что-либо произнести.

– А-а-а. Вы, двое. Наконец-то выбрались из леса, да? Довольно интересная у вас пара получилась.

Игнорируя комментарии, Джеймс спрашивает:

– Что это за место?

Охранник живо жестикулирует, будто хочет показать сразу на все, что их окружает.

– Это, друзья, и есть рынок сбора трафика в Шпиле. Лучший и простой способ получить себе столь необходимую аудиторию на самом верху. Вон тот подъемник можно использовать, чтобы безопасно забраться на гору.

Матильда наблюдает за Джеймсом, пока он осматривает рынок. Поблагодарив охранника, Молчун идет в прямо противоположном от подъемника направлении.

Охранник кричит:

– Я могу порекомендовать вам несколько отличных продавцов, если вы… – но его голос теряется в шуме рынка.

Матильда хочет верить, что Джеймс знает, что делает. Но чем дальше они заходят в толпу, тем больше к ним пристают продавцы, каждый из которых обещает им популярность – они должны быть «в тренде», и каждый настаивает на этом больше предыдущего. Пробираясь сквозь толпу, Матильда слышит всевозможные предложения. Высокий, хорошо одетый мужчина подходит к Молчуну и предлагает ему приобрести какой-то план. Другой, низкорослый и более небрежно одетый человек видит Матильду и рассказывает о надежной и простой модели дивидендов. Несмотря на то, что она игнорирует его, мужчина продолжает следовать за ними:

– С моими связями наверху у вас будут лучшие результаты!

Раздраженный, испепеляющий взгляд Молчуна прогнал его прочь. Когда продавец ушел, Матильда наконец определилась:

– Просто для ясности, мы не будем пользоваться лифтом. Они все говорят, что нам на самом деле не нужны деньги для этого и мы сможем просто поделиться своей популярностью, когда окажемся на вершине. Но я сомневаюсь, что все так просто.

Джеймс отрицательно покачал головой:

– Да, все не так.

Матильда обошла стороной молодую женщину, напряженно беседовавшую с продавцом, и прокричала вслед Джеймсу:

– Да, я понимаю. Это явно ловушка, но я спрашиваю, какая?

Джеймс остановился и уставился на нее. Матильда могла сказать, что он был разочарован происходящим. Его рука нервно дергается, когда он говорит:

– Прости, я просто хочу выбраться отсюда как можно быстрее. Но я должен убедиться, что мы на «одной волне». – Джеймс делает непристойный, ритмичный жест рукой в сторону всех окружающих. – Во-первых, «товар», который продают эти парни, – полная чушь. Конечно, мы можем использовать лифт, чтобы попасть на следующий уровень, но мы не сможем сохранить популярность, как только доберемся туда.

Матильда посмотрела на продавцов вокруг, теперь полностью понимая, что они продают, и отметила с отвращением:

– Если мы потеряем ресурс, как только доберемся туда, нам придется купить у них еще, чтобы продолжить путь и подняться на следующий уровень.

Джеймс жестом указал на горный перевал.

– Именно. Это все – фальшивка. Когда мы доберемся до Хэнка, он легко сможет просто прикрыть это все. К сожалению, нам нужно преодолеть этот путь, иначе мы не справимся.

Кивнув, Матильда пробралась сквозь толпу к выходу, ведущему на горный перевал.

Как только они немного поднялись над рынком, Матильда обернулась и посмотрела вниз. Она задалась вопросом, сколько людей выбрали лифт вместо дорожки. Сколько из них, боясь упасть обратно на самое дно, забыли, к чему шли, и остались здесь? Теперь они просто увековечили замкнутый круг, предлагая фальшивую популярность, словно наркотик, другим людям, которые также боялись упасть обратно на дно и делали все – даже если это было иллюзией, – чтобы избежать падения. Те, кто наиболее страстно рекламировал бессмысленную популярность, больше в это даже не верил – вершина могла для них даже не существовать.

Матильда повернулась, чтобы подняться по горной тропе.

– Если Хэнк рассматривал людей как продукт, эти люди, конечно, не доказывали, что он ошибался.

15. Перепутье

Продолжая путь вверх по горной тропе, Матильда замечает, что воздух становится все более разреженным.

Она не может вспомнить, когда в последний раз ей приходилось так непрерывно подниматься в гору. Урчание в животе напоминает ей, что она не ела с самого леса. Достав свой любимый пакетик пряных чипсов, Матильда уже чувствует вкус пикантных специй, когда порыв ветра выхватывает пакетик из ее рук и тот отправляется в полет.

Чертыхаясь, Ведьма бежит туда, где он приземлился, – в небольшую канаву с одной стороны тропы. Потянувшись за ним, все еще слегка колышущимся на ветру, Матильда с удивлением обнаруживает на земле груду яркой одежды. Когда Матильда понимает, на что смотрит, она издает крик отвращения.

Брошенные в канаве останки еще одного путешественника, чей подъем вверх по горе закончился, по-видимому, без лишнего шума. Матильда неохотно осматривает изодранное на куски тело.

Она пытается представить, кем была эта женщина и о чем она мечтала. Хотела ли она достичь вершины ради богатства и славы или просто сбежать от нищеты и хаоса внизу?

Голос Джеймса прерывает ее размышления:

– Мы ничего не можем для нее сделать, Матильда. Мы должны продолжать идти.

Ее жалит ледяной ветер. И слова вырываются наружу горьким потоком:

– Все это не имеет никакого смысла. Все соревнуются друг с другом, просто чтобы могли запустить этот адский механизм, но это подстроенная игра с самого начала! Как они могут искренне верить в то, что Хэнк откажется от какой-либо власти? Если все просто уйдут, он сможет оставить свою гору себе.

Джеймс подходит к ней поближе, но не смотрит на тело.

– Они все проиндексированы. Кроме того, люди – существа привычки. Они жаждут структуры. Это может показаться экстремальным, но люди на этой платформе считают, что получат вознаграждение, как только достигнут вершины.

Она знает, что слова Джеймса не должны ее злить, но это так.

– Нет! Нет никакой власти на вершине, это просто иллюзия! Люди терпят это дерьмо, потому что не могут себе представить, каково это будет, если они действительно доберутся до самого верха. Но это же гребаная ложь. Король командует войсками и может менять правила по своей прихоти. Там нет никакого способа выиграть по фальсифицированным правилам. – Она

показывает на тело, лежащее лицом вниз в канаве. – Но они все равно убьют себя, пытаясь достичь цели.

На этот раз Джеймс делает паузу, прежде чем ответить:

– Очевидно, они смотрят на происходящее не так, как ты. Для них это просто комбинация риска и вознаграждения. Единственный способ достичь чего-то – это оказаться там.

Боковым зрением Матильда замечает, как Джеймс наконец смотрит на тело.

– Я знаю, что это выглядит иначе, но думаю, что Хэнк считает свою платформу благом для людей. Как бы безумно это ни звучало.

Матильда сжимает кулаки. Она слышит безумие в голосе Джеймса. Где-то в глубине души он все еще надеется, что ему не придется убивать своего друга. Но когда она смотрит на тело, гнев нарастает. Ведьма позволяет резкому горному ветру кричать, как не может сама. «Он сумасшедший…»

Джеймс кладет руку ей на плечо, но Матильда только сильнее сжимает кулаки.

– Власть развращает. Никогда не знаешь, что сделаешь, когда получишь так много власти.

Матильда отстраняется и с осуждением грозит пальцем Джеймсу:

– Как ты можешь так говорить? Ни ты, ни я не позволили бы этому зайти так далеко. Нет, я думаю, что власть показывает, кто ты на самом деле, но не превращает тебя во что-то. Донован – засранец. Вирджиния жаждет власти. И Хэнк любит сидеть над всем этим и смотреть, как люди пляшут для него.

– Матильда, подожди… – кричит ей вслед Джеймс, но она не хочет его слышать.

Чем скорее они уберутся с этой дурацкой горы, тем лучше. Матильда позволяет гневу подогревать ее, пока она тащится дальше вверх по склону. Она сосредоточенно переставляет ноги. Она так сосредоточена на своих движениях, что не замечает, когда горный перевал сменяется садовой тропинкой. Ведьма отрывается от своих мыслей, чтобы увидеть Молчуна позади себя.

Перед ними расстилался прекрасный сад.

– Погоди, как это случилось?

– Мы прошли пещеру некоторое время назад, и она привела нас в эту часть Шпиля. – Джеймс озабоченно смотрит на нее. – Ты в порядке?

– Да, извини. Просто… не обращай внимания.

Они продолжают идти по дорожке через сад, пока не подходят к богато украшенной мраморной стене с золотой рамой. Они следуют вдоль стены к ряду безупречно чистых ворот,

которые блокируют вход в следующую зону.

У стены стоит будка смотрителя. Внутри горит свет – как единственный признак жизни.

Джеймс пожимает плечами:

– Похоже, мы движемся в правильном направлении.

Они осторожно входят в будку и оказываются в небольшом помещении, в котором сидит пожилой мужчина в клетчатой жилетке. Заметив присутствие вновь прибывших, он откладывает газету и снимает очки для чтения.

– Добро пожаловать в Нишевые сады, друзья. Я знаю, кто вы. Слухи о Молчуне и Ведьме быстро распространились в этом месте. Что за захватывающую пару вы двое образуете! Я никогда не видел такого раньше.

Джеймс и Матильда обмениваются удивленными взглядами, но Матильда решает извлечь выгоду из сложившейся ситуации.

– Отлично. Если ты знаешь, кто мы, то знаешь и то, что мы пытаемся сделать. Как насчет того, чтобы просто позволить нам… перейти к следующему шагу?

Мужчина усмехается и кивает. Он нажимает на кнопку – и ворота с легкостью распахиваются.

– Хорошо, я не хочу проблем. Я пропущу вас на другую сторону, но сначала… Мне нужно вам кое-что показать. Позвольте старику вразумить вас.

Матильда вопросительно смотрит на Джеймса, хотя ее рука медленно приближается к лезвиям, спрятанным в потайных ножнах. Молчун едва заметно качает головой.

– Конечно, старина, – говорит он. – Покажи нам дорогу.

Матильда неохотно следует за ним, чтобы встретить смотрителя по ту сторону ворот. Она с удивлением обнаруживает красивую пригородную улицу, окруженную роскошными домами, каждый из которых уникален и мастерски построен.

* * *

Пока они идут, старик расказывает:

– Вы, молодые, всегда так стремитесь достичь вершины. Озабочены своим социальным статусом, да? Большие цели, огромные амбиции изменить мир. Я все это понимаю, ведь я тоже когда-то был молод. Но в конце концов, разве это то, что действительно делает вас счастливыми?

Мужчина машет рукой в сторону соседних зданий.

– Есть ли что-то действительно плохое в простой, сытой жизни?

Старик ведет их от главной улицы вниз по узкому переулку. С обеих сторон Матильда мельком замечает семьи в своих домах. Окна, сквозь которые видно людей, обедающих вместе, играющих и наслаждающихся обществом друг друга.

– Видите ли, я не думаю, что это так уж плохо. Конечно, эти люди забрались высоко по Шпилю, и они довольны тем, что остались здесь. Им не нужно больше рисковать, только чтобы подняться немного выше. В отличие от тех людей, которые просто бегают вокруг, как чертовы хомяки. А где он их берет? Чуть выше по лестнице, конечно. Или, может быть, посылает их обратно вниз.

Дорога поворачивает и приводит их в новый район Нишевых садов. Матильда замечает зеленое поле, ведущее к зданию большой живописной школы.

– Мой внук скоро заканчивает школу. Очень горжусь этим парнем… Но вернемся к нашему делу. Нишевые сады – это место, где люди решили, что с них хватит. Это место соответствует всем требованиям. Вам будет трудно найти более спокойное местечко во всем Киберсайде, если вы хотите знать мое мнение.

Смотритель ведет их в Тихий тупик, расположенный прямо за школой. И останавливается в тупике.

Матильда понимает, что у каждого дома есть имя на почтовом ящике, за исключением двух немаркированных, расположенных рядом друг с другом.

– Послушайте, я буду с вами откровенен. Хэнк знает, почему ты здесь, Джеймс, и он не хочет, чтобы до этого дошло. Из-за вашей дружбы он попросил меня об особом одолжении. Судя по ключевым словам, которые вы оба использовали в лесу, мы думаем, что вы хорошо дополните наше общество. Наверное, спрошу: не хотите ли вы остаться здесь с нами?

Матильда закрывает глаза и энергично трясет головой, как будто пытается вытряхнуть что-то из уха. Что-то мешает ей правильно слышать.

– Остаться здесь?

Она открывает глаза и видит, что находится в том же идиллическом районе.

– Послушайте… вы двое не думаете, что уже достаточно сделали? Я имею в виду, это больше, чем мог кто-либо еще.

Черт возьми, свержение Небыляндии было само по себе подвигом, не так ли? Вы двое заслуживаете немного отдыха, и у нас есть все, чего вы можете пожелать.

Матильда до сих пор не верила своим ушам. Она уже была готова ответить, но вдруг поняла, что за всю прогулку не слышала ни единого слова из уст Джеймса. Когда она поворачивается к

нему, выражение лица Молчуна отрезвляет ее, как удар.

Джеймс с тоской смотрит в окна дома без имени. Изнутри доносится смех мальчика и возбужденное тявканье маленькой собачки. Матильда мельком замечает женщину, идущую мимо кухонного окна.

– Столько блужданий, Джеймс. Разве ты уже не заслужил немного счастья? Шагните в эту дверь – и жизнь станет такой же, как раньше. Вы были бы так счастливы здесь, и этому городу наверняка пригодились бы твои инженерные навыки.

Матильда видит то, что всего несколько мгновений назад казалось ей невозможным. Глаза Джеймса наполняются слезами, которые текут по его лицу. Это зрелище потрясло Ведьму до глубины души.

Может быть, Джеймс борется с теми же мыслями, которые были у нее, когда они вошли в Небыляндию?

Словно почувствовав ее мысли, старик обращает свое внимание на Ведьму.

– А ты, Матильда, мы оба знаем, что это не твое настоящее имя. Вся эта заваруха началась с того, что ты хотела вернуть свои воспоминания, но теперь стала убийцей Донована. Это действительно то, чего ты хочешь? Мы можем восстановить твою жизнь. Потребуется предоставить доступ, конечно. А вы этим уже отчасти занялись.

Он показывает на другой неприглядный дом.

– Может быть, здесь не так роскошно, как твоя жизнь в реальном мире, но это не должно иметь значения, если ты будешь жить с родителями.

С этими словами в доме зажигается свет и в окне верхнего этажа появляются силуэты мужчины и женщины.

Матильда хмурится:

– Нет, это чушь собачья. Все это. Все, о чем ты говоришь – его семья, мое прошлое. Это все просто иллюзия. Ничто из этого не реально.

Она поворачивается к Джеймсу, но видит его совершенно растерянным.

Смотритель не ожидал услышать обвинения во лжи:

– Конечно, это иллюзия. Я никогда не говорил, что это не так. Но если то, чего вы хотите, какое это имеет значение? Если вы предпочитаете иллюзию реальности, разве это не делает ее более реальной? Как я уже сказал, вы оба это заслужили. – Старик пожимает худыми плечами. – Мне кажется, что это хорошая сделка, но, как я уже сказал, выбор за вами. Я надеюсь, что вы согласитесь. Вы оба кажетесь парой разумных молодых людей, а это не частое явление в наши дни.

В ярком солнечном свете пара белок перебегает им дорогу. Просто еще одна минута, идеальная деталь, которая способствует приятной, спокойной, приторно-сладкой атмосфере.

Наконец Джеймс начинает говорить. Все еще глядя на дом, он тихо констатирует:

– Сделка предполагает определенные условия.

Смотритель достает из кармана трубку и начинает перебирать в ней табак.

– Разумеется, существует соглашение о постоянном найме жилья. Все довольно стандартно, но есть несколько пунктов, которые вам нужно знать. Никакого масштабирования, это правило номер один. Вы не можете идти дальше вверх по Шпилю – но это также означает, что вы не можете и вернуться вниз.

Матильда даже не пытается скрыть гнев в своем голосе:

– Так вот оно что. Вот как Хэнк устраняет конкурентов. Мне кажется, что это взятка.

Пристально глядя на свою трубку, смотритель не поднимает глаз.

– Ну, дорогая, только потому, что это взятка, не значит, что она не щедрая. – Он раскуривает трубку, удовлетворенно попыхивая ею. – Я бы сказал, что это довольно щедрое предложение достойной жизни для тебя. Если только вы не предпочтете трудности, которые вы двое продолжаете испытывать. Спать на земле, прикрывать друг другу спину, бесить людей направо и налево. Не говоря уже о трупах, которые вы оставляете повсюду за собой.

Матильда подходит ближе к Джеймсу. Она чувствует запах вкусного ужина, который подают в соседнем доме.

Изнутри доносится голос мальчика:

– А когда папа вернется?

Выражение лица Джеймса почти заставляет ее передумать. Матильда медленно подходит к нему и берет за руку. Пораженный и сбитый с толку, Джеймс оглядывается по сторонам, смотрит на старика с трубкой и, наконец, на Матильду.

Она отчаянно всматривается в его лицо, пытаясь понять, о чем он думает. Через несколько секунд Джеймс отпускает ее руку, роется в кармане и достает сигарету.

Смотритель спрашивает:

– Ну так что?

Джеймс поворачивается к нему лицом.

– Нельзя отрицать, что Хэнк сделал нам щедрое предложение.

Смотритель делает еще одну умиротворенную затяжку и кивает.

– Но я не думаю, что мы можем согласиться, – продолжает

Молчун.

Старик, кажется, промахивается трубкой мимо рта. Со второй попытки все-таки попадает.

– Могу я спросить, почему?

Матильда замечает, что правая рука Джеймса снова дергается.

– Не то чтобы я этого не хотел…

Смотритель поднимает бровь.

– Ну так что же?

Джеймс продолжает:

– Ты все время говоришь, что это то, чего мы заслуживаем. То, что мы заработали. – Заливистый смех заставляет его снова взглянуть на дом. – Но ты ошибаешься. Я этого не заслуживаю, того, что внутри. Только не после того…

Он делает паузу, и Матильда почти видит, как у него в горле встает комок.

– Может быть, мне это понравится. Но каждый день… будет напоминанием, что на самом деле их здесь нет.

Снова воцаряется тишина, и Матильда не знает, что ей делать. Старик обещал вывести их отсюда, но он, кажется, не собирается сдвинуться ни на дюйм. Ведьма борется с желанием дотянуться до одного из своих клинков.

Наконец смотритель усмехается и чистит трубку.

– Так если ты не останешься, почему ты еще здесь? Не знаю, как у вас, но у меня больше нет времени просто болтать. Вам двоим многое предстоит сделать.

Матильда первая обращает внимание на то, как дома превращаются в ворота, похожие на те, что они видели возле небольшой будки смотрителя. Матильда кивает старику, хватает Джеймса за руку и ведет его за собой.

Он молчит до самых ворот.

Инстинкт Ведьмы велит ей не оглядываться назад. Иррациональный страх свидетельствует о том, что даже одна мысль о возможности задержаться заставит их остаться там насегда.

Она проталкивается вперед, все еще сжимая руку Джеймса, но, вопреки здравому смыслу, все-таки оглядывается на него, всего на минутку. Ворота начинают закрываться, и она видит, как смотритель возвращается в свою будку. С такого расстояния трудно что-либо разглядеть отчетливо, но это выглядит так, словно ноги человека превращаются в копыта, как будто у него вырос ранее невидимый хвост, как у древнегреческого фавна.

Матильда моргает и пытается сосредоточиться, но ворота захлопываются за ними.

* * *

Тревожный опыт в Нишевых садах продолжает терзать ум Джеймса. Его пребывание там уже кажется туманным и бессвязным даже по меркам его воспоминаний, как будто он пересказывает сон, который не может полностью вспомнить и которым не совсем доволен. И все же… это то, что он видел собственными глазами. То, что он слышал.

Все это казалось таким реальным. Он почти мог протянуть руку и снова коснуться своей семьи.

«Нет, – напоминает он себе. – Они уже ушли. Из-за тебя».

К тому времени, как они с Ведьмой добираются до следующего участка Шпиля, на гору опускается вечер. В надвигающейся темноте он может видеть замок Хэнка, возвышающийся над ними. Еще один привет из его прошлого.

Замок расположен высоко на вершине горы с видом на зеленые луга. Прямо вокруг королевского поместья раскинулись большие зеленые поля и крошечные группы деревень. Все, кажется, были украшены как на праздник – и, скорее всего, соперничали за королевское внимание Хэнка.

Матильда указывает на павильон рядом с ними:

– Похоже, тут устроили что-то вроде праздника.

Они натыкаются на большой знак, который провозглашает карнавал. Улицы заполнены людьми в масках и костюмах. Даже издалека заметно, что в городе проходит грандиозный маскарад.

Матильда осматривает свои клинки, вложенные в ножны, пришитые к подкладке ее одежды.

– Я думаю, мы сорвем вечеринку.

Джеймс проверяет свой пистолет, затем убирает его в кобуру.

– Я думаю, это способ Хэнка поприветствовать нас. Это определенно его стиль. Оставайся начеку. Хотя мы еще даже не добрались до замка.

Они осторожно входят в саму деревню и пробираются сквозь собирающуюся толпу, по мере возможности придерживаясь направления к зловещему дворцу, возвышающемуся над ними. Джеймс внимательно изучает каждого жителя города настороженным взглядом. Чем больше он наблюдает, тем более очевидной становится картина.

– Интересно… – бормочет он.

– Что интересно? – говорит Матильда, точно так же оглядывая нарядную толпу.

– Это странно. Кажется, что все они сформированы в группы, состоящие из одинаковых артистов.

Он кивает в сторону толпы клоунов, разодетых в пестрые и

тесные шутовские штаны, передразнивающих прохожих. Они резвились толпой, но не поощряли, когда один из них чем-то выделялся. На их лицах появлялось недовольное выражение, когда один из них хотел превзойти остальных.

Один из клоунов встретился взглядом с Джеймсом и тут же широко улыбнулся. Весело подмигнув Молчуну, мужчина начал лихорадочно жонглировать пятью апельсинами.

Матильда застонала от отвращения:

– Тьфу, как противно.

Джеймс просмотрел остальные группы недалеко от них:

– Да, ты сможешь сказать это еще не раз. Для артистов они, кажется, не очень весело проводят время.

Они проходят мимо группы девушек в лоскутных платьях с ярко-красными румянами на щеках.

Балансируя на цыпочках, те раздают прохожим листовки. Когда одна из девушек поскальзывается и падает на землю, остальные в ее группе сразу же прекращают свою работу. Они мгновенно обступают ее, повернувшись спиной к толпе. Джеймс и Матильда замечают какое-то движение. Мгновение спустя девушки возвращаются на свои места – за исключением той, что упала.

Матильда тихо испуганно вскрикивает:

– Ну все, это официально самое страшное место. Давай выберемся отсюда поскорее.

Джеймс проталкивается вперед сквозь толпу:

– Согласен.

Вскоре они находят центральную площадь, заполненную зазывалами, киосками и азартными играми.

– Срань господня! – Матильда указывает на пит-босса и его охранников, когда они хватают игрока, предположительно обвиняемого в мошенничестве, и бесцеремонно тащат его за одну из палаток. Слышны звуки короткой, жестокой драки. Красные брызги пятнают холст.

Все тело Матильды напрягается, как у змеи, готовой к броску.

– Что, черт возьми, не так с этим местом? – шипит она, придвигаясь ближе к Джеймсу.

Джеймс ведет их мимо другой группы исполнителей, удостоверясь, что Ведьма все еще рядом с ним.

– Это что-то вроде площадки для соревнований. Все соперничают за первое место. В надежде быть замеченным Хэнком.

Он наблюдает, как команда охранников возвращается из-за полога палатки, вытирая кровь со своих клинков. Матильда пристально следит за ними, ее рука тянется к своему арсеналу из

стали в ножнах, но Джеймс удерживает ее:

– Мы здесь не для этого.

Матильда отступает, стараясь сдержать свой гнев и следя глазами за продвижением убийц через площадь.

– Это место – отстой. Эти люди – отстой. Хэнк— полный отстой.

Джеймс обнаруживает, что его мышцы напрягаются, когда начинает говорить. Судя по выражению лица Матильды, ей явно все равно, слышит он или нет. То же нельзя сказать об остальных в центре города.

Толпа прекратила все выступления одновременно, уставившись на Молчуна с Ведьмой. Шумное собрание было теперь совершенно безмолвно.

Толпа расступилась, уступая место человеку с золотым скипетром, в богато украшенных пурпурных одеждах.

За ним следует средневековый кортеж. Лидер насмешливо хлопает в ладоши, делая шаг вперед и бросая недовольные взгляды на Джеймса и Матильду.

– Так, так, так. Посмотрите на этих двоих. Проделать весь путь до вершины менее чем за день. Очень современно. Это же нонсенс для платформы, скажу я вам.

Матильда фыркает и смеется с издевкой.

– Это и есть Хэнк?! – Она слегка обернулась и недоверчиво смотрит на Джеймса. Джеймс переступает с ноги на ногу, его рука уже готова потянуться к кобуре.

– Нет. Ради всего святого, нет! Я понятия не имею, кто этот идиот.

Оскорбленный герой выпячивает грудь.

– Меня не удивляет, что два человека, которые так быстро поднялись наверх, не знают достаточно, чтобы почтить память тех, кто был до них. Я – Билл Великолепный. Будет лучше, если ты научишься уважать это имя.

Матильда и Джеймс обмениваются безразличными взглядами. Ведьма уже обнажила один из своих клинков.

Он мерцает в ее твердой, как скала, руке.

– А почему именно мы должны это делать?

Билл снова выпячивает грудь и делает знак собравшейся толпе зевак.

– Я один из герцогов Хэнка и трижды получал королевское Знамя Признания! – Билл тянет за ярко-красный пояс, который украшает его и без того пеструю одежду. – Все эти знаки отличия были даны мне самим королем, чтобы отметить мое превосходство!

Билл смотрит мимо Матильды и Джеймса, обращаясь ко всей

толпе, набирая полные легкие воздуха, чтобы как следует крикнуть:

– Пусть это будет знаком для всех *продуктов* Шпиля. Своими собственными делами вы можете возвысить себя. Путь труден, но не без наград!

Матильда незаметно убирает руку с рукоятки ножа.

– Это правда?

Отпустив свой пояс, Билл снова обращает внимание на Молчуна и Ведьму. Он понижает голос так, чтобы его не услышала толпа:

– Да, я правая рука короля. Итак, вы двое хотите остановиться и узнать свое место?

Матильда подходит к Биллу и указывает на его пояс.

– Мне кажется, что, если все так сосредоточены на этих дерьмовых отличиях, никто не занят попытками свергнуть твоего драгоценного короля.

Лицо Билла краснеет от негодования.

– Что, черт возьми, ты можешь знать об этом, девочка? Ты даже не прожила здесь ни одного дня! Когда-нибудь я стану преемником Хэнка и позволю тебе пройти только через мой труп.

Билл Великолепный обнажает нарочито богато украшенный меч, и его стражники выходят вперед.

Размахивая оружием – от булав до шипастых дубинок и арбалетов, – они выстраиваются в шеренги, преграждая путь к замку.

Джеймс делает несколько шагов назад.

– Это не должно было закончиться вот так…

Но что-то промелькнуло мимо Джеймса прежде, чем он закончил.

В мгновение ока Матильда вонзила свои клинки в ближайшего стражника с булавой. Он умер прежде, чем на его лице появилось удивление. С рычанием Ведьма бросилась на следующего, который неуклюже парировал удар дубинкой, но едва ли тот, уже на грани жизни и смерти, смог бы еще когда-нибудь ею воспользоваться. Отпрянув в ужасе, Билл Великолепный поспешно отступил назад, прячась за своими меченосцами.

В эти первые несколько секунд бойни единственным звуком был звук борьбы между Матильдой и охранниками Билла. Толпа застыла в ошеломленном молчании. Они в ужасе смотрели, как Матильда прорубает себе путь сквозь ближайших охранников, не встречая сопротивления. Никто не произносил ни слова. Джеймс закричал, но Матильда продолжила свою атаку. Люди в толпе с удивлением таращились друг на друга, наблюдая, как

безжалостно Матильда нападает на охранников Билла.

А потом один-единственный голос выпалил то, о чем думали все:

– Если она убьет Билла, Хэнку понадобится новый герцог.

Потребовалось несколько секунд, чтобы переварить это высказывание, но и спички хватает, чтобы поджечь бочку с порохом. Жонглер с ножами посмотрел на клоуна рядом с ним и бесцеремонно вонзил свои клинки в грудь артиста. Еще несколько секунд тишины проходят, когда все понимают, что произошло.

Внезапно мим выхватывает копье у второго упавшего стражника и бросает его в танцора, чуть-чуть промахнувшись. Остальная часть площади как по команде взрывается. Каждый костюмированный гуляка вдруг видит дичайшую возможность взлететь вверх по Шпилю, подняться в рейтингах, поймав удачу, потешить свои амбиции, пролив чужую кровь.

Художник с пикой в руках бросается на Джеймса. Через какие-то доли секунды Молчун стреляет ему в голову. Голова отрывается, выплескивая мозг и данные в бурлящую массу тел позади неудачника. Джеймс врезается в толпу, следуя за Матильдой.

Ведьма продвигается вперед, убивая редеющие ряды придворных Билла, разрезая несчастных на куски в царящем хаосе. Какая-то женщина подскакивает к ней с крюком мясника, и Матильда вонзает нож в ее грудь. Отражая неуклюжий удар меча слева от себя, она выдергивает ноги из-под рыцаря в импровизированных доспехах, который с грохотом падает на землю, теряя шлем. Матильда набрасывается на него и перерезает горло.

По мере того как рукопашная схватка обостряется, Джеймсу все труднее отслеживать положение Матильды. Он ныряет и прорывается сквозь бойню, избегая нападающих, когда ему это удается, и убивая, когда не может пробиться вперед. Цирковой клоун с молотком в руках разбивает голову игроку. Одна из танцовщиц прыгает на спину охраннику, снова и снова вонзая булавки ему в шею, и его кровь заливает дерущуюся толпу.

Джеймс кружится с краю этого месива и оказывается лицом к лицу с жонглером, которого встречал ранее. Тот уже обменял свои пять спелых апельсинов на кровавую булаву. Увидев Молчуна, он с рыком бросается на него. Джеймс всаживает три пули в грудь мужчины, перешагивает через тело и лихорадочно ищет среди свалки Матильду. Он замечает, как ведьма пробирается вверх по ближайшей лестнице, глядя вниз на уменьшающуюся свиту Билла.

Джеймс проходит мимо танцора с колокольчиком на голове,

душащего диджея шнурами его же наушников. Почувствовав движение слева и инстинктивно пригнувшись, Джеймс чувствует, как метательный топор свистит в воздухе прямо над его головой. Даже с его уровнем подготовки и опытом отслеживание такого количества боевых действий – это перегрузка, которая может закончиться трагически.

Наконец Джеймс замечает, как Матильда прорывается сквозь последних охранников Билла Великолепного.

Выругавшись, Молчун засовывает пистолет в кобуру и вытаскивает лучшее для инженера оружие – CQB SMG – из своего цифрового инвентаря. Держа лестницу в поле зрения, Молчун крадучись продвигается вперед, прорезая толпу короткими, контролируемыми взрывами. Он взрывает человека, одетого как шахматная пешка, и игрока, машущего импровизированным цепом. В то время как звук оружия извещает о его присутствии, неконтролируемая сила оружия расчищает ему путь сквозь толпу.

Дойдя до лестницы, Молчун останавливается, выбрасывает опустевший магазин, вставляет новый и мчится вверх по лестнице через две ступеньки. Наверху Джеймс находит следы побоища Ведьмы.

Он успел сделать всего пару шагов, когда рука клоуна схватила его за лодыжку и ударила ножом по коленям. Отскочив назад, Джеймс всадил следующую очередь в лицо нападавшего, оставив после только кровь и изодранный в клочья дымящийся парик.

Теперь, опасаясь худшего, Джеймс бросается за Матильдой, следуя по следу из крови и кишок.

Подняв оружие, он заворачивает за угол и останавливается как вкопанный.

Матильда загнала в угол Билла Великолепного и единственного оставшегося члена его свиты – женщину в рваном розовом платье.

– Защити своего герцога! – кричит Билл, подталкивая женщину к Матильде.

Ведьма вонзает свой клинок в сердце женщины, мгновенно убивая ее. Она позволяет телу упасть и приближается, сосредоточившись на своей цели, не отвлекаясь на все остальное.

– Пожалуйста, нет! Послушайте, вы можете быть следующей в очереди – я могу помочь вам с вашей популярностью! – Билл отшатывается назад, вытянув руки, но спотыкается и падает на спину.

Джеймс кричит, но уже слишком поздно. Матильда бросается на Билла:

– Ты думаешь, что управляешь этим местом, Хэнк? Ты

думаешь, что можешь просто сидеть и смотреть, как люди делают все это друг с другом?

Замешательство смешивается с ужасом на лице Билла:

– Что? О чем ты говоришь? Я не…

Матильда вонзает нож ему в грудь и медленно вытаскивает лезвие. Билл отплевывается и хрипит.

– Все эти дети, живущие в грязи, должны присоединиться к этому безумию? – Лезвие входит в тело, и Ведьма снова вытаскивает его. – Ты думаешь, людям нравится вырезать что-нибудь о себе на деревьях? – Второй клинок присоединяется к первому, помогая довершить начатый ритуал. – Ты думаешь, это смешно – смотреть, как люди убивают себя, чтобы добраться до вершины? В чем дело, Хэнк, почему ты не смеешься? Это же должно быть весело.

Оба лезвия выдернуты, оба лезвия воткнуты.

– Ты думаешь, что можешь просто откупиться от нас своим маленьким волшебным жилищным проектом? Ты хочешь забрать его у меня? – По щекам Матильды текут слезы. Она оставляет ножи внутри и начинает колотить Билла по лицу.

Удар.

– Люди – не продукты.

Удар. Удар.

– Люди – не игрушки.

Удар.

К тому времени, когда Джеймс добирается до Матильды, лицо Билла становится неузнаваемым месивом. Тело все еще дергается.

Клинки Ведьмы, погруженные по самую рукоять, торчат из смертельных колотых ран. Матильда в изнеможении колотит кулаками в грудь мертвеца, еще больше обливаясь кровью.

Молчун не знает, что сказать. Он не замечал растущего гнева и отчаяния до этого момента. Вот то, что он должен был знать о ее ненависти к этому месту. Все, что оно олицетворяло, теперь лежало у его ног – избитое, изуродованное, кровоточащее.

Все, что он мог сделать, – положить руку на плечо девушки, когда та упала без сил, совершенно разбитая и убитая горем.

А в замке на вершине Шпиля король готовился к приходу долгожданных гостей.

16. Шахматы

Крепко сжимая свой автомат, Молчун пробирается через темные залы дворца Хэнка. Он поддерживает Ведьму свободной рукой. Лабиринт роскошных залов дворца позволяет им в некоторой степени идти незамеченными. Они успешно проскальзывают мимо патруля охранников, а затем минуют еще один.

Кровавая баня за стенами замка привлекла патруль, оборонявший периметр, и охранники не отрываясь следили за происходящим.

Когда они поднялись по широкой лестнице, украшенной статуями, Молчун сравнил щедрый декор дворца с убогими трущобами у подножия Шпиля. Здесь концентрировались все блага Системы, накопленные одним человеком, погрязшим в иллюзиях, и этот человек подстегивал своих отчаявшихся подданных, соблазняя их тенью роскошной жизни. Вся в крови, не говоря ни слова, Матильда опиралась на Джеймса, когда они поднялись по лестнице. Он чувствовал, что в ней все еще кипел гнев.

Молчун продолжал говорить себе, что еще был шанс спасти Хэнка – если тот не слишком далеко зашел.

Лестница, наконец, закончилась маленькой прихожей с высокими потолками и мраморным фонтаном, точно выполненным в виде Шпиля. Вода струилась вниз из миниатюрного замка на его вершине, но вид фонтана постоянно менялся, как менялось и отражение Шпиля в текущей воде.

За фонтаном, в помещении, которое можно было посчитать тронным залом, сидел Хэнк Браун на богато украшенном стуле из слоновой кости. Золотая корона на его голове не скрывала тонких седых волос. Красные струящиеся одежды развевались над его роскошной изумрудной туникой. Ухмылка Хэнка лишь подчеркивала его и без того резкие черты лица. Поначалу Джеймс успокоился, глядя на эту улыбку. Затем, наконец, заметил пронзительный взгляд.

– Джеймс Рейнольдс. Давно не виделись, не так ли?

Джеймс молчал, не сводя глаз с Хэнка, пытаясь узнать того, кого он когда-то знал.

В поведении Хэнка не было ничего угрожающего, но он не моргал, не сводя глаз с Джеймса и Матильды.

Пытаясь сдержать тревогу и беспокойство, Джеймс медленно присел, положил оружие на землю и снова выпрямился, подняв руки. Рядом с ним неподвижно и молча стояла Матильда.

Джеймс не понимал, хорошо это или плохо.

– Так оно и есть, Хэнк. Я уверен, ты знаешь, почему мы здесь.

Неожиданный раскатистый смех правителя эхом разнесся по залу:

– Ну конечно же, знаю! Каким бы я был королем, если бы не знал, что происходит в моем царстве?

Слегка подвинувшись, чтобы заслонить Матильду своим телом, Джеймс осмотрел комнату в поисках возможной засады.

Но никого кроме них не было.

– Ну и что ты предлагаешь, Хэнк? Ты отдашь мне ключ или нам нужно забрать его силой?

Когда эти слова были сказаны, Джеймс удивился, насколько нескладно они прозвучали даже для него самого. С таким же успехом они могли бы быть произнесены Матильдой.

Громкий смех Хэнка Брауна резко оборвался, и Джеймс вполголоса выругался. Прямота Ведьмы передалась и ему. Джеймс предостерег себя, что лучше промолчать.

Правитель Шпиля встал со своего трона.

– И под «силой», я полагаю, вы подразумеваете то, что вы сделали с Вирджинией?

Джеймс открыл было рот, но Хэнк перебил его:

– Неважно. Мы не будем делать это вашим методом, то бишь силой. Мы сделаем это так, как захочу *я*. Мы сыграем в одну игру. Если ты победишь, я охотно отдам тебе ключ.

Джеймс сделал несколько осторожных шагов к своему старому другу, медленно опуская руки.

– Послушай, Хэнк…

Король оборвал его пренебрежительным взмахом руки.

– Мы сделаем это так или не сделаем вообще. – Хэнк снял корону, и она превратилась у него в руках в золотую ленту – ключ. – Играем по моим правилам, или я его уничтожу.

Джеймс остановился:

– Это один из четырех ключей к Системе. Даже ты не настолько сумасшедший.

Улыбка Хэнка, отнюдь не дружелюбная, становится еще шире. Он ликует:

– Вы хотите в этом убедиться?

Король щелкает пальцами, и пол тронного зала мгновенно превращается в сетку раскрашенных квадратов. Наполовину белых, наполовину фиолетовых.

– Если выиграешь, то получишь мой ключ. Если нет, то я оставлю его себе. И чтобы показать вам, что между старыми друзьями нет вражды, вы сможете свободно уйти независимо от результата. Хотя я уверен, что вы и так готовы все бросить.

Сцепив руки, он добавляет:

– Но я думаю, это даст нам больше времени, чтобы наверстать упущенное, не так ли?

Джеймс оглядывает пустую комнату.

– Так вот в чем дело, Хэнк? Я уверен, что здесь достаточно уединенно. Я бы не возражал навестить тебя…

Резкие ноты мгновенно снова звучат в голосе Хэнка. Его лицо искажается от гнева, но почему-то он все еще не моргает:

– Думаешь, именно поэтому я заставил тебя пройти через все это? Потому что мне одиноко?

Джеймс отступает на шаг, кивает, поднимая вверх руки.

– Ладно, Хэнк. Я все понял. Это же круто. Давай сделаем по-твоему. Давай сыграем в эту игру.

Гнев Хэнка сразу же сменяется доброжелательной, безмятежной улыбкой. В сочетании с его пристальным взглядом немигающих глаз эта улыбка ужасна. Король хлопает в ладоши. Одинаковые бесцветные шахматные фигуры выстраиваются в ряд на сетке пола.

– Отлично! Теперь я добавлю немного красок в нашу игру. Что может быть лучше для демонстрации битвы в Киберсайде, чем Вавилон против Метрополиса? Ты же знаешь, как эти двое всегда ссорятся. Итак, вот вам небольшой сюжетный поворот: каждая фигура на самом деле представляет кого-то – от Донована Крейза до компании Тома Симмонса.

Фигуры, стоящие ближе к Джеймсу, становятся фиолетовыми, а ближе к Хэнку – белыми. Король жестом указывает на фиолетовые:

– Учитывая, что ты уже работаешь с Донованом, мне кажется, что лучше всего отдать тебе его людей.

Молчун дотрагивается до самой близкой фигуры, и в его голове вспыхивает образ: охранник в Вавилоне патрулирует улицы Северного Голливуда.

Хэнк продолжает:

– Ну-ну. Вы должны услышать все, прежде чем мы начнем. У меня есть доступ к каталогам по всему Киберсайду. Все, что происходит на доске, происходит с этими людьми в реальном времени.

Несмотря на живость образов, Джеймс не может скрыть своего недоверия:

– Это невозможно. У тебя нет доступа к другим доменам.

Этот комментарий, кажется, раздражает Хэнка, и он тычет пальцем в Молчуна:

– Не стоит недооценивать то, что я могу сделать с этим замком. Донован и Симмонс всегда недооценивали меня. Не

обманывайся, Джеймс. Я имел дело с достаточным количеством сторонних разработчиков, чтобы иметь бэкдоры в программном обеспечении других людей. Это реальные люди, и я настоятельно рекомендую вам начать относиться к происходящему серьезно.

Слова Хэнка, кажется, вывели Матильду из ступора. Она издает какой-то звук позади него и делает шаг вперед, чтобы встать рядом.

– *Нет!* Довольно! Ты не можешь так обращаться с людьми, чудовище!

Джеймс протягивает руку, чтобы остановить ее, но уже слишком поздно.

Матильда бросается на Хэнка, вытаскивая ножи. Король Шпиля остается спокойным и немигающим, даже когда она делает выпад для убийства. Он улыбается, когда невидимый барьер замораживает Матильду в воздухе, со сверкающими клинками в обеих ее руках.

Не зная, что сказать, Джеймс смотрит на бывшего топ-менеджера «Фолл Уотер Лэйк», облаченного в королевские одеяния.

– К чему весь этот спектакль, Хэнк?

Правитель двигается вокруг Молчуна с задумчивым видом.

– Я пытаюсь напомнить тебе, Джеймс, что строить миры и играть в бога – значит не только создавать. Но и разрушать тоже. Если вы хотите перестроить этот мир, докажите, что у вас есть все, что нужно.

Джеймс долго смотрит на Матильду в ее безмолвном оцепенении, а затем молча снимает куртку и кладет ее на пол. У него появляется тошнотворное чувство, граничащее с отчаянием, что его друг действительно безнадежен – но он все еще не хочет от него отказываться.

Засучив рукава, он пытается вспомнить стиль игры своего соперника. Хэнк возбужденно кивает:

– Хорошо. У тебя есть первый ход.

Молчун сканирует доску.

– Пешка, e2 – e4.

Изображение появляется на поверхности фигуры, когда она движется вперед. Джеймс видит охранника компании, проходящего по поезду в Вавилоне.

По ту сторону доски на полу тронного зала Хэнк качает головой.

– Предсказуемо, как всегда. Пешка, B7 – B6.

Названная часть загорается. Инженер Анклава останавливается, чтобы выпить кофе. Игра продолжается, соперники не уступают друг другу, пока Джеймс, наконец, не

начинает первую атаку:

– F3 – E5, конь берет пешку.

Пешка – низкопробный силовик из организации Симмонса – плетется из бара пьяный. Когда он спотыкается в переулке, двое невидимых мужчин хватают его и наносят несколько стремительных ударов ножом. Это жестокость, произвол, порок, бессмысленное действо, заканчивающееся в считаные секунды. Джеймс вдыхает запах мокрой мостовой и слышит последние хриплые вздохи мужчины, оставшегося умирать в куче мусора. Он шатается, старается сохранить равновесие и тяжело падает на одно колено на пол тронного зала убийцы.

– Что только что…

Хэнк качает головой, издавая разочарованный насмешливый звук.

– Я же говорил тебе, Джеймс, что каждая фигура – это жизнь. Ты должен был слушать меня внимательнее, быть осторожнее со своей доской. C7 – F4. Белая королева берет слона.

– Подожди, подожди! – протестует Джеймс, вытягивая вперед руку, как бы защищаясь от удара.

Сидя в ресторане, один из помощников Донована разговаривает по телефону. Ничего не замечает. Ни официанта, который приносит ему еду, ни странного вкуса. Сначала. С бульканьем мужчина падает на стол, разбрасывая посуду, тарелки и еду во все стороны. Он быстро, смутно осознает лица испуганных посетителей, оборачивающихся, чтобы посмотреть на его тяжелое положение.

Даже после того, как сцена полностью исчезает, Джеймс все еще может чувствовать смятение и страх в глазах убитого. Последние мгновения. Холодные, угасающие, призрачные миазмы меди, озона и…

– Это… это неправильно, Хэнк.

Хэнк скрещивает руки на груди.

– Как же так, Джеймс? Ты никогда не уклонялся от убийства. Напротив, как Молчун, я бы сказал, что ты действовал довольно агрессивно. Это твоя миссия – прерывать жизни других с особой жестокостью.

Голос Джеймса дрожит:

– Это совсем другое. Я сражался с работорговцами. С монстрами…

Хэнк смотрит на Матильду, застывшую в своем порыве убить.

– Хммм… вот как?

Рука Джеймса дергается, давление в его голове поднимается. Он может видеть SMG на полу рядом с ним и четко и ясно представляет себе самое быстрое решение текущей проблемы. Он

отталкивает эту мысль, но теряет ладью, отвлекшись. Где-то в Вавилоне взрывается заправочная станция корпорации, прихватив с собой ночного сторожа. Из-за этой потери обоих охранников застрелили, прям на посту.

Хэнк недовольно стонет:

– Ты оказываешься неумелым противником, Джеймс. Ты всегда бросал мне что-то похожее на вызов. – Он сканирует доску. – Если не считать того, что в Вавилоне слишком много трупов, у тебя нет никакой стратегии.

Джеймс чертыхается. Хэнк смеется:

– Не торопись, Молчун. Здесь нет шахматных часов. Нет смысла торопить события.

Джеймс пристально смотрит на мужчину напротив.

– Это человеческие жизни.

Голос Хэнка холоден и тверд, он смотрит не мигая, как рептилия:

– Жизни людей, которые работают на злодеев. Я не понимаю, Джеймс. У тебя не было проблем с убийством того охранника в Вавилоне. Или это было проще, потому что сделала это она?

Король подходит ближе к Ведьме, изучая ее.

На лице правителя, кажется, сгущаются тени, его выражение становится мрачным и непроницаемым.

– Вы готовы пожертвовать этими людьми ради общего блага? Или более почетно нажимать на курок? Перестань обманывать себя, Джеймс, и играй в эту чертову игру.

Сосредоточившись на доске, Молчун закрывает изображения на фигурах. Через несколько ходов белый слон падает, и анклавный силовик умирает в перестрелке. Джеймс жертвует пешкой, но снимает ферзя Хэнка ходом позже. В то время как охранник низкого уровня забит до смерти в Вавилоне, начальник охраны Симмонса задушен во сне в Метрополисе.

Хэнк ухмыляется, ликуя. У Молчуна теперь преимущество.

– Хммм… я думаю, еще осталось немного прежнего тебя.

Еще больше фигур убиты, как и жертв по всему Киберсайду. Доска теперь почти пуста. Несколько последних фигур ограничивают возможности игроков. Поскольку Хэнк не смог рассчитаться с оставшимся конем Джеймса, еще можно поставить мат. Джеймс двигает коня, борясь с желанием улыбнуться.

Хэнк молча рассматривает доску, переводя взгляд со своих фигур на коня Джеймса и обратно. Уверенный теперь в своей победе, Джеймс позволяет себе усмехнуться. Однако улыбка быстро исчезает, когда Хэнк делает паузу и ухмыляется. Следующим ходом он перемещает ладью, бессмысленно принеся ее в жертву и откладывая победу Джеймса еще на ход.

Хэнк равнодушно пожимает плечами:

– Ваш ход.

Раздраженный, Джеймс стонет, уставившись на короля платформы ледяным взглядом:

– Ты действительно собираешься заставить меня убить еще фигуру? Просто сдайся, ну же!

Правитель Шпиля молча смотрит на него в ответ. Разъяренный Джеймс рычит:

– Да ладно, пошел ты. Я выиграл.

Джеймс захватывает ладью Хэнка, и новый поток образов захлестывает его ум. Когда работник Анклава въезжает на ее подъездную дорожку, фургон своими огнями освещает улицу. Молодая девушка выбегает из парадной двери; фургон разгоняется вниз по дороге. Полное любви объятие прерывается выстрелом из пистолета. Пока фургон мчится прочь, девушка в шоке и ужасе опускается на колени, кровь ее родителей стекает в сточную канаву.

Образы исчезают, и Джеймс в отчаянии падает на пол.

– Да что с тобой такое, черт возьми?

Покачивая головой в мантии, символизирующей власть, Хэнк смотрит на него сверху вниз.

– Ради бога, ты сбросил атомную бомбу на всех в Небыляндии, не моргнув глазом. Теперь это всего лишь жизнь одного ребенка, а ты сломался? Да что с тобой такое, черт возьми? Не будь настолько глуп, чтобы думать, что можешь выиграть без последствий.

Хэнк подошел к неподвижной Матильде.

– Ваши решения, какими бы незначительными они ни были, могут иметь далеко идущие последствия. Последствия, о которых вы можете никогда не узнать. Если вы преуспеете в том, что запланировали, будет ли это стоить всех этих жертв?

Хэнк медленно пошел вокруг Матильды.

– Уговор есть уговор. И, честно говоря, я испытываю некоторое облегчение. Когда ты так долго этим занят… – Сделав круг, Хэнк остановился перед ней. – Я желаю удачи в твоем приключении, Джеймс. Часть меня надеется, что ты справишься, но это действительно зависит от того, чему тебя научила наша игра.

Король отвел взгляд от Ведьмы и посмотрел на Молчуна.

– Я не такой уж неспортивный неудачник и не жду, что ты пройдешь весь этот путь пешком. – Пока Джеймс поднимается на ноги, в тронном зале появляется портал. – Кроме того, пусть никто не говорит, что я не человек слова.

Король раскручивает золотую ленту в своей руке:

– Вот, отдай его девушке.

Хэнк бросает ленту Джеймсу и снова встает перед Матильдой.

Джеймс пересекает доску, направляясь к Ведьме и королю.

– Хэнк, все не должно было закончиться вот так.

Хэнк изучает глаза Матильды и наконец моргает.

– Игра не закончится, пока ты не возьмешь короля. – Хэнк снова поворачивается к своему старому другу и слабо улыбается. – Отдай его девушке. Просто… просто напомни ей, что это тяжело.

Барьер, сдерживавший Матильду, исчезает, и она продолжает свой бросок вперед. Ножи Ведьмы впиваются в грудь Хэнка, заставляя его отступить назад и грохнуться на пол.

Матильда стоит над все еще улыбающимся королем. Два ее клинка погружены по самую рукоять, в сантиметре друг от друга, в быстро краснеющем пятне на его груди. Матильда достает еще два клинка и подходит ближе.

Окровавленная, болезненная, задыхающаяся, хрипящая улыбка Хэнка останавливает ее.

– Лучше… поторопись, дорогая. Без короля нет и королевства… и раз вам тут делать нечего…

Стены и потолок дворца начинают дрожать и прогибаться. Можно услышать, как за пределами тронного зала статуи по обе стороны широкой лестницы падают вниз по каменным ступеням и разбиваются вдребезги.

Матильда поворачивается к Джеймсу и его огромной шахматной доске.

– Подожди, что произошло?

Джеймс делает движение в сторону мерцающего портала.

– Давай. Нам нужно идти.

Матильда замечает браслет в руке Джеймса.

– Значит, ты получил…?

Молчун смотрит на тело Хэнка, лежащее без движения.

– Поняла.

Вместе они прыгают сквозь портал, а замок превращается в руины.

17. Нью-Джерси

Джеймс и Матильда упали на холодную твердую землю, когда портал рухнул позади них. Секретная транспортная линия, по которой Хэнк отправил их, мгновенно перенесла их на многие мили дальше от Шпиля. Джеймс закатал рукава и понял, что оставил свою куртку и автомат во дворце Хэнка. Взяв сумку, он осмотрел окружающий лес. Ему нужно было время, чтобы проанализировать шахматную партию, но была неотложная проблема, которую нужно было решить в первую очередь.

– Мы должны выяснить, где находимся.

Без куртки Джеймс остро ощутил резкую перемену погоды. Небо было густо затянуто серыми тучами, время от времени раздавался отдаленный раскатистый гром. Здесь не было и следа солнца, и статическая энергия насыщала воздух. Даже с такого расстояния Молчун все еще мог видеть туманный образ Шпиля, возвышающегося над горизонтом. Его вершина терялась в темной грозовой туче.

Джеймс шел между редкими деревьями. Матильда молча следовала за ним, пока они не достигли края утеса, нависающего над долиной далеко внизу. Обозревая водоем, Джеймс заметил вспомогательную служебную дорогу, змеящуюся по дну долины.

– Когда не занят борьбой с Вавилоном, Анклав сосредотачивает свои усилия на расширении поселений. К счастью, все их аванпосты соединены единым поездным коммуникатором.

Он пошел вдоль края обрыва, ища удобный путь вниз.

Матильда продолжала молчать, глядя на далекий Шпиль.

Джеймс продолжил:

– Это как транспортный узел, который соединяет большие площади. Если вы можете получить доступ к одной из точек входа, это приведет вас к локальному хабу. Из него можно перейти в другой. Это все взаимосвязано, но разделено на секции – на случай, если нужно будет заблокировать одну из них во время ЧС. Если бы я догадался, мы могли бы найти станцию где-нибудь на другой стороне этих гор.

Джеймс все еще искал дорогу вниз, когда понял, что Матильды за ним нет. Он быстро подошел к Ведьме, которая пристально смотрела в сторону Шпиля.

– Что там? Ты что-нибудь видишь?

Когда она повернулась к нему, в ее глазах появился странный блеск.

– Мне очень жаль. – Она придвинулась чуть ближе, но

остановилась. – Я знаю, что он был твоим другом, но…

Джеймс был еще не готов к этому разговору, но услышал свой голос:

– Но ты извиняешься?

Матильда пнула камень с края обрыва.

– Не за то, что убила его. Я просто… прости, если получится… – Она замолкает и тяжело дышит, в отчаянии взмахивая обеими руками в воздухе.

Молчун поднимает руку, чтобы остановить ее.

– Давай не будем сейчас об этом. Мне кажется, я вижу путь вниз, и мы должны двигаться дальше. – Джеймс делает шаг к краю, но голос Матильды останавливает его:

– Подожди.

Джеймс останавливается и пристально смотрит на нее, даже не пытаясь скрыть свое удивление.

– Мне нужно было сказать «прости», прежде чем я задам тебе следующий вопрос. Корона Хэнка… она же у тебя, верно?

Джеймс долго и холодно обдумывает ее вопрос. Опустив глаза, он с удивлением обнаруживает, что все еще держит ленту. Он вертит корону в руках, рассеянно потирая золото большим пальцем.

Матильда глубоко вздыхает.

– Просто мне нужно больше узнать о себе, понимаешь? Похоже, все, с кем мы сталкиваемся, знают о моей жизни больше, чем я сама. После Небыляндии я видела свои отражения в Вирджинии. Со всей информацией, которую Хэнк получил, управляя Шпилем, он должен был что-то сделать, верно?

Джеймс прекрасно понял, о чем она спрашивает. Но его беспокоило время.

– Так вот из-за чего весь этот гнев? Ты просто хотела получить корону Хэнка?

Ведьма отступила на шаг, уязвленная.

– О чем ты говоришь? Нам всегда нужен был ключ, а он был не лучше Вирджинии. Если уж на то пошло, Хэнк был еще хуже. Ты же видел, через что он заставил пройти этих людей. Мне жаль, что он когда-то был твоим другом… но превратился в чудовище.

Джеймс крепче сжимает ленту.

– И что же это нам дает? Ты никогда не говорила мне, что собираешься делать в Небыляндии. Ты знала, что «Лайфсинк» поглотит всех?

Он видит, как Матильда сжимает кулаки, а ее глаза наполняются слезами. Джеймс понимает, что заходит слишком далеко, но слова сами собой продолжают вырываться из него:

– Все эти люди, Матильда…

Она кричит:

– Ты думаешь, я этого не понимаю? Все их воспоминания находятся в моей голове, постоянно всплывая перед глазами! Я в ужасе от этого, ясно? Но ты знал, на что подписываешься, путешествуя с Ведьмой. Мне жаль, что я поставила такую грязную отметину на твоей безупречной карьере.

Джеймс закрывает глаза и делает глубокий вдох, пытаясь вложить свои эмоции во что-то, что не сделает ситуацию еще хуже. Ее гнев на Хэнка теперь имеет больше смысла.

– Матильда, я… я понимаю, что Хэнка нельзя было спасти. Ты совершенно права. Ключ всегда был целью – но действительно ли он нужен тебе прямо сейчас?

Матильда делает шаг вперед.

– Если не сейчас, то когда? Разве не было целью всего, что мы сделали, получить эти ключи и открыть то, кто я есть?

Этот разговор начинает напоминать Джеймсу, как ужасно он разговаривал с собственным сыном.

– Мы оба через многое прошли. Это может подождать, пока мы не доберемся до Метрополиса.

На этот раз она повысила голос:

– Нет, это действительно невозможно. Вот, что я тебе скажу. Мне нужно время, чтобы пережить все это, и как только мы доберемся до Метрополиса, мы будем иметь дело с Симмонсом. Ты действительно думаешь, что мы найдем время разобраться со всем там?

Ее вспышка распаляет и его. Джеймс указывает на дикую местность вокруг них, машет золотой короной на деревья, на небо.

– Да, потому что здесь, в лесу, какой в этом смысл!

Матильда вытягивает два средних пальца в сторону Молчуна.

– Да пошел ты, Джеймс. Не говори со мной свысока, как будто я ребенок. Если бы не я, ты бы все еще пытался проникнуть в Башню Донована!

В глубине души он знает, что она права, но не может признать это прямо сейчас. Он сделал все возможное, чтобы не перегореть, но его эмоции уже на пределе. Джеймс снова поднимает руки, пытаясь не усугубить ситуацию.

– Ты совершенно права. Мы должны изучить ленту, прежде чем отправиться в Метрополис, но мы не можем сделать это здесь. В первом же месте, где это будет возможно, мы остановимся. Но пока мы должны продолжить путь.

Она смотрит с раздражением, но сдержанное ворчание дает понять Джеймсу, что Ведьма сдалась. На сегодня.

Джеймс качает головой и продолжает идти, прежде чем еще

какие-то слова вырвутся из его рта. Она неохотно следует за ним.

Осторожно спускаясь с утеса, Джеймс прокладывает себе путь сквозь деревья и кусты к служебной дороге. Стараясь смотреть сразу во все стороны, он выходит на тропинку.

– Мы должны быть осторожны. Мы можем оказаться рядом с аванпостом Анклава. Будь начеку.

Джеймс не слышит, как Матильда отвечает, но ее шаги совсем рядом с ним дают понять, что она согласна.

Идя по дороге, Джеймс ощущает страх. Ему требуется несколько минут, чтобы понять это. Все из-за тишины. Обычно есть какой-то фоновый шум, который помогает замаскировать шаги – пение птиц, жужжание жуков, кваканье лягушек, что-то еще, – но чем дальше они идут по дороге, тем становится тише.

Так и есть. Причина жуткой тишины ускользает от него, пока он не замечает что-то, преграждающее им путь. Он останавливается как вкопанный.

Анклавные баррикады перекрывают часть дороги впереди, а цепной забор тянется сквозь деревья в обоих направлениях. Слой мха на баррикадах безмолвно свидетельствует о том, как давно они перекрыли эту дорогу. Однако Джеймс быстро отмечает некоторые явно свежие ремонтные работы в звене цепи – признаки того, что этот район все еще патрулируется и поддерживается. Через равные промежутки на заборе висят неприветливые анклавные знаки. *Карантин. Вход воспрещен. Нарушение-10 за незаконное проникновение.*

Почему Анклав боится места, в котором они с Ведьмой должны оказаться? У Джеймса мурашки по коже бегут от предположений. Ужас охватывает его. И опасения подтверждаются всего через несколько секунд, когда он замечает знак за баррикадами, который выглядит намного старше, чем любая из работ Анклава. Зеленая и белая краска выцвела, но он все еще может разобрать буквы:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ПАРК УОРТОН

– И что теперь? – пробормотала Матильда, переводя взгляд с его лица на выцветшую вывеску и обратно. – Что случилось?

Джеймс чувствует, что его рука начинает нервно дергаться, но он борется с импульсом, чтобы найти и зажечь столь необходимую сигарету.

– Ну, хорошая новость в том, что мы уже на пути к станции.

Матильда подходит к баррикадам явно без энтузиазма.

– А плохая?

Джеймс кладет руку на кобуру пистолета и осматривает линию деревьев.

– Плохая – в том, что она находится на другой стороне лесопарка. До меня доходили слухи о том, что здесь кто-то есть, но сам я никогда тут не бывал. Есть истории о том, как люди входили в эти леса и выходили оттуда… *другими*. Через некоторое время они просто возвращались, и больше их никто не видел. А если Анклав не желает входить…

Матильда упирается рукой в бедро.

– Ты хочешь сказать, что в лесу есть Ведьма или что-то в этом роде?

Джеймс хмурится, когда замечает еще более явную дыру в заросшей мхом проволочной изгороди.

– Возможно, это просто аномалия, – говорит он без особой уверенности в голосе.

Матильда пинает одну из баррикад, разбивая особенно пушистую кучу мха.

– Разве это не твоя специализация – разбираться с аномалиями?

Не обращая внимания на легкую язвительность в ее голосе, Джеймс оборачивается и смотрит на служебную дорогу. Он сомневается, что они смогут избежать патрулей Анклава, если те отправятся в их направлении. Повернувшись обратно к баррикадам, он снова сосредотачивается на разорванной части забора. Джеймс бормочет:

– Угу, ничего подобного.

Матильда движется к баррикаде.

Джеймс продолжает:

– Все, что связано с этим Анклавом, очевидно, не должно восприниматься легкомысленно. Единственная хорошая новость, которую я могу придумать, заключается в том, что люди Симмонса должны держаться подальше от этого района.

Матильда продолжает тащиться к пролому в заборе.

– Отлично. Так что мы просто пробираемся через мистический лес, никаких проблем. Со всем, через что мы уже прошли, ты ведешь себя так, как будто это будет тяжело.

Джеймс идет за ней следом.

– Просто веди себя тихо. Если здесь что-то есть, давай не будем привлекать внимание.

Пройдя через забор, они идут вдоль обочины дороги, готовые отступить к линии деревьев, если им встретится что-нибудь неприятное. Единственный звук, который нарушает неестественную тишину, – это случайные раскаты далекого грома.

* * *

Матильда не знает, как долго они идут. Не знает, сколько времени прошло с тех пор, как они миновали баррикады Анклава. Все, что она знает, – это то, что ключ все еще в руках Джеймса, и ее разочарование растет.

– Хэнк был чудовищем.

– Совсем как я, – шепчет Ведьма.

Она покраснела, когда Джеймс заговорил о Небыляндии, потому что не могла перестать думать об этом. План всегда заключался в том, чтобы победить Вирджинию… но ей никогда не хотелось рассказывать об этом Джеймсу.

Молчун демонстрировал, как неловко ему было с магическими способностями Ведьмы.

Но целый город…

С Хэнком еще можно было все исправить. Освободить всех этих людей от его гнета. Но когда настал решающий момент, она была полностью заколдована. Теперь она обнаружила, что не может прийти в себя, и ей удалось разозлить того, кто вполне мог стать ее единственным другом.

– И все же он настоящий придурок, – бормочет она деревьям вокруг, если только они ее слушают.

Загнанная в ловушку из собственных мыслей, Матильда ступает на упавшее, разлагающееся бревно. Громкий треск эхом разносится по безмолвному лесу. Прежде чем звук затихает, Ведьма знает, что дальше увидит свирепое, снисходительное лицо Молчуна. Конечно же, когда она поднимает глаза, он уже ждет ее.

Не в силах или не желая ослабить напряжение между ними, Матильда прикидывает, что с таким же успехом она могла бы внести свои пять копеек.

– Ну что? Разве ты не говорил, что люди Симмонса должны избегать этого леса? Итак, чего же нам следует бояться? Если и есть какие-то аномалии, то ты сам сказал, что сражался с монстрами раньше. Что же отличает этого?

Джеймс возвращается к Матильде, и она удивляется, когда он не делает ей выговор.

В его голосе есть какая-то реальная озабоченность, смешанная с трезвой серьезностью.

– Хорошо, я скажу тебе, хотя и знаю, что ты не воспримешь это всерьез.

Джеймс смотрит мимо нее, оглядывая лес в поисках еще не замеченного противника.

– Пожалуйста, просто отнесись к этому серьезно.

Матильда насмешливо поднимает руку.

– Да, конечно. Честное скаутское.

Джеймс прислоняется к дереву.

– А ты знаешь историю о Джерсийском дьяволе?

Матильда с трудом сдерживает смех.

– Ты имеешь в виду летающую козу?

Джеймс выдыхает сквозь стиснутые зубы и опускает голову.

– Да нет же. Не то. Это всем известно. Настоящая легенда – о женщине-первопроходце, у которой было двенадцать детей. Беременная тринадцатым, она сказала: «Дьявол, забери этого ребенка». Может быть, она сказала это в шутку, но история гласит, что, когда ребенок родился, он принял форму ужасного существа и сбежал, чтобы мучить сельских жителей.

Матильда играет с рукояткой ножа, спрятанного у нее под жилетом.

– Хорошо, но мы все еще боремся с монстром, не так ли? Я уверена, что у тебя есть что-то в этой сумке, чтобы его ветром сдуло.

Она изучает лицо парня, пока он продолжает осматривать лес.

– Все считают, что это одно существо, но на самом деле это нечто большее. Это место сбивает тебя с толку. Чудовище чудовищем, но в этих лесах есть кое-что… Достаточно могущественное, чтобы заставить людей покинуть свои дома и даже заставить весь Анклав закрыть его.

Неестественная тишина теперь и ей действовует на нервы.

– Ладно. Что бы это ни было. Я буду осторожнее. Давай просто найдем какое-нибудь место, чтобы спрятаться в ближайшее время.

По мере того как они продолжают путь, Матильда находит выход из сложившейся ситуации. Технически она – монстр… и слишком многие люди определенно недооценивают ее.

Поглощенная своими мыслями, Матильда утыкается лицом в Джеймса, который застыл на месте, предостерегающе подняв руку.

– Умфф. А что…?

Она видит прежде, чем он успевает ответить. Тропинка налево, отклоняющаяся от основной дороги, еще один знак. Ржавый и покрытый грязью, он указывает на то, что в полумиле отсюда находится станция рейнджеров. Взволнованный, Джеймс осторожно продолжает свой путь по основной дороге.

– Здесь вообще ничего не может быть. Мы должны просто идти дальше.

Не обращая на него внимания, Матильда бежит по тропинке, ведущей к станции рейнджеров.

– Ее, вероятно, стоит проверить. Кроме того, ты сказал, что мы остановимся, когда «что-нибудь найдем». Вот это «что-то».

Джеймс отрицательно качает головой:

– Я не думаю, что мы должны останавливаться.

Матильда машет руками вокруг ушей, словно отгоняя насекомых или летучих мышей.

– Либо ты идешь со мной, либо нет.

Его ворчание дает Матильде понять, что он идет следом.

Когда они добираются до станции рейнджеров, она как будто не стоит внимания. Мох и коррозия покрывают знаки. Лес сделал все возможное, чтобы взять верх. Несмотря на свое заброшенное состояние, это лесное строение все же таит какую-ту необычную красоту. Но ее недостаточно, чтобы остановить инстинктивно потянувшуюся за ножом руку Матильды, когда та услышала, как Джеймс вытащил пистолет.

Пристегнув ключ Хэнка к поясу, Джеймс свободной рукой указал на станцию.

Двое быстро приближаются к строению. Глядя сквозь грязные оконные стекла, невозможно разглядеть, что внутри. Начиная обратный отсчет и показывая его пальцами, Джеймс поворачивает ручку, открывает дверь и крадется в темноту. С обнаженными клинками Матильда входит на станцию, и ее окутывает острый мускусный запах. Позволив своим глазам привыкнуть к темноте, она осматривает комнату в поисках любого признака угрозы.

Прочесав несколько комнат, они обнаруживают только гниющую древесину и мусор.

Убрав клинки в ножны, Матильда возвращается в главную комнату. Джеймс убирает револьвер в кобуру:

– Похоже, все чисто, но будь начеку.

Она не скрывает раздражения в своем голосе:

– Конечно.

Джеймс подходит к окну и смотрит все в то же грязное стекло.

– Если понадобится, в конце коридора есть комната. Может быть, ты захочешь переодеться.

Матильда хмурится.

– Да, я хотела.

Джеймс наконец-то встречается с ней взглядом.

– Ну так что же?

Матильда отрицательно качает головой:

– Он все еще у тебя, Джеймс.

Джеймс смотрит на золотой браслет, пристегнутый к поясу. С нескрываемой нерешительностью он протягивает ей ключ Хэнка.

– Послушай… просто будь осторожна.

Она выхватывает ключ из его протянутой руки:

– Я не собираюсь его ломать, Джеймс.

Развернувшись на каблуках, она топает обратно по коридору. На полпути Ведьма слышит его голос:

– Я не имел в виду ключ.

Она на мгновение останавливается, но продолжает идти в соседнюю комнату. Оказавшись внутри, Матильда закрывает дверь и бросает браслет на старую провисшую кровать. Сначала ей нужно переодеться в какую-нибудь свежую одежду. Тогда она откроет тайны ключа Хэнка.

* * *

Молчун молча вздыхает, радуясь возможности побыть наедине с собой. Его мозг пробегает миллион миль в минуту, пришло время немного успокоиться. Несмотря на свое плачевное состояние и скопившуюся грязь, обшарпанное кресло-кровать манит его из одного из самых темных углов комнаты. Сначала он подходит к окну, чтобы быстро выглянуть наружу.

Он не хочет верить ни одной части истории про джерсийского дьявола, но, охотясь на большинство мутантов и аномалий Киберсайда, знает, что всегда есть достаточно правды, чтобы даже самые надуманные истории делали жизнь Молчуна интереснее. И все же в легенде о дьяволе из Джерси есть что-то такое, что просто не имеет никакого смысла. Мутации в Киберсайде зависят от определенной степени масштабируемости. Если существует одна Ведьма, это означает, что будут еще сотни.

Если в Уортонском лесу есть какие-то мутации, он должен был видеть или слышать о других случаях. Но все ограничивается одной областью. Это значит, что на самом деле это не ошибка в коде, а что-то преднамеренное, что-то специально созданное системой. Что бы там ни было в Уортоне, если это напугало Анклав настолько, что заставило все отдаленные города эвакуироваться… тогда Джеймс предпочел бы вообще этим не заниматься.

Он отходит от окна и хватает грязный стакан с усыпанного мусором пола.

Налив немного воды, он создает импровизированную пепельницу. Измученный, он собирает волю в кулак, чтобы зажечь одну из своих оставшихся сигарет, и кладет пачку на стол. Не зная, сколько времени понадобится Матильде, Джеймс улучает момент, чтобы расслабиться.

Когда дым поднимается к потолку, Джеймс вспоминает свое путешествие с девушкой – Ведьмой. Хэнк и Шпиль, Вирджиния и Небыляндия, Донован и Вавилон. Закрыв глаза, Джеймс

представляет себе, на что будет похожа их ссора с Симмонсом. Каждый раз, когда он встречал кого-то, с кем был знаком в реальном мире, его жизнь на Киберсайде неизменно становилась хуже.

Он устало выдыхает струйку дыма. Ну, может быть, не каждый. Его время со Стивеном было не таким уж плохим, но кажется, что это было сто лет назад. Еще тогда, когда он только начинал узнавать девушку-ведьму. Матильду. Если кто-то и поменял его жизнь с тех пор, как он стал Молчуном, так это она. Джеймс не мог решить, было ли это к лучшему.

Он определенно убил больше людей с тех пор, как встретил ее. Но считать тела – не его забота, куда важнее те эмоции, которые он испытывал, которые даже сейчас грызли его, как только подворачивался случай. Он долго подавлял их, и не всегда успешно.

Он тушит сигарету в стакане. Матильда определенно права в одном. Они точно не были бы там, где оказались, если бы не она.

Джеймс закуривает еще одну сигарету и смотрит в коридор.

18. Изгои

Матильда сидит, скрестив ноги, на изношенной кровати и пристально смотрит на ключ Хэнка. Золотой браслет содержит информацию обо всем и всех индексированных в Шпиле, но Ведьма не торопится взять его в руки. После Небыляндии Матильда почувствовала, что в ней что-то изменилось. Как бы она ни старалась не обращать на это внимания, у нее все еще есть это ноющее чувство – может, на самом деле она и не хочет знать, кем была раньше.

Она качает головой. После всего, через что они прошли, чтобы получить ключи, она не может остановиться.

– Хорошая, миленькая корона. Скажи мне, кто я?

Дрожащими руками Матильда надевает корону на голову и ждет, когда что-нибудь произойдет.

После нескольких ужасных секунд она спрашивает себя, не сыграл ли Хэнк с ней какую-то злую шутку – до тех пор, пока жужжание не заполняет ее голову. Сначала туманное ощущение постепенно превращается в Звук, Звук – в узнаваемую речь. То, что начинается как горстка голосов, быстро разрастается до хора сотен, тысяч… Голоса уносят ее в водоворот эмоций, данных и воспоминаний. Она позволяет течению нести ее.

Комната начинает вращаться, и Матильда чувствует, что теряет контроль, теряет сосредоточенность. Прежде чем рухнуть на кровать, девушка замечает маленького ребенка, стоящего за окном комнаты…

…Матильда плывет во Вселенной из данных. Здесь нет никаких границ. Она обитает в мире без горизонта, где все тщательно хранится, тщательно сортируется, мгновенно вспоминается. Матильда остро ощущает свою ничтожность среди ошеломляющего объема информации.

Она наугад берет несколько воспоминаний, анализирует данные, отбрасывает их и тянется за другими. Еще. И еще. Все, что находится в пределах ее досягаемости, все в поле зрения раскрывает ей мириады уровней и взаимосвязей. Ей просто нужно больше данных, чтобы понять более грандиозную модель. В следующей стопке, которую она изучает, она находит слабое, но безошибочное эхо, которое, в свою очередь, приводит ее к другому обширному, связанному кластеру коррелированных данных.

Переходя от одного хранилища воспоминаний к другому, Матильда медленно, систематически расширяет сферу своего интерпретационного анализа. Как будто работая над грандиозной

головоломкой, она начинает с дальнего края и движется к центру, прослеживая многочисленные провода, ссылки, журналы и каталоги – и начинает, наконец, постигать корреляционные созвездия среди расползающегося хаоса. Наконец-то она начинает понимать форму собственных воспоминаний.

Когда последний фрагмент встает на свое место, Матильда впервые видит собственный портрет – незначительный и неполный, но безошибочно узнаваемый.

Волнение и беспокойство проносятся сквозь нее, когда она обращается к личным воспоминаниям – воспоминаниям из реального мира.

…Ей пять лет, и это ее первый день в очередной школе. Осень в этом году в Нью-Йорке необычайно теплая. Матильда смотрит вниз и видит ту же самую форму, что носили остальные дети.

Там так много других детей, и она рада познакомиться с ними всеми. День проносится за несколько секунд, но она переживает все, что пережила тогда.

Проходят дни, и Матильда становится близкой подругой двух своих одноклассниц, Донны и Максин. Каждый день заканчивается с ощущением, что будет здорово увидеть их завтра снова. Каждый день, когда занятия заканчиваются, ее друзей забирают родители. А ее – нет. После школы вежливый, профессиональный водитель приезжает, чтобы забрать ее домой. Она догадывается, что отцы других детей не ездят так часто в командировки. Должно быть, им повезло, что их матери живы.

Матильда хочет избавиться от этого воспоминания. В течение неопределенной вереницы мгновений она все еще может слышать звуки играющих детей, все еще различает исчезающие запахи мела и свежескошенной травы.

Она нерешительно погружается в другое воспоминание.

…Матильде семь лет, и она читает свою любимую книгу «Мифические существа со всего света».

Зимний ветер воет и колотит в окно снегом, загоняя Матильду все дальше под простыни. Она уже несколько дней борется с простудой, но несмотря на то, что чувствует себя физически несчастной, Матильда любит время, которое проводит со своим отцом. Он даже отменил свою деловую поездку, чтобы присмотреть за ней.

С покрасневшим и текущим носом Матильда улыбается и проводит пальцами по существам. В своем воображении она давно подружилась с драконами, единорогами, фавнами и другими животными. Сегодня она читала о древнем сфинксе. Она дала всем имена, и так как сама Матильда – принцесса, они играют с ней ежедневно.

Резкий стук в дверь прерывает ее игру. Высунув голову из-под простыни, Матильда смотрит, как отец входит в комнату с большим, больше ее тела, подносом в руках.

Он напоминает ей, чтобы она отдохнула, и дает чашку горячего чая в ее маленькие руки.

Умиротворенная его присутствием, Матильда засыпает, а отец своим звучным голосом читает о защитниках ламассу…

В воспоминаниях Матильда с трудом различает черты лица своего отца. Часть ее хочет снова получить доступ к нему и сосредоточиться, но она двигается вперед к еще одному блоку памяти.

…Теперь двенадцать. Ее школьная компания устраивает вечеринку по случаю дня рождения, но отец не позволяет Матильде присутствовать.

Он говорит что-то о том, что вечеринка в общественном месте «небезопасна». Матильда ничего не понимает, да и не особенно хочет понимать. Все, чего она хочет, – быть похожей на обычных детей. Ее друзья – хорошие люди, но большинство детей смотрит на нее по-другому. Как может вечеринка быть «небезопасной»? Зачем кому-то причинять ей боль, чтобы «добраться» до отца? Он говорит что-то о своей работе, но она не понимает. Его работа – причина, по которой они так редко видятся, а теперь, видимо, именно из-за нее она не может пойти на вечеринку. Ее отец начинает говорить что-то еще, но Матильда уже сыта этим по горло. Она несется в свою комнату и плачет в одиночестве в подушку…

Выйдя из воспоминаний, Матильда хмурится. Ранние воспоминания более заманчивы, но она мало чему научится у них. С явным чувством неловкости она переходит к следующему периоду.

…Шестнадцать. Ее подруга детства, Донна, была приглашена на вечеринку для взрослых и хочет, чтобы Матильда сопровождала ее. Обычно она не нарушает комендантский час, но Матильда все еще расстроена своим отцом. Еще одно невыполненное обещание из-за работы. Возможно, он уделит ей больше внимания, если она пропадет на ночь. Донна ее все-таки уломала, и теперь Матильда сидит в такси, направляясь на вечеринку. Громкая музыка, танцы и табу на алкоголь – все это слегка шокирует девушку, но Донна предлагает ей выпить. Сначала Матильда чувствует себя отлично, но через некоторое время комната начинает кружиться. Несмотря на возражения Донны, Матильда понимает, что ей пора домой. В автомобиле головокружение только усиливается.

Некоторые части памяти затемнены.

…Ее рвет прямо на обочину дороги. Матильда не помнит, как попросила водителя остановиться. Через некоторое время, оглядываясь вокруг, она нигде не может увидеть такси. Матильда ковыляет по дороге, пытаясь сдержать очередную волну рвоты, от которой у нее сводит мышцы. Все вокруг непрестанно кренится вправо, и теперь она слышит, как сзади приближается машина, видит свою тень, мелькающую перед ней в ярком свете фар. Матильда слышит внезапный пронзительный визг шин, раздающийся совсем рядом, но ее тело реагирует слишком медленно. Свет поглощает ее, когда мир вокруг раскалывается на части…

Матильда вздрагивает и крепко зажмуривается, уже живо представляя себе неизбежное столкновение, но прежде чем машина успевает врезаться, ее выдергивают из воспоминаний. Тянут, против ее воли, через Вселенную данных. Возвращайся.

«Нет, не в хижину», – думает она.

Все по-прежнему расплывчато, и здание быстро исчезает из виду, когда она парит высоко над лесом. Когти, крепко держащие ее, сжимаются, и Матильда снова засыпает.

* * *

Джеймс резко просыпается от страшного грохота, который сотрясает здание. Его первая бессвязная мысль заключается в том, что в задней комнате полуразрушенной хижины взорвалась бомба, но когда он врывается в комнату Матильды, то на мгновение застывает в оцепенении. Противоположная стена хижины лежит в руинах, срезанная вместе с частью крыши, комната распахнута для окружающих деревьев и неба над головой.

Джеймс поднимает глаза как раз вовремя, чтобы заметить обмякшую фигуру Матильды, высоко поднявшуюся в воздух и быстро удалявшуюся, зажатую в когтях массивного крылатого существа.

Джеймс не колеблется; он проскакивает в рваную щель в стене и бежит из хижины к ветхому гаражу. Он планировал исследовать соседнее здание позже – теперь он жалеет, что не потратил время на его изучение. Пнув ногой дверь, Джеймс мгновенно проникает внутрь и произносит благодарственную молитву Системе.

Ржавый зеленый «бронко» собирает пыль и паутину, но почему-то выглядит достаточно крепким. Водительская дверца открывается с визгом, и Джеймс бросает свою сумку на

пассажирское сиденье. Просканировав базы данных, чтобы найти код доступа, он находит ключ к этой марке и модели, и автомобиль возрождается к жизни. Надеясь, что удача не оставит его еще немного, Джеймс направляет «бронко» прямо через расщепленную деревянную дверь в сторону служебной дороги. Шины автомобиля плюются гравием и взлетающей пылью.

Глядя на свой рюкзак, Джеймс не знает, есть ли у него что-то подходящее, чтобы остановить существо. Снова глядя на дорогу, Джеймс ругается и сворачивает, чтобы избежать столкновения с упавшим поперек дороги деревом. Слева сломанные ветви и верхушки бьют в плечо, не давая проехать. Джеймс нажимает на газ, и ржавый зеленый «бронко», как животное, с ревом преодолевает препятствие.

«В следующий раз мне будет все равно. Я буду сидеть прямо в этой чертовой комнате, пока она достает ключ».

Управляя одной рукой, Джеймс тянется к своему инвентарю в поисках оружия. Ищет что-то с убойной силой и высокой скорострельностью. «И точностью», – мрачно думает он, представляя себе Матильду, зажатую в когтях существа.

Его правая рука сжимает руль.

Осматривая небо, Джеймс видит отдаленные очертания летающего существа. Он выводит «бронко» на более широкую подъездную дорогу. Он вдавливает педаль газа в пол, и «бронко» ускоряется, сокращая расстояние. Потянувшись за своим рюкзаком, он выбирает штурмовую винтовку из цифрового инвентаря и надеется, что сможет выполнить эту работу. Существо делает резкий, кренящийся поворот назад к более густому лесу. Ругаясь, Молчун выкручивает руль, чтобы не сойти с нового маршрута.

Он хочет слишком многого от старого ржавого зверя, и Джеймс чувствует неизбежную аварию, прежде чем автомобиль выходит из-под контроля.

Когда «бронко» переворачивается, у него хватает времени, чтобы увидеть дерево, прежде чем врезаться в него.

* * *

Матильда просыпается на сцене открытого амфитеатра. В отличие от захудалой станции рейнджеров, это место выглядит аккуратным и ухоженным. Сев, она потирает лоб, надеясь прогнать дурноту. Она вспоминает погружение в свои воспоминания – такие убедительные, такие яркие, но все же такие разрозненные, такие…

Вздрогнув, она замечает маленького мальчика, стоящего рядом с ней.

– Э-э, привет, малыш. Ты в порядке?

Мальчик не отвечает.

– Ладно. Может быть, у тебя есть имя? А… ты знаешь, как я сюда попала?

Он не шевелит губами, но Матильда слышит чей-то голос. В своей голове.

– Ты здесь, потому что я привел тебя. У меня было имя, очень давно. Оно было Мэтью.

После всего, что она пережила в последнее время, маленький мальчик, который может говорить в ее голове, вполне уместен, но он все еще ее тревожит. Ведьма встает и делает шаг назад, рассматривая мальчика.

– Эмм, ладно. Зачем ты меня сюда привел?

Выражение лица мальчика остается прежним, но голос в ее голове, кажется, гудит от напряжения.

– Мне пришлось, Матильда. Ты переживала свои воспоминания на осязаемом уровне. Если бы тебя сбила та машина, ты бы снова умерла. Так же, как раньше.

Матильда отрицательно покачала головой.

– Нет, погоди. Это не имеет никакого смысла.

Он смотрит на нее все с тем же каменным лицом.

– Покопайся в себе, Матильда. Ты же видела эти воспоминания. Ты всегда знала, что в тебе есть что-то особенное. Единственный способ двигаться вперед – это принять себя такой, какая ты есть.

Матильда зажимает голову коленями.

– О боже, кажется, меня сейчас стошнит.

Голос мальчика продолжает звучать:

– Я должен был остановить тебя, Матильда. Ты слишком важная персона. Гораздо важнее, чем любой из нас.

При упоминании о «нас» Матильда поднимает голову. Одна форма за другой начинает появляться вокруг мальчика на деревянных скамейках театра. Вскоре целый сонм из них становится немой аудиторией, заполняющей амфитеатр. В лунном свете Матильда видит их лица. Она безмолвствует, когда сотни призраков продолжают появляться и смотреть на нее с молчаливым восхищением.

Матильда прижимает руку к виску, пытаясь остановить вращение мира.

– Слушай, хватит. Больше не надо. Я же не мертвая.

Мальчик Мэтью подходит к ней ближе и протягивает руку.

– Ну же, Матильда, нам еще многое предстоит сделать.

Она не берет его руку.

– Кто ты такой, черт возьми?

Мальчик держит одну руку вытянутой вперед, а другой показывает на растущую толпу.

– Мы – те, кто оказался в ловушке между мирами. Те, кто не совершал переход из реального мира в этот. Мы были рассеяны по всему Киберсайду, но я постепенно собрал всех здесь. Система наделила меня полномочиями исправлять некоторые ошибки, допущенные создателями. В своем стремлении войти в этот мир люди не беспокоились об… оставшихся.

Матильда пытается рассмотреть лица других призраков. Они смотрят на нее с немым ожиданием.

– Но чего же ты хочешь от меня?

Мэтью идет вперед, все еще с протянутой рукой. Наконец Матильда тянется к нему, и он сжимает ее руку в своей.

– Ты уже собираешь ключи от Системы. У тебя есть возможность создать другой мир взамен этому. Мир, где у каждого, даже у нас, будет еще один шанс. Ты больше вовлечена в Систему, больше любого. Ты и твой друг находитесь на правильном пути, но как только у вас будут все данные, есть еще одно окончательное решение, которое вы должны принять. Это будет трудно, но помни: каждый изгой, чудовище и прокаженный этого мира будет держать тебя за руку так же, как держу сейчас я.

Все больше призраков продолжают появляться, заполняя скромный амфитеатр. Матильда чувствует, как легко меняется код Системы. Необходимо приспособиться. Она вздрагивает от огромной приливающей волны любви, сострадания и поддержки, которую чувствует.

– И вот еще что, – добавляет Мэтью.

Он придвигается ближе и крепко, тепло обнимает ее. Для такого маленького ребенка в его руках – огромная сила.

– Мы даем тебе нашу веру и надежду, Матильда. Моя паства – теперь твоя…

Она закрывает глаза и чувствует, как сильный ветер проносится по амфитеатру. Матильда теряется в этом мгновении, пока не слышит треск листьев и веток. Открыв глаза, она видит, что осталась на сцене одна.

И вдруг появляется Джеймс. Он бросается к сцене и обнимает ее.

Его объятия очень отличаются от объятий мальчика.

– Матильда! С тобой все в порядке? Что, черт возьми, произошло?

Она хочет ответить, но все еще не может прийти в себя от

встречи с мальчиком, говорящим в ее голове, от восторженного внимания безмолвной толпы вокруг, от накрывшей ее волны любви. По ее щекам текут слезы.

– С тобой все в порядке? – настаивает Джеймс. – Эта штука не причинила тебе вреда?

Не в силах говорить, она улыбается Молчуну.

Вытащив пистолет, Джеймс осматривает линию деревьев. Она пытается взять себя в руки, хотя бы для того, чтобы успокоить Джеймса.

– Полегче, Джеймс. Теперь тебе не о чем беспокоиться.

Джеймс водит своим оружием вверх и вниз по линии, прицеливаясь.

– Ты что, с ума сошел? Там все еще есть тот дракон… – Матильда замечает порез на лбу Джеймса и блестящие осколки на его воротнике и в волосах. – А почему у тебя разбито стекло? Ты в порядке?

Джеймс безумно смотрит ей в глаза.

– Это я-то? Да, я в порядке, это не меня подобрал Джерсийский дьявол.

Взгляд Матильды блуждает по амфитеатру.

– Оказывается, это был всего лишь ребенок, и… ты знаешь, это не важно. Я в порядке. Но я рада, что ты пришел за мной.

Она подходит к ступенькам сцены и садится на ее край.

– Я смогла получить доступ к данным с помощью ключа, и они были… Я узнала кое-что интересное. И чувствую себя… по-другому.

Джеймс смотрит на нее с тревогой.

– Подожди, отойди на секунду. Какой ребенок?

Матильда смеется.

– Серьезно, не волнуйся об этом сейчас. Давай просто уйдем отсюда. Когда мы найдем место, где сможем спрятаться, я тебе все расскажу.

Джеймс вскидывает руки.

– Отлично, ты делаешь это, чтобы отомстить мне, не так ли?

Когда они выходят из амфитеатра, Матильда замечает голубя, сидящего на соседней ветке. Глаза птицы удивительно похожи на глаза Мэтью.

* * *

Наконец выйдя из леса, Джеймс и Матильда натыкаются на городок Шамонг. Как и большинство поселений вокруг района Уортона, он был полностью заброшен. Когда они проезжают через

город, Джеймс указывает на захудалый мотель.

– Похоже, мы только что покинули территорию Уортона. Наши часы будут сброшены. У нас есть немного времени, чтобы отдохнуть, если ты хочешь.

Матильда устало стонет, соглашаясь. Войдя в мотель, Джеймс, не теряя времени, направляется к крошечному бару с одной стороны от вестибюля. Матильда следует за Джеймсом и смотрит, как он открывает одну запыленную дверцу шкафа за другой.

– Ага! – наконец восклицает он.

Сгорая от любопытства, Матильда наклоняется в дверном проеме:

– Что ты там делаешь?

С торжествующей улыбкой Джеймс поднимает бутылку виски.

– Похоже, они оставили здесь кое-что интересное. Теперь мне просто нужно найти пару бокалов.

Матильда показывает ему большой палец и подтягивает столик к паре кожаных кресел. Она плюхается в одно из них, поднимая облако пыли. Джеймс ставит бутылку на стол и осторожно опускается в другое кресло.

Матильда смотрит на Джеймса, на бутылку, потом снова на Джеймса.

– Что, совсем безо льда?

Джеймс усмехается, когда они чокаются бокалами. Какое-то время они молча наслаждаются алкоголем. Матильда первой снова наполняет свой бокал:

– Молодец, дедуля.

Джеймс сгибает правую руку, прежде чем налить себе еще один.

– Матильда, нам надо поговорить.

Ведьма вздыхает и ставит свой бокал на стол.

– Да, я давно этого жду. – Она прикусывает губу.

Матильда надеется, что алкоголь поможет им.

Джеймс глубоко вздыхает.

– Я должен был сказать тебе кое-что давным-давно. Мне очень жаль.

Матильда широко раскрывает глаза. Она не думала, что у Молчунов есть навыки, необходимые для того, чтобы извиниться.

– Вообще-то я сожалею о многом, – продолжает он. – Прости за то, что не дал тебе больше самостоятельности. За то, как я вел себя в Шпиле. В любое время я заставлял тебя чувствовать себя неуютно из-за того, что ты Ведьма.

– Джеймс, ты не виноват. – Матильда поднимает руку.

Но Молчун продолжает:

– Нет, я знаю. Это путешествие было трудным. Я пережил эмоции, которых у меня уже давно не было. Я знаю, что могу быть настоящей занозой. – Джеймс неловко улыбается, и Матильда хихикает, качая головой.

– Да, но со мной тоже нелегко работать…

Джеймс тянется к своему бокалу:

– О боже, иногда ты просто чудовище.

Матильда выгибает бровь и бесстрастно смотрит на него, позволяя тишине заполнить комнату. Достаточно помучив его, она смеется.

Улыбаясь, Джеймс продолжает:

– Но посмотри на все, что мы сделали, – работорговцы, Вирджиния, Шпиль, чертов Джерсийский дьявол. Мы зашли так далеко вместе, и ничто нас не остановило. Я думаю, это и есть то, что я пытаюсь сказать… – Он поднимает свой бокал. – За нас! – Довольный, Джеймс откидывается на спинку стула и тянется за сигаретой.

Матильда поднимает свой бокал, чтобы встретить его, и тихо говорит:

– Джеймс, мне тоже нужно кое-что сказать. Это не имеет смысла, но… я думаю, что видела свою смерть. В реальном мире. Я получила доступ к своим воспоминаниям, и вот это была… автокатастрофа.

Джеймс просто смотрит на нее. Он медленно качает головой.

– Нет. Нет, это не имеет смысла.

Матильда смотрит на остатки напитка в своем бокале.

– Я не совсем уверена. Может быть, я ошибаюсь, но я знаю, что видела.

Джеймс затягивается сигаретой, прежде чем заговорить:

– Нет, если ты умрешь в реальном мире – тогда тебе нечего будет передавать.

Она допивает свой напиток, но не смотрит на него.

– Понимаю.

Молчун берет бутылку и щедро наливает ей еще.

– Может быть, это была иллюзия или ложное воспоминание. Или чьи-то чужие воспоминания смешались с твоими так или иначе. Ты сказала, что было много, э-э, голосов, когда ты надела браслет, так?

Матильда вяло пожимает плечами.

– Да, может быть, ты и прав. Забудь, что я об этом сказала.

Матильда наблюдает за тем, как Джеймс изо всех сил пытается осознать смысл услышанного.

– Может быть, это как-то связано с тем существом, с которым

ты столкнулась. Ты же сказала, что оно вытащило тебя из воспоминаний – может быть, оно могло также манипулировать ими?

Матильда отрицательно качает головой.

– Нет, не думаю, что это то, что сделал бы Мэтью.

На лице Джеймса появляется замешательство. Он делает еще глоток и продолжает:

– Может быть, лучше рассказать мне все прямо сейчас.

Матильда потирает затылок.

– Это существо было маленьким мальчиком – по крайней мере, так он сказал. Он называл себя Мэтью, он вытащил меня из этого воспоминания. Из автокатастрофы. Если бы я осталась там – он сказал, что я бы умерла. Он повел меня в театр. Привел к своей пастве.

Джеймс склонился к бокалу.

– К пастве?

Матильда потерла виски.

– Это люди, погибшие во время Транзита, как он сказал.

Она заметила, что рука Джеймса начинает дергаться.

– Но это невозможно. Он сказал, почему помог тебе?

Она снова смотрит на бокал в руке, наклоняя его из стороны в сторону.

– Он сказал что-то насчет веры в то, что мы делаем. Сброс настроек Системы.

Она видит, что Джеймс совсем не рад этой новости.

– Мне не нравится мысль, что это существо знает о наших планах. Как он узнал об этом? Что, если он кому-нибудь расскажет?

Матильда отпивает из своего бокала.

– Я не думаю, что мы должны беспокоиться об этом. Доверься мне.

Джеймс откидывается на спинку кресла и закуривает сигарету. Он не выглядит убежденным.

– Ну, я просто рад, что с тобой все в порядке, – наконец произносит он.

Матильда ставит бокал на стол.

– Есть еще кое-что. С тех пор как я начала получать доступ к ключам, я чувствовала себя… *другой*.

Джеймс выпрямляется в своем кресле.

– Что ты имеешь в виду?

Неуверенность в себе снова закрадывается в сознание Матильды.

– Знаешь что, это действительно ничего не значит. У меня просто не было тяги к тому, чтобы быть Ведьмой. Я думаю, это

хорошо.

Очевидно, Джеймс подозревает, что это еще не все, но она благодарна, когда он больше ни о чем не спрашивает.

Она продолжает пить, в то время как Молчун курит. Наконец он откашливается.

– Я бы сказал, что на сегодня хватит. Завтра нам нужно пробраться тайком на подстанцию.

Матильда встает и протягивает Джеймсу руку.

– Следующая остановка – Метрополис.

Джеймс хватает ее за руку, и она тянет его вверх.

– Метрополис. И больше никаких чертовых деревьев.

19. Анклав

Метрополис, столица и центральный узел Анклава. Матильда ошеломлена масштабом всего происходящего. Вавилон был впечатляющим, но штаб-квартира Симмонса относится к совершенно другой категории. В то время как Донован воссоздал город наподобие Лос-Анджелеса, версия Нью-Йорка по Симмонсу была грандиозной.

Роскошные здания плавали в воздухе над шумным городом внизу, как безупречные заветы того, чего граждане смогут достичь, если последуют правилам Симмонса. Ховеркары дрейфуют по воздуху, сплетаются в замысловатые конструкции трубы. Если плавающие, элегантные дома являются кульминацией самых возвышенных видений Метрополиса, то город внизу – это все нечистоты из его самых темных снов.

Этот очень эклектичный город – плавильный котел для мириад регионов, находящихся под властью Анклава.

Город разбит на различные секторы под наблюдением массивных контрольных башен, которые парят в небе, каждая из которых действует как оперативный центр для анклавных вооруженных сил.

Семь Башен Свершения – это лучшее достижение Симмонса, с одним особо масштабным архитектурным ансамблем, вздымающимся в небо выше остальных. Пирамида, штаб-квартира Анклава – это место, откуда Симмонс руководит своими владениями. Матильда дивится этому зрелищу, разинув рот в благоговейном ужасе.

– Боже мой, какие они огромные! Как Симмонс построил все это?

Джеймс смещается в своем кресле, поскольку они подлетают все ближе к Метрополису.

– Эксплуатируя других людей. Применяя силу или вводя в заблуждение, он заставляет людей следовать своим правилам.

Матильда отворачивается от окна.

– Что ты имеешь в виду?

Он указывает на неясные очертания горизонта.

– Здесь все пытаются забраться наверх. Как только оказываешься там, бизнес в Метрополисе становится для тебя жестокой игрой. С одной стороны, Симмонс, вне всякого сомнения, построил самую эффективную структуру для работы. С другой – это беспощадная, безжалостная империя, основанная на прибыли и успехах.

Матильда вытягивает ноги в кресле.

– Это, по крайней мере, имеет хоть какой-то смысл, по сравнению со Шпилем. Ты много работаешь, но остаешься на вершине, верно? Лучше исходить из этого, чем следовать чьим-то прихотям.

Молчун слегка хмурится.

– Их род «бизнеса» не менее опасен и коррумпирован, чем другие. Условия контракта, трафик, принуждение – все это просто разные методы контроля. Это просто переупакованная версия шантажа и вымогательства в Вавилоне.

Матильда проводит пальцем по очертаниям огромных небесных башен в окне.

– Если Вавилон и Метрополис всегда вцепляются друг другу в глотки, как ты думаешь, у Донована тоже есть здесь свои люди?

Джеймс фыркает:

– Я бы ни секунду не надеялся на помощь с его стороны.

Матильда разминает затекшую шею.

– Да, думаю, что мы все равно не сможем им доверять. Итак, этот чувак Симмонс – расскажи мне все, что ты о нем знаешь. Я хочу подготовиться.

Джеймс лезет в рюкзак и достает оттуда фляжку. Сделав большой глоток, он предлагает ее Матильде.

– Честно говоря, он не был плохим парнем в начале. Я думаю, что его переломный момент был, когда начали подбирать военные контракты. Симмонс видел в этом большой прорыв. Но это тащило его через грязь лоббистов, правительственных агентств, откаты, вот это все. Никто никогда не говорил об этом, но все видели перемены. Прежде чем мы успели моргнуть, половина активов компании были недоступны, уже вложены в разработку технологий для кучи секретных организациий.

Матильда пьет из фляжки.

– Например, секретное оружие Джеймса Бонда и все такое?

Джеймс берет фляжку из ее рук.

– Нет, ничего настолько экзотического. Скорее отслеживание данных и протоколы наблюдения. За это время он приобрел много вредных привычек. – Джеймс делает большой глоток из фляжки и смотрит в окно.

– И это отражается на его городе.

Рельсовая дорога слегка опускается, начиная спускаться к нижнему уровню. Со своего места Матильда наблюдает за людскими потоками, несущимися по улицам города, и видит, что все они генерируют трафик для империи Симмонса. Матильда восхищенно смотрит на приближающуюся пирамиду.

– Будет нелегко попасть внутрь. Мы же не можем просто ворваться туда.

Джеймс кивает:

– Ты совершенно права. Весь город делится на районы в зависимости от финансового состояния. Чем ближе ты хочешь быть к пирамиде, тем более успешным ты должен быть. Это называется «лестница».

Матильда фыркает:

– Ух ты, похоже на «восхождение по корпоративной лестнице», а? Это все твои старые друзья по работе так креативят? Если секторы основаны на финансовом положении, нам понадобится экспресс-план. У нас точно нет времени на долгую подготовку.

Джеймс делает еще один глоток из фляжки:

– Я могу «прорубить» первые несколько шагов, не привлекая к себе слишком много внимания, но мы должны будем найти способ продвинуться без…

Джеймс останавливается и пристально смотрит на Матильду.

– Ты сказала «на долгую подготовку»?

Матильда усмехается, и Джеймс продолжает:

– Если хочешь избежать света, надо шагать в тени.

Матильда на несколько секунд задумалась. И быстро повернулась к Джеймсу:

– Ты хочешь путешествовать в темноте? Ты что, с ума сошел?

Джеймс пожимает плечами и слегка улыбается:

– Наша удача была с нами так долго. Кто сказал, что везение не продлится еще немного?

Матильда выхватывает фляжку у него из рук и допивает то, что в ней осталось, вытирая рот рукавом.

– Ты говоришь о том, чтобы уйти… в Бездну. Это не проиндексированный лабиринт, в который больше никто не ходит.

Джеймс встряхивает пустую фляжку, прежде чем положить ее обратно в сумку.

– Ну, я рассчитываю, что никто туда не поедет. Учитывая то, что случилось с Вирджинией и Хэнком, мы должны предположить, что Том Симмонс что-то подозревает. Охрана будет слишком сильной на поверхности. Мы никогда ее не победим. Глубина – единственный путь, но ты права, это лабиринт. Вот почему нам нужно найти кого-то, кто знает его вдоль и поперек.

Матильда прикусывает щеку.

– Дай угадаю. Ты же знаешь кое-кого.

Джеймс слегка кивает. Матильда наблюдает за его дергающейся рукой.

– Джеймс, а этот человек считает тебя другом?

Джеймс пожимает плечами.

– Э-э… Другом, нет. Знакомым, может быть. В обычных обстоятельствах я бы избегал Тора и заодно его Оникуму. Они не совсем те люди, которым ты хотел бы быть обязанным.

Теперь настал черед Матильды хмуриться.

– Если они не твои друзья, то нам действительно нечего им предложить.

Джеймс показывает на город за окнами «маглева».

– Они считают себя анархистами. Любой шанс разрушить Анклав – это победа, по их мнению. Я думаю, они помогут нам, как только узнают, что мы пришли за Симмонсом. Это шайка прославленных контрабандистов, торговцев наркотиками и убийц, но они могут помочь нам добраться туда, куда нам нужно.

Матильда снова смотрит на пирамиду.

– Я запишу это. Это твой самый глупый план.

Поезд замедляет ход, когда они въезжают на станцию.

– Доверься мне. Что может пойти не так?

Матильда пристально смотрит на нависшую над ней плавучую пирамиду. Она не может не думать о ключе Симмонса и о том, какие секреты он хранит. Это последний шаг к завершению сделки с Донованом.

– Надеюсь, ты прав.

* * *

Джеймс движется вместе с толпой людей, выходящих из Железнодорожного порта. Охранные ворота впереди звенят, записывая и помечая каждого путешественника в соответствии с их финансовым положением. Дельты, Теты и Эпсилоны движутся вместе, образуя коммутирующую массу. Джеймс замечает в толпе несколько Гамм и Бет. Это необычно, но не неслыханно. Вспышки периферийного движения над головой заставляют Молчуна смотреть вверх. Частные ховеркары Альф заполняют небо. Вертолеты и ховеркары относятся к привилегированному снаряжению, когда человек достигает верхних эшелонов лестницы.

В третий раз с момента высадки Джеймс смотрит на свой интерфейс. Их нынешняя скромная маскировка не позволит им такой роскоши.

Всегда предпочитая ошибаться из предосторожности, Джеймс придал им обоим вид скромного Каппы. В толпе более высокопоставленных людей маскировка действительно даст им что-то полезное, будет их бонусом. Каппы и Йоты живут на

бедных окраинах владений Анклава. Некоторые назвали бы их в лучшем случае деревенщиной, в то время как другие видят в них кого-то немногим лучше индексированных варваров, словом, отбросы общества, иногда полезные для Анклава. Несмотря на личное пространство, предоставленное им, их статус означает, что нужно будет поменять поезда на подземную систему.

В вагоне подземного транспорта Матильда морщит нос.

– Внешний вид – это одно, но разве ты должен был давать нашему камуфляжу такой плохой запах? Я поняла, почему люди шарахаются от нас.

Джеймс улыбается, показывая ряд гнилых зубов, которые соответствуют состоянию его потрепанной одежды. Он больше похож на взъерошенного бродягу, чем на трудолюбивого наемника. Маскировка Матильды ненамного лучше, чем у него, но в ней есть хоть толика стиля. С ее потрепанными мехами и поношенным костюмом Ведьма выглядит как гибрид викинга с Бедовой Джейн.

Когда они выходят из метро, Джеймса поражает стена мокрого мусора, дешевой выпивки и какой-то непонятной вони, которую он не может даже идентифицировать. Сделав знак Матильде следовать за ним, Джеймс направляется к давно не работающим эскалаторам, ведущим в город. Жители, которые населяют станцию, воняют дешевым алкоголем и явно находятся под воздействием разных других, более вредных веществ. Джеймс узнает «Заблуждение», «Выключатель», «Червя Радости» – несколько вредоносных аналоговых вирусов, разрушающих пользовательский код, чтобы не дать им сбежать из брюха жадного Метрополиса.

Запах меняется, когда они достигают вершины, но Джеймс не сказал бы, что он становится лучше. Проститутки продают свои услуги прямо на улицах, в то время как сутенеры стоят рядом. Уличные торговцы продают широкий ассортимент товаров для прохожих – все, от контрабандных товаров до незаконного программного обеспечения для взлома ключей доступа к играм. Оружие запрещено тем, кто находится в городе, но Джеймс знает место, где его можно купить.

Молчун обходит лужу коричневатой жидкости на тротуаре, увлекая Матильду в сторону:

– Держись рядом. Зона должна быть не слишком далеко отсюда. Тор чересчур осторожен, чтобы околачиваться здесь, но я предполагаю, что там будет кто-то из Оникума. Я слышал, что это рекрутинговая зона для их группы.

Матильда морщится, когда они обходят очередную мерзкую лужу.

– Итак. Я понимаю, что им не нравится Анклав, но я все еще не совсем уверен, что эти ребята из Оникума на самом деле делают.

Джеймс проходит мимо продавца, предлагающего бесплатный образец «Выключателя».

– Они координируют нападения на силы Анклава. Ищите лазейки в системных каталогах пирамиды. По крайней мере, это то, что они хотят. Основное время они занимаются контрабандой товаров в город. Скажут, что это для поддержки их других операций, но если они посвящают львиную долю твоего внимания чему-то вроде этого, то я начинаю сомневаться в их намерениях.

Матильда склонила голову набок.

– Ты как будто немного огорчен этим.

Джеймс слабо улыбается, скрывая резкость своего тона.

– У меня есть проблемы с людьми, обещающими перемены, а затем просто использующими людей для своей собственной выгоды. Они создали свою маленькую империю, в основном воруя у Симмонса.

Джеймс указывает на противоположную сторону улицы, и они направляются к неприметной двери. Матильда смотрит на незаметный вход.

– Ты уверен, что это то самое место?

Джеймс подмигивает ей и стучит в дверь. Через несколько секунд появляется цифровой экран, запрашивающий пароль. Джеймс тянется к клавиатуре, но останавливается. Повернувшись к Матильде, он спрашивает:

– А что сегодня?

Она растерянно смотрит на него:

– Что?

Джеймс снова смотрит на экран.

– В этот самый день недели. Сегодня же среда, верно?

Получив доступ к клавиатуре, он вводит SILKROAD в поле пароля.

Дверь с тяжелыми стержнем и магнитным замком открывается с громким лязгом. Когда она со скрежетом закрывается за ними, Молчун и Ведьма идут по тускло освещенному коридору, пока не оказываются в приемной, где сидит здоровенный татуированный вышибала. Он смотрит на них с подозрением.

– Вход стоит пятьдесят кредитов за каждого. Деньги вперед – если они у вас, деревенщины, есть. – Он смотрит на Молчуна, но кивает Матильде. – И нет, ты не можешь заставить ее «отработать» вступительный взнос.

Игнорируя его заявление, Джеймс вводит кредиты в

терминал, и вышибала отступает с их пути.

– Казино и бары на четвертом и пятом этажах, стрип-клуб – на шестом. С семи до девяти вы можете получить комнату для уединения.

Он смотрит на Матильду.

– Они берут дополнительную плату, если вас двое. Если вы ищете что-то действительно оригинальное, что бы сбило вас с ног, просто спросите. Есть много чего на каждом этаже. Можно пить, стрелять, курить или нюхать.

Джеймс стоит неподвижно.

– Я ищу бар.

Вышибала с отвращением смотрит на Молчуна:

– Ты что, глухой или тупой? Бары находятся на четвертом и пятом этажах.

Джеймс качает головой и лезет в карман.

– Нет, не такой бар.

Он достает старую монету с перечеркнутой буквой «Б» на ней. Поставив ее на стойку с легким щелчком в наступившей тишине, Джеймс терпеливо ждет. Уставившись на монету, вышибала наконец меняет свой тон и манеру поведения. «Так-то лучше», – думает Джеймс.

– Прошу прощения, сэр. Все для вас. И вы можете отключить эти камуфляжные коды. Вам понравится.

Джеймс забирает монету и прячет ее обратно в карман.

– Мы бы предпочли оставить все как есть.

Вышибала почтительно кивает и жестом приглашает их войти.

– Как вам будет угодно, сэр. Но остальным это не понравится.

Матильда проходит мимо вышибалы.

– Мы все-таки попробуем.

Вышибала продолжает им вслед:

– Не говорите потом, что я вас не предупреждал.

Он нажимает на кнопку, и настенная панель отодвигается, открывая отдельный проход. В конце концов Джеймс и Матильда находят небольшую комнату с игорными станциями и богато украшенным баром. В углу музыкальный автомат играет *Florence + The Machine*. Официантки перемещаются между клиентами, собирая пустые бокалы и возвращая полные. Джеймс подходит к бару и делает знак барменше. Она поднимает на него скучающий взгляд снизу вверх. Ее светлые кудри и блузка с глубоким вырезом открывают бросающуюся в глаза татуировку на груди. Джеймс обращает внимание на символ цикады.

– Какие у тебя там интересные чернила.

Выражение ее лица меняется со скучающего на почти

заинтересованное.

– Если тебе это нравится, милый, ты должен увидеть остальное.

Матильда издает полный отвращения стон.

– Фу, гадость какая. Дайте мне знать, когда закончишь с этим всем.

Барменша смеется, и Джеймс использует свое преимущество.

– Как бы мне ни хотелось продолжать в том же духе, как насчет того, чтобы я просто скажу тебе номер?

Улыбка исчезает с лица барменши, и рука тянется под стойку.

– Тщательно подбирай свои следующие слова, красавчик, или это будет не единственное мерзкое зрелище, которое увидит юная леди.

Джеймс закрывает глаза, возвращаясь к нужному воспоминанию.

– Тридцать три, ноль, один.

Он открывает глаза и видит, что барменша откинулась назад, руки ее были без оружия, скрещены на груди.

– Чего ты хочешь?

Джеймс кладет ладони на стойку бара:

– Мне нужно поговорить с кем-нибудь из Оникума.

Женщина тянется за стаканом. Случайное движение.

– Это может занять минуту. Может, выпьешь чего-нибудь?

Джеймс кивает:

– Да, конечно. «Московский мул» для меня и… – он показывает большим пальцем на Матильду. Переключив внимание на нее, он ждет ее ответа.

– Ух… ну давай пиво или что-то типа того.

Барменша искренне смеется:

– Хорошо, дорогая, так я могу предложить немного меньше.

Барменша наливает пиво в стакан.

– Итак, как я должна вас представить по телефону?

Джеймс оглядывает толпу, пока барменша ставит перед Матильдой пиво.

– Пусть они позвонят своему боссу и скажут, что его «друг из Сакраменто» в городе.

Женщина ставит перед Джеймсом металлическую кружку.

– Хорошо, шеф, если вы хотите, чтобы я сказала именно это. Если это подтвердится, вы встретите своего парня. А если нет…

Джеймс берет кружку.

– Да-да, я знаю.

Когда она уходит, Джеймс делает глоток своего напитка, морщится и ставит его обратно.

– Как тебе пиво?

Матильда отпивает из своего стакана.

– Немного больше градусов, чем хотелось бы.

Она поворачивается на своем барном стуле, чтобы посмотреть на комнату позади них.

– Так ты думаешь, что один из этих парней и есть тот, кого мы ищем?

Джеймс медленно поворачивается, чтобы осмотреть комнату со своей медной жестянкой в руке.

– Трудно сказать наверняка, но все они имеют доступ к этому месту, так что должны делать что-то… специфическое. Вон тот парень в углу выглядит как контрабандист эмоций.

Матильда отпивает еще немного пива и говорит, уткнувшись в стакан.

– А как насчет той девушки в пиджаке? С перчатками.

Молчун переводит взгляд на привлекательную женщину в кожаном пиджаке.

– Хм. Перчатки выглядят так, как будто они могут иметь точное программное обеспечение, закодированное в них. Может быть, она убийца. Знает, как обращаться с оружием. Может быть.

Джеймс неохотно отпивает из своей кружки, а Матильда оглядывает стоящую рядом группу посетителей.

– Ну, эти ребята – хакеры. Я имею в виду, зачем еще им понадобилась портативная консоль?

Джеймс замечает старую сенсорную панель IBM. С ее помощью хакер, вероятно, мог бы получить доступ к другим районам Метрополиса. Он собирается что-то сказать, но ведьма перебивает его:

– Похоже, твоя подруга вернулась.

Джеймс оборачивается и видит барменшу.

– Ну, похоже, мне все-таки не придется в тебя стрелять. Твой парень вон там.

Она указывает в угол, на мужчину в лесной камуфляжной куртке. Джеймс со вздохом встает, похлопывает себя по карманам и направляется к нему. Матильда делает последний глоток пива и следует за ним.

Мужчине под сорок, и на его обветренном лице расплывается улыбка.

Он приветствует их с выраженным британским акцентом, когда они приближаются:

– Привет, приятель. Садитесь. Меня зовут Шон. Я позвонил боссу, и все подтвердилось. Значит, ты, должно быть, Молчун, Джек?

Матильда делает шаг вперед, но Молчун молча

останавливает ее рукой.

– Послушай, Шон, меня зовут Джеймс. Я начинаю реально уставать от всех этих условностей, которые мне нужно учитывать. Когда это Тор стал таким параноиком?

Шон пожимает плечами, хотя его улыбка становится все шире:

– Да, да, прошу прощения за это. Хитрый бизнес, не так ли? В последние пару дней мы очень сильно пострадали. Это заставляет всех нервничать.

Шон машет рукой одному из официантов.

– Так как насчет того, чтобы еще выпить, а? Покажу тебе, что все путем.

Джеймс качает головой.

– Нет, мы уже достаточно выпили и потратили впустую много времени. Нам пора уходить.

Улыбка Шона слегка увядает.

– Не беспокойтесь. В любом случае вы на верном пути.

Он встает и указывает на служебный вход. Джеймс жестом просит Шона взять инициативу на себя.

– И ты сказал, что Тор был параноиком. Ну хорошо.

Шон достает из-под стола рюкзак и перекидывает его через плечо. Приготовившись, он как истинный джентельмен слегка кланяется Матильде.

– Здравствуйте, мисс. Я буду очень рад, если вы последуете за мной.

Ведьма кивает.

– Кстати, меня зовут Матильда.

Шон кивает и пятится назад.

– Приятно слышать, милая. Похоже, мы все отправились на поиски приключений.

Джеймс закатывает глаза. Шон поворачивается кругом и ведет их через кухню. Внезапно остановившись, их проводник снова поворачивается лицом к Молчуну, держа руку в кармане куртки.

– Почти забыл. Вам обоим это понадобится. Хорошо, что я знал, что вас будет двое, а? – Он достает пару серебряных колец с затейливой гравировкой в виде четырехлистного клевера.

Джеймс осторожно наклоняется, чтобы рассмотреть их.

– Это похоже на «глушилки».

Шон кивает, соглашаясь.

– Так и есть. С ними вам будет проще избавиться от преследователей. По крайней мере, на какое-то время. Кроме того, вы сможете отключить эти модули камуфляжа. Нет смысла разряжать ваши батареи.

Матильда надевает кольцо и смотрит на Шона.

– Откуда ты знал, что нас будет двое?

Шон разводит руками и пожимает плечами.

– Угадал, только и всего. Все говорили о двух путешественниках, которые сбили Хэнка и подожгли Шпиль. У Тора было предчувствие, что вы двое собираетесь пробраться сюда.

Джеймс хмурится, услышав это:

– Было очень проницательно с его стороны.

– Что значит «подожгли»? – спрашивает Матильда, вглядываясь в его лицо.

Его улыбка дрогнула под ее пристальным взглядом.

– Ну, я имею в виду… Шпиль охватил хаос, не так ли? Их король мертв, и никого нет ему на замену. Он превратился в территорию гражданской войны. Люди разрывают друг друга на части, не так ли?

При этих словах плечи Матильды поникли. Джеймс указал на выход.

– Ладно, хватит об этом. Давайте двигаться дальше.

Глаза Шона заметались между Ведьмой и Молчуном, словно тот пытался понять, что же сказал не так.

– В любом случае держитесь ко мне поближе.

20. Подземелье

Шон повел их по закоулкам и боковым улочкам Метрополиса, известным как «Голландский город». Группа избегала густонаселенных районов, растущего числа граждан, просыпающихся в течение дня. Матильда поторапливалась, чтобы не отстать, но остановилась, когда заметила банду наемников, загружающих грузовик несколькими мешками размером с человека. Мешки, похоже, шевелились.

Она потянулась за ножом, но Шон остановил ее:

– Здесь хорошими манерами будет не пялиться, детка. Лучше оставь их в покое.

Неодобрительное выражение лица Джеймса на самом деле останавливает ее.

– Ну же, Матильда, – нам предстоит еще большая битва.

Она неохотно делает им знак продолжить путь. Шагая следом, Матильда прислушивается к их разговору.

Джеймс спрашивает:

– Ты упомянул, что в последнее время безопасность Анклава была нарушена. Вы усиливали свои атаки?

Смех Шона эхом отдается в переулке.

– Можно и так сказать. Тор недавно нацелился на личные владения Симмонса. Так что эти ублюдки из анклавного спецназа довольно сильно ударили по нам. Чертовы козлы, вот они кто.

Матильда наблюдает, как Джеймс достает пачку сигарет и предлагает одну Шону.

– Спасибо, – бормочет тот, закуривая. – Да, потеряли пару друзей во время своих набегов. – Он выдыхает облачко дыма, пока Джеймс тоже закуривает сигарету. – И все же ущерб, нанесенный имуществу Симмонса, того стоил.

Джеймс выдыхает, глядя на него:

– Ах вот как?

Шон снова смеется.

– Да. Взорвали некоторые из его хранилищ данных довольно красиво. Выкачали изрядную долю ресурсов.

Джеймс кивает.

– Да, это здорово разозлило Симмонса. Держу пари, так он привлечет больше народа к вашему делу.

Голос Джеймса звучит довольно небрежно, но Матильда видит, что он ищет дополнительную информацию. Что-нибудь полезное, прежде чем они доберутся до Тора.

– Эх, у нас была куча парней, которые ломились в дверь, чтобы попасть внутрь. Конечно, мы выбрали несколько лучших,

но Тор хочет залечь на дно на некоторое время. Ребятки нуждаются в обучении. Они все думают, что могут постоять за себя на поле боя. Но слишком много играют. Даже так, у многих кишка тонка, чтобы бродить во Тьме.

Матильда выдает:

– Тоже мне, ребята Симмонса.

Шон оглядывается назад, словно забыв о ее присутствии:

– В чем дело, милая?

Ведьма вздыхает:

– Ты сказал, что Тор хотел залечь на дно после всех набегов и люди приходили, чтобы присоединиться. Он, вероятно, предположил, что Симмонс пытался подослать кого-то в вашу банду.

Шон озадаченно смотрит на нее, но Джеймс ухмыляется и кивает.

– Забудь об этом, ничего страшного. – Матильда закатывает глаза.

Они следуют за Шоном еще несколько кварталов. Матильда собирается спросить: «Мы уже там?» – но их проводник наконец останавливается.

– Вот мы и на месте, – говорит Шон, подходя к ремонтному люку. Наклонившись к ржавой крышке, он изо всех сил пытается открыть ее. Джеймс делает шаг вперед, чтобы помочь, и крышка в конце концов со стоном сдается.

Шон кланяется и делает учтивый жест в сторону темного туннеля.

– Дамы вперед.

Прежде чем Джеймс успевает вмешаться, Матильда направляется к входу. Ухмыляясь, она спускается по лестнице. Старается делать по одному шагу за раз, надеясь, что дно скоро покажется. Ее внимание рассеивается, когда Шон закрывает за ними люк, гася последнее освещение из верхнего мира. Ослепленная темнотой, Матильда резко останавливается.

– Э-э… мне нужна помощь.

Голос Шона эхом отдается от стен вокруг нее.

– Конечно, береги голову.

Матильда слышит над собой треск светящейся палочки.

– Смотри вниз! – восклицает Шон.

Удар палочки по голове на самом деле не причинил ей боли, но Матильда все равно вскрикивает.

Зажженная палочка падает вниз шахты.

– Эй, осторожнее!

Посмотрев вниз, она видит дно служебного туннеля и пол, теперь залитый неоново-зеленым светом. Продолжая свой спуск,

Матильда достигает дна, и ее глаза привыкают к темноте. Джеймс спускается вниз вскоре после нее, а следом за ним и Шон, который поднимает светящуюся палочку и протягивает ее Матильде.

– Держи, дорогая. Сувенир.

Матильда знает, что ни один из них не видит ее лица, но все равно закатывает глаза. Взяв светящуюся палочку, она наблюдает, как Шон зажигает новую и встряхивает ее. Он говорит шепотом:

– Теперь уже недалеко. Просто держись рядом.

В темноте Матильде трудно судить, как далеко они прошли. В конце концов они выходят в открытую комнату, освещенную двумя факелами. Рядом с каждым факелом стоят два охранника с экзотическими на вид винтовками, высококлассным оборудованием, которое выглядит неуместным в этих подземельях.

Шон подносит свою светящуюся палочку к лицу и издает незнакомый Матильде птичий свист.

С другого конца комнаты отвечает один из охранников:

– Ты носишь шляпу, приятель?

Матильда машинально переводит взгляд в тусклом свете факелов на черную шапочку на голове Шона.

– Все наши шляпы черные, мой друг. Со мной еще пара приятелей Тора. Он должен нас ждать.

Один охранник наставляет свою винтовку на вновь прибывших, в то время как другой тянется к ближайшему коммуникатору.

Матильда не слышит ни его слов, ни ответа с другого конца провода.

– Все сходится, Джо. Дай им пройти.

Они следуют за Шоном мимо поста охраны через коридоры, которые паутиной выходят в огромную сеть других подсекций. Матильда пытается следить за поворотами на случай, если ей и Джеймсу придется возвращаться ко входу самостоятельно, но быстро понимает тщетность своих усилий.

Через несколько минут Шон ведет их в командный центр, заполненный персоналом, компьютерными станциями, оружейными стеллажами и припасами. Матильда смотрит на то, что кажется цифровой картой базы, но не может полностью понять, что она видит.

– Это место не может быть таким большим. Как мог Анклав не заметить это?

Ее комментарии заставляют некоторых обернуться в комнате, но Шон смеется:

– В этом вся прелесть Тьмы. Мы используем технологию под

названием «Мгновенный сдвиг». Мы существуем в гораздо меньшем пространстве снаружи, чем внутри структуры. Таким образом, мы можем обмануть Анклав, не разрушая все.

Она качает головой:

– Погоди, какого черта?

Шон снова смеется и пожимает плечами:

– Добро пожаловать в Тьму, маленькая. Дерьмо не обязательно должно иметь смысл. Оно просто должно работать.

Матильда поворачивается к Джеймсу, но тот молча оглядывает комнату.

– Конечно, Тор устроился в канализации. Боже, он такой же ненормальный, как и всегда.

Шон улыбается этому замечанию.

– Кстати, похоже, что старика здесь нет.

Шон хватает за руку проходящего мимо техника.

– Эй, Эван, ты не знаешь, где этот здоровяк? У меня есть два человека, которые хотят его видеть.

Мужчина молча смотрит на Ведьму и Молчуна.

– Последнее, что я о нем слышал: он был в своем кабинете. Я бы начал оттуда.

Шон сцепляет руки вместе.

– Похоже, я тебе еще нужен.

Выходя из командного центра, Матильда спрашивает Джеймса:

– Мне показалось, ты что-то знаешь. Я ничего не понимаю. Где мы, черт возьми, находимся?

Джеймс пожимает плечами.

– Трудно сказать наверняка. Никто точно не знает. Одна из причин, по которой Анклаву было так трудно сокрушить команду Тора, заключается в том, что он никогда не находится в одном и том же месте долго. Он находится в Глубине и постоянно передвигается. «Мгновенный сдвиг» был экспериментальным программным обеспечением, которое Тор разрабатывал раньше. Подумай о первом компоненте как об обычной коробке. Снаружи он размером, ну, с обычную коробку, но внутри… – Джеймс жестом указывает на все вокруг них. – Второй компонент – это блуждающий аспект портала. Каждые шесть часов ящик перемещается на новое место. Или, может быть, это вход, который движется. Честно говоря, я никогда по-настоящему не понимал это.

Матильда ухватилась за то, что сказал Джеймс.

– Ты сказал, что он уже работал над этим раньше. Значит, он был одним из твоих старых приятелей в «Фолл Уотер Лэйк»?

Рука Джеймса дергается, пока он обдумывает ответ.

– И да и нет. Я знал его, когда работал в «Фолл Уотер Лэйк», но Тор там никогда не работал. Он получил предложение довольно легко, но когда они встретились, был сочтен «слишком большой обузой». Не пойми меня неправильно. Он был блестящ, но компания считала его политические взгляды слишком ядовитыми, слишком революционными. Поэтому Симмонс отозвал свое предложение.

Матильда усмехнулась:

– Ай, думаю, это объясняет, почему Тор так сильно злится на Симмонса. – Джеймс хмурится, осматривая огромный комплекс. – Тор – один из немногих людей, которые действительно взломали путь в Киберсайд. Какая-то часть меня чувствует, что он сделал это только для того, чтобы доказать, что он это может. Другая часть думает, что он сделал это только для того, чтобы разозлить Симмонса.

Они проезжают мимо заполненных ящиками погрузочных площадок, столовой и нескольких казарм. Вскоре каждый новый сегмент комплекса начинает выглядеть для Матильды одинаково.

– Расскажите мне об этом Сакраменто, о котором вы говорили. Я хочу знать подробности, прежде чем мы приступим к делу.

Трое останавливаются, чтобы дать дорогу отряду солдат. После того как солдаты проходят мимо, Джеймс продолжает:

– Тор хотел добиться некоторого присутствия в Вавилоне. Поэтому он создал отколовшуюся группу, чтобы сорвать операции Донована. В конечном итоге это была плохая ставка, так как кто-то предупредил головорезов Донована. Они едва успели подготовиться, как на них напали войска. Все закончилось кровавой баней. К счастью, я был в этом районе и получил Тора и то, что осталось от его отряда. Мы вышли и спаслись.

Матильда потерла одну руку о другую.

– А теперь ему пора отплатить мне тем же.

Шон остановился перед офисом с большой металлической дверью.

– Ну вот и все. С этого момента вы сами по себе. Было очень приятно познакомиться.

Он кланяется и приподнимает шляпу перед ними обоими. Матильда хихикает:

– Эй, спасибо тебе за все. Надеюсь, мы еще увидимся.

Шон подмигивает ей и направляется обратно по коридору, оставляя их с Джеймсом наедине прямо перед металлической дверью. Камера безопасности поворачивается, чтобы сфокусироваться на них. Джеймс машет рукой на камеру.

– Привет, Алекс.

Матильда шепчет Джеймсу:

– Алекс, да? Я догадалась, что его на самом деле зовут не Тор.

Камера отслеживает их движения, энергичный голос потрескивает из динамиков:

– Добро пожаловать в Оникум, Джеймс. Вы двое наделали много шума, бродя по Киберсайду. Я надеялся, ты обойдешь меня стороной.

Матильда слышит щелчок, и дверь открывается. Она входит в комнату и обнаруживает нечто среднее между кабинетом военного командира и клубом джентльмена. Картины висят на стенах рядом с координатными картами мегаполиса. Оружейный стеллаж стоит рядом с хорошо укомплектованным винным шкафом. В кожаном кресле, положив ноги на стол, сидит лидер Оникума, известный как Тор.

Одетый в оливково-зеленые брюки «карго», армейские ботинки и черную футболку Led Zeppelin, он кладет самокрутку на край пепельницы. Мужчине чуть за сорок, его широкая улыбка обнажает ряды жемчужно-белых зубов. Уже по одной этой улыбке Матильда начинает понимать, чем этот человек привлек к себе так много внимания. Он излучает харизму, практически вибрирует ею в воздухе.

– Я уверен, что вы оба устали. Присаживайтесь и позвольте мне принести вам что-нибудь выпить.

Матильда проскальзывает в одно из удобных кресел, а Тор достает бутылку красного вина из своего хорошо укомплектованного шкафа и собирает несколько бокалов.

– Пожалуйста, чувствуйте себя как дома, – говорит он, стоя к ним спиной. – На столе есть сигареты, Джеймс, если ты все еще куришь.

Тор ставит бокалы на стол и открывает бутылку вина.

– В глубине души я знаю, что это всего лишь цифровая замена реальной вещи, но ничто не сравнится с красным цветом «сономы». – Он наливает им в бокалы темно-красную жидкость и опускается в кресло. Поднимает свой бокал и продолжает: – А теперь давайте поговорим о том, что я могу сделать, чтобы помочь вам.

Матильда и Джеймс тянутся к своим бокалам.

– Это было так давно, Тор, – говорит Джеймс.

Лидер Оникума подносит вино к носу и глубоко вдыхает.

– Я ценю, что ты не сдаешься, Джеймс, но здесь ты можешь называть меня Алекс.

Алекс пробует вино, закрывая глаза, и вдыхает его аромат.

– И да, это было слишком давно. То, что вы делали. Нам есть

что обсудить. – Алекс поворачивается к Матильде и снова поднимает бокал с вином: – И тебе тоже привет, Матильда. Я много о тебе слышал. Печально известная Ведьма, что свергает Королевства и опустошает Небыляндию.

Матильда слегка ерзает в кресле, но ей удается улыбнуться и кивнуть.

– Я думаю, всегда приятно встретить поклонника. Особенно того, о котором я так много слышала.

Матильда вопросительно приподнимает бровь над краем бокала и делает глоток.

Алекс восторженно смеется:

– Она, несомненно, хороша, Джеймс. У тебя мог бы оказаться компаньон и похуже.

Алекс ставит свой бокал на стол.

– Хорошо, что вы оба здесь, – продолжает он. – Глядя на вас двоих, я чувствую, что у нас есть шанс поменяться ролями с Симмонсом.

Джеймс улыбается, но Матильда слышит серьезность в его голосе.

– Очевидно, вы следили за нами. Но что вы на самом деле знаете?

Алекс закуривает сигарету и откидывается на спинку кресла.

– О, почти все. Я следил за вами с тех пор, как вы «вальсировали» в Вавилоне. То, что мы потеряли там свой плацдарм, еще не значит, что у меня нет глаз и ушей в этом городе. Конечно, я был обеспокоен, когда вы каким-то образом исчезли без следа. Но когда в мире распространился слух, что в Небыляндии все убиты, я сложил части головоломки.

Джеймс тоже закурил сигарету.

– Это правда?

Алекс продолжил улыбаться.

– В значительной степени. Я имею в виду, у меня были свои предположения относительно того, что будет дальше. Как только я услышал, что Шпиль раскалывается на части, я понял, что был прав.

Алекс бросил взгляд на Матильду.

– Не пойми меня неправильно. Мне нравился Хэнк, но будем честны – ты избавила бедного ублюдка от страданий.

Алекс гасит сигарету, закуривает новую и снова берет свой бокал.

– Учитывая две кончины владельцев ключей, могу сделать два предположения. Во-первых, вы были на пути в Метрополис, чтобы убрать Тома. – Он наклонился вперед с заговорщической усмешкой. – План, который я всем сердцем одобряю.

Когда он откидывается назад, улыбка исчезает, уступая место грубым чертам лица.

– Во-вторых, если Донован жив, то вы явно заключили с ним какую-то сделку. Или я ошибаюсь, Джеймс?

Кулаки Матильды сжимаются, когда она борется с желанием ответить. Джеймс невозмутимо затягивается своей сигаретой.

– Нет никакого смысла лгать тебе. Да, мы заключили сделку с Донованом. Чтобы получить ключи и помочь перезапустить Систему.

Алекс хмуро смотрит на Джеймса.

– И ты ему доверяешь?

Джеймс медленно выдыхает:

– Черт… нет.

Улыбка медленно возвращается на лицо лидера Оникума, и он указывает пальцем на Джеймса.

– А-а-а. Я так и знал! Никто не поверит этой змее. Я просто хочу увидеть выражение лица этого самодовольного ублюдка, когда ты прикончишь его.

Алекс перегибается через стол и наливает всем еще вина.

– Но всему свое время. Во-первых, вам нужно пройти мимо Симмонса. Ты же знаешь, что он ждет тебя, да?

Матильда делает еще один глоток вина, прежде чем ответить:

– Конечно. Вот почему мы пришли к вам. Если кто и знает, как его одолеть, то это человек, который побеждал его годами.

Смех Алекса позволяет Матильде понять, что ее лесть попала точно в цель. Он вскакивает со стула и неторопливо направляется к шкафчику с оборудованием.

– Не так давно я сказал бы, что то, что вы планируете, ребята, невозможно. Но, видя, чего вы уже добились… – Он роется в оборудовании. – Иногда небольшая команда может сделать то, чего не может сделать целая армия.

Матильда вытягивает шею, пытаясь разглядеть, за чем он тянется.

– Как Братство, например. – Алекс оборачивается и указывает рукой, в которой два комплекта механических очков. – Как это долбаное Братство проклятого кольца. Видишь, она все понимает.

Алекс возвращается к ним и кладет очки на стол.

– Прежде чем мы обсудим что-нибудь еще, вам понадобится вот это.

Матильда берет одну пару и вертит ее в руках. Джеймс свистит, прежде чем взять одни себе.

– Хай-тюнинг, варианты поля зрения, военного класса, глубинные ингибиторы. Используются для прогулок в Бездне.

Алекс наливает себе еще вина.

– Ты ведь знаешь, как действует Бездна, малышка?

Матильда подносит очки к глазам, пытаясь смотреть сквозь линзы.

– Вроде того. Джеймс объяснил мне суть дела.

Когда она опускает очки, серьезность возвращается к лицу Алекса. Он одним глотком допивает остатки своего напитка.

– Это не то, чем ты хочешь заниматься дольше, чем нужно. Это же Тень. Это же Тьма. Когда вы погружаетесь, она пытается задушить вас. Вы пытаетесь заглянуть глубже, но она заглядывает вам в самую душу. Проецирует те части вашего тела, которые вы пытаетесь скрыть, скручивает их. И чем дольше ты там находишься, тем тяжелее тебе выбраться. Я видел слишком много людей, которые спускались в эту дыру и никогда оттуда не выходили.

Алекс тупо смотрит на стол, Матильда неловко смотрит на очки, а Джеймс безмолвно играет вином в своем бокале. Через мгновение Алекс бормочет:

– К черту все, – и возвращается к бару с напитками, хватая еще одну бутылку.

Когда он наливает еще немного красного «сонома» в их бокалы, Матильда замечает ту же самую улыбку, что и раньше. Но что-то изменилось в его взгляде. Он вдруг как будто отдалился от них.

– Допустим, ты победишь Симмонса и Донована и получишь все ключи. А что потом?

Матильда смотрит на Джеймса, тот принужденно кашляет.

– Даже не знаю. Я думаю, мы все исправим.

Алекс закуривает еще одну сигарету.

– Я могу представить себе несколько способов, которыми я бы это исправил. И тебе действительно нужна моя помощь…

Джеймс качает головой.

– Нет, мы делаем это не так, как хочет Донован, и не так, как хочешь ты. – Он кивает в сторону Матильды. – Мы делаем это по-своему. И если это означает, что мы не получим твоей помощи, так тому и быть.

Молчун и лидер Оникума встречаются взглядами. Внезапно Алекс хлопает ладонью по столу.

– Ладно, зануда, никакого вреда не будет, если я попытаюсь выиграть с этого хоть что-то. Любое изменение лучше, чем то, что происходит сейчас. Но у меня есть одно условие.

Джеймс снова качает головой.

– Алекс, я же только что сказал тебе, что мы…

Матильда быстро кладет руку на ногу Джеймса.

– Чего ты хочешь?

Харизматичная улыбка Алекса появляется снова.

– Ну, это место вне индекса. Кроме того, я уже сто лет не видел никого из тех, кто был до перехода. Я бы предпочел еще немного побыть Алексом, прежде чем «Тор» отправится на самоубийственную миссию. Итак, что вы скажете насчет того, чтобы выпить и поговорить сегодня, а утром поехать?

Джеймс смотит на Матильду. Она улыбается и пожимает плечами.

– Спасти мир завтра?

Джеймс издает короткий смешок:

– Да, конечно. Давайте спасем мир завтра.

21. Во тьму

После завтрака Джеймс и Матильда встречают остальную часть группы захвата. Они собираются во входном люке, который действует как переходная камера от базы Оникума в саму Тьму. Во время проверки своего оборудования Джеймс оценивает подготовку других участников, чтобы отправиться вместе с ними. Тор лично выбрал двух своих лучших спутников, чтобы те сопровождали их. Двое солдат готовят свое снаряжение рядом с большим железным люком, который открывает доступ в теневое царство Киберсайда. Вчерашняя веселость испарилась в утренней серьезности. Каждый готовится молча, по-своему. Проверяет снаряжение, смазывает винтовки, заряжает магазины патронами и трижды проверяет, правильно ли работают темные очки. В глубине нет ничего безопасного.

Матильда использует систему MOLLE на своем тактическом жилете, чтобы расположить боевые ножи. Джеймс смотрит на свой, чтобы проверить, что мешки с боеприпасами заполнены магазинами и закреплены. Когда он поднимает взгляд, Тор стоит рядом с ними.

– Я знаю, что мы уже говорили об этом, но повторяю еще раз, потому что это важно. Правило номер один: неважно то, что вы видите или слышите там, внизу. Мы держимся вместе как команда и прикрываем спины друг друга. Правило номер два: мы не останавливаемся. Течение времени отличается во Тьме и может исказить ваше восприятие. Ваши очки могут работать только в течение двух часов, прежде чем начнут терять фокус. Правило номер три: если на нас нападут, контролируйте свои выстрелы. Не тратьте боеприпасы на ерунду. Несколько выстрелов в середину, и они быстро исчезнут.

Джеймс кивает:

– Понятно. Мы будем следовать твоему примеру.

Молчун хмурится при мысли о жителях Бездны. Те, кто заблудился в темноте, неизбежно теряли рассудок, становясь одним целым с бродячими бандами существ, пойманных в ловушку. Их конец будет незавидным.

Один из солдат подходит к Тору и говорит с британским акцентом:

– Сэр, мы готовы нырять по вашей команде.

Глаза Матильды округляются.

– Шон, это ты?

Мужчина снимает головной убор, открывая ухмыляющееся лицо. Он подмигивает.

– Не волнуйся, милая, мы позаботимся о тебе там, внизу. Держись рядом. Это всего лишь прыжок, и прыжок к пирамиде и противному старому Симмонсу.

Матильда смеется, а Джеймс улыбается. Молчун показывает Тору большой палец.

– Мы будем готовы, когда скажешь.

Тор жестикулирует технику, чтобы активировать панель доступа, и все перемещаются к люку.

Тор поправляет очки и проверяет связь. В наушниках Джеймса потрескивает голос командира Оникума.

– Ладно, все по очереди заходите за мной. Джеймс, потом Матильда. Шон и Чонг, вы замыкаете группу.

Металлический люк сдвигается, открывая бурлящую, непроницаемую черноту. Тор поднимает вверх большой палец и без колебаний тоже ныряет во Тьму.

Джеймс подходит к краю и всматривается вниз. Закрыв глаза, он спускается через люк, погружаясь все глубже.

В этой странной чернильной темноте он чувствует полную невесомость. Погружаясь во Тьму, Джеймс позволяет себе погрузиться в пустоту. Он испытывает жутковатое ощущение, как будто отделяется сначала от физического пространства, а затем и от времени. Джеймс держит глаза закрытыми, его разум настороже, его предательское воображение под контролем.

Его воспоминания и мысли отказываются подчиняться какой-либо хронологии.

* * *

Не многие знали о его существовании в реальном мире, но отсутствие осознания не ограничивало его возможности. Созданный, когда интернет только зарождался, даркнет стал царством беззакония, где любой желающий мог удовлетворить любые, самые нестандартные потребности, пороки, пристрастия, извращения – мог приобрести наркотики, проституток, оружие, нанять киллеров и, конечно же, найти доверчивых жертв для обмана – и все это без страха быть выслеженным властями. Правительства потратили бесчисленное количество человеко-часов, пытаясь закрыть случайные бессмысленные сайты или посадить в тюрьму несколько самых вопиюще-безрассудных преступников, но чем больше они старались, тем более плодовитым становился даркнет. В конечном счете пользователи рассматривали его как своего рода убежище для защиты своих данных.

Он стал рассадником революционеров и сетью незаконных операций.

Оппозиция даркнету формировалась в более цивилизованных кварталах снаружи, но изнутри он неумолимо превращался в процветающую субкультуру – закрытое, но влиятельное общество, которое все больше и больше действовало по своим собственным правилам. Кланы, анклавы, консорциумы, клики, конгрегации, коллаборации и все виды коллективов становились все более связанными через зашифрованные каналы. Даркнет не мог бы долго существовать без правительств и корпораций, пытающихся либо зачистить его, либо интегрироваться в его сообщество. Корпорации увидели в даркнете новые возможности и попытались незаметно повлиять на его рынки.

Ответная реакция была серьезной, и большинство пользователей даркнета объединились против вмешательства правительства и корпораций и использовали свои ресурсы для разрушения корпоративных и государственных экономик – в то время как сами оставались в безопасности, отгородившись от всего коллективной экономикой блокчейна. В конечном итоге правительства и корпорации уступили общественному давлению и оставили даркнет в покое – и теракты прекратились.

Когда человечество начало массово переходить в Киберсайд, главной заботой было как можно быстрее доставить как можно больше людей в новый мир. К сожалению, это означало, что процесс первоначального отбора был быстро прекращен. То, что произошло вскоре после перехода, никто не ждал.

Глобальное братство, которое называло даркнет своим коллективным домом, намеревалось создать аналогичную гавань для себя внутри Киберсайда. В конечном итоге им удалось взломать систему, чтобы создать экзосоциальное святилище, но за него пришлось заплатить высокую цену. Требования безопасности в Киберсайде не позволяли управлять даркнетом из своих домов. После перемещения цифровые тела должны были оставаться в созданной темноте. Несмотря на свое часто называемое благородным революционное начало, даркнет был поражен язвой в самом своем сердце. Когда легионы даркнета открыто приняли его новую сущность, он превратил их во что-то новое.

* * *

Какой-то шум вырвал Молчуна из мрачных мыслей.

– Джеймс, ты меня слышишь?

Женский голос кажется ему знакомым, но Джеймс никак не может понять, откуда он доносится. Что-то тревожит его, но он все еще далеко.

На этот раз раздается другой голос:

– У него очки сбились, кто-нибудь, скажите ему, чтобы он держал глаза закрытыми!

Его очки, точно. Джеймс почувствовал, как они спадают, и инстинктивно закрыл глаза.

Это было целую вечность назад.

– Я нашел их! Держись, Джеймс!

Чей-то голос зовет его, чье-то прикосновение к плечу пытается помочь подняться на ноги. Что-то проносится мимо его головы. После щелчка Джеймс снова может видеть. Матильда держит его за руку, пока остальные члены команды стоят вокруг.

Молчун вертит головой из стороны в сторону, чтобы получше разглядеть глубину. Она напоминает ему Метрополис… но все происходит в тусклом, порождающем галлюцинации тумане. Темное небо цвета индиго отбрасывает жуткие тени на землю, а мерцающие информационные сигналы мчатся и крутятстя в воздухе, как летающие угри.

Джеймс встает и делает знак остальным.

– Все хорошо. Я в полном порядке.

Матильда хватает его за руки, чтобы поддержать. Джеймс протягивает руку, чтобы коснуться ее волос. Они плавают вокруг, словно она находится под водой, черные пряди сменяются серебряными, подчеркивая ее теперь кроваво-красные глаза.

– Ух ты.

Матильда краснеет. Она делает шаг назад, и Тор хватает Молчуна за плечо.

– Ты недолго пробыл без очков, но у тебя все еще могут быть побочные эффекты. Я бы хотел, чтобы мы могли отдохнуть минутку, но мне нужно, чтобы ты избавился от них.

Видимые части кожи Тора мерцают, как отполированный металл. Джеймс отрицательно качает головой.

– Серьезно, я в порядке. Я просто не был готов к тому, как вы, ребята, будете выглядеть.

Тор жестами просит Шона и Чонга занять его место.

– Понимаю, приятель. Тьма играет с тобой. Я бы сказал тебе, что ты привыкнешь, но это всегда будет необычным опытом.

Джеймс наклоняется, чтобы поднять свою винтовку.

– Я даже не спрашиваю, как я сам выгляжу?

Тор улыбается:

– Ты довольно сильно светишься, приятель. Я никогда не видел никого похожего на вас двоих.

Джеймс перезаряжает оружие.

– Что это значит?

Тор смеется. Это звучит странно и неуместно.

– Черт меня подери, если я знаю. Будет что-то грандиозное или мы все погрязнем в дерьме.

Джеймс усмехается и осторожно передвигает дрожащие ноги.

– Ты что, замерз?

Тор проходит мимо.

– Кто, я? Я ни за что не пропущу конец света.

* * *

Группа захвата проходит мимо еще одного деформированного здания, и дрожь пробегает по телу Матильды. Виднеющаяся вдали пирамида дает ей понять, что они движутся в правильном направлении, но это не делает путешествие легче.

Ведьма убирает пряди развевающихся серебряных волос, чтобы те не закрывали глаза. Это достаточно трудно, учитывая ограниченный очками обзор. Проходя мимо соседнего офиса, Матильда клянется, что видела это здание раньше.

На самом деле Ведьма уверена, что они видели одно и то же вокруг уже много раз. Она разочарованно вздыхает. Голос Шона потрескивает в ее наушниках:

– Поверь мне, дорогая, все меняется. Просто продолжай смотреть вперед. Если это необходимо, смотри на ноги того, кто стоит перед тобой. Это поможет. Тьма играет с вашим разумом злую шутку, пытается вывести вас из себя, заставить принимать неверные решения. Если вы остаетесь здесь слишком долго, она начнет проецировать то, чего вы боитесь. Или заманит вас в одно из этих зданий.

Покорно глядя на ноги Молчуна, она спрашивает:

– Что там внутри?

– Ничего хорошего. Говорят, что как только ты окажешься внутри, будешь блуждать в коридорах, пока не сойдешь с ума.

– И пока не превратишься в одного из них… в существо?

– Угу.

Матильда все еще сосредоточена на ногах Молчуна, но кажется, что прошел уже целый час, а пирамида не стала ближе. Расстроенная, она смотрит налево и замечает книжный. Он очень похож на то место, где она очнулась, когда впервые очнулась в Хоумстеде. Медленно она начинает двигаться влево. Ее ноги следуют необъяснимому желанию войти в сверхъестественно знакомый книжный.

Шон идет рядом с ней, подталкивая ее назад к тропинке.

– Так, спокойно. Не хочу в одиночку блуждать в безднах.

Матильда моргает, пытаясь сосредоточиться. Она находит утешение в звуке его голоса.

– Есть только один человек, который сделал это, и он сказал бы вам, что это была ошибка.

Матильда оглядывается на Шона, но солдат качает головой и указывает вперед. Снова посмотрев на ноги Джеймса, Матильда спрашивает:

– Кто же настолько сумасшедший, чтобы добровольно проводить здесь время?

Боковым зрением она видит, что рука Шона в перчатке указывает на Тора.

– Для всех остальных он – живая легенда. Спросите меня, и я скажу, что он никогда не был таким же, как после того, что случилось. Еще больше меланхоличным.

Матильда фыркает:

– Тор? Он все время улыбается.

Голос Шона звучит мрачно.

– Да. И пьет. Я бы сказал, что он пытается забыть то, что произошло.

Матильда вспоминает прошлую ночь. Конечно, они пили.

– Как же это произошло?

Голос Шона больше не звучит в ее наушниках. Вместо этого он шепчет совсем рядом:

– Видите ли, это был не его выбор. Пару лет назад, во время одной из «фаз перемирия» с Вавилоном, Анклав сосредоточил все свое внимание на том, чтобы уничтожить нас. И попал в один из небольших форпостов, которые посещал Тор. Ему пришлось прыгнуть в глубину, чтобы спастись вместе с выжившими. Конечно же, Симмонс послал за ним команду элитных охотников-убийц. Они начали отстреливать отставших, тех, кто не успел разбрестись. Вскоре Тор остался один, играя там в кошки-мышки с этими ублюдками.

Матильда бросает короткий взгляд на разрушенный город вокруг нее.

– Но как же он выбрался?

Шон пожимает плечами.

– Он не хочет об этом говорить. Все, что мы знаем, – это то, что он смог выбраться. А другие нет.

Прежде чем Матильда успела задать еще один вопрос, по внутренней связи раздался голос Чонга:

– Сэр, вам лучше взглянуть на это.

Отряд собирается вокруг позиции женщины-солдата.

Матильда появляется как раз вовремя, чтобы увидеть, как Тор изучает сенсор в руке Чонга.

– Как это вообще возможно? Если…

Ведьма слышит напряжение в его голосе. Вспоминая историю, которую только что рассказал ей Шон, Матильда чувствует, как у нее сводит живот.

– Мы почти на месте, ребята, нам нужно только прибавить шагу.

Джеймс делает шаг вперед.

– Тор, что-то случилось?

Тор похлопывает Шона по плечу и жестом показывает ему, чтобы он занял свое место.

– Просто какая-то странная активность вокруг. – Тор смотрит на Матильду. – Но не волнуйся, мы доставим тебя куда надо.

Джеймс прибавляет шагу, чтобы не отстать от Тора, и Матильда следует за ними по пятам.

– Да ладно тебе, Алекс. Если мы идем навстречу чему-то, то лучше нам об этом знать.

Лидер Оникума не замедляет шаг, но отвечает:

– Да, конечно. Я не знаю почему, но вокруг нас наблюдается эта странная активность. Как будто кто-то внезапно открыл кучу порталов во Тьму.

Джеймс перекладывает винтовку из руки в руку.

– Ты имеешь в виду, что они знали, что мы придем? Неужели Симмонс только что прислал войска?

Дыхание Матильды учащается, когда уверенность в голосе Тора исчезает.

– Думаю, да, но это не то, чего я боюсь. При таком количестве открывающихся порталов они наверняка разбудили одно или два гнезда.

По рации раздается голос Матильды:

– Гнезда?

Тьма отвечает на ее вопрос раньше, чем Тор.

Душераздирающий крик пронзает город. Тор и его солдаты останавливаются и смотрят в ту сторону, откуда доносится звук. Еще один раздается слева, спустя секунду к нему присоединяется еще несколько голосов.

Крик ужасный, дезориентирующий. Матильда борется, чтобы удержаться на земле.

Голос в ее коммуникаторе ревет:

– Бежим. Сейчас же!

Отбросив всякие попытки маскировки, группа устремляется к пирамиде. Матильда видит, что она приближается, но также чувствует что-то ужасное позади себя. Она пристально смотрит на

человека, бегущего впереди, не зная, кто это – Шон или другой солдат, Чонг. Матильда заставляет себя бежать так быстро, как только может, но каждый ее шаг тяжелее предыдущего.

В наушниках раздается крик Джеймса:

– Слева! Слева!

Тор произносит слово, которого она не знает, но от него у нее по спине пробегает холодок.

– Следящие!

Матильда видит вспышки выстрелов из винтовок своей команды, но оружие звучит так, как будто они находятся под водой. Солдат перед Матильдой поворачивается и отчаянным жестом просит ее продолжить бежать. Матильда проносится мимо своего товарища, в то время как он прикрывает ее сзади.

Тор пытается восстановить связь через коммуникатор:

– Все к этому фонтану. Используйте его как прикрытие. Шон, Чонг, огонь!

Матильда видит фонтан и забывает обо всем остальном.

Фонтан. Просто иди к фонтану.

Вокруг нее раздаются выстрелы, голоса продолжают звучать в коммуникаторе, но она ничего не слышит.

Только ее собственное неровное дыхание и учащенное биение сердца.

Два члена группы уже подошли к фонтану. Она так близко, что может это чувствовать.

И она не понимает, почему мир вокруг нее перестает двигаться. Или почему земля теперь устремляется к ее лицу. Ей требуется мгновение, чтобы понять, что ее тянет назад.

* * *

Джеймс отскакивает от края фонтана, оборачивается и обрушивает град выстрелов на приближающуюся толпу Следящих. Бледные, безволосые, изуродованные существа, едва напоминающие людей, толпятся на площади. Он продолжает всаживать пули в их деформированные тела, лихорадочно осматриваяь в поисках остальных членов группы. Рядом с ним отстреливается Тор. Шон и Чонг по очереди прикрывают остальных. Когда Джеймс, наконец, видит Матильду, то непроизвольно вскрикивает. Твари тащат ее обратно. Перемахнув через стену, Джеймс бросается к Матильде. Следящие продолжают тащить ее прочь. В наушниках раздается голос:

– Джеймс, какого черта ты делаешь?!

Он его игнорирует.

Молчун осознает, что рядом с ним бежит Чонг. Впереди – хаос и тьма, разорванные оружейными выстрелами, забрызганные струями запекшейся крови. Шквал пуль косит извивающихся, скользящих тварей вниз. За первой волной Следящих лезут все новые. Следующая очередь Чонга попадает в цель – и существо, держащее Матильду, отпускает ее, когда его голова взрывается. Джеймс подхватывает Матильду на руки, не обращая внимания на ползущих к ним тварей.

– Чонг, Джеймс, давай еще раз! – доносится искаженный крик по коммуникатору то ли Тора, то ли Шона.

Он не может сказать, кто именно командует. Вспышка и рев охватывающего их огня разрывает Тьму вокруг них. Джеймс мчится к фонтану с Матильдой на руках, ожидая, что невидимая рука или коготь потянут их обоих назад к кишащей, сносящей все на своем пути смерти. Пули его товарища по команде свистят совсем рядом. Он слышит глухие звуки, с которыми падают за ним Следящие.

Джеймс перелезает через каменную стену и кладет Матильду на землю, осматривая ее раны. Матильда неуверенно поднимает руку и указывает на фонтан над ними.

– Я сделала это, – произносит она хриплым слабеющим голосом.

Джеймс хватает свою винтовку, готовясь встать на ноги. В коммуникаторе кто-то кричит. Вскочив на ноги, Джеймс смотрит в ту сторону, где Чонг снова затягивает толпа. Уродливые конечности тянутся, чтобы снять очки с ее лица, в то время как другие бросают ее оружие подальше. Они увлекают ее, кричащую, за собой, все дальше в море бледной плоти.

Шон яростно стреляет в толпу, но Тор прикрикивает на него:

– Мы уже ничего не можем сделать! Джеймс, хватай девчонку и беги! Шон, приготовь бомбу из антивещества, ставь таймер на 30 секунд.

Тор поворачивается к неподвижному Молчуну:

– Джеймс, поднимай свою гребаную задницу и БЕГИ!

Молчун чувствует, как рука поменьше хватается за него, и бежит рядом с Матильдой. Они выскакивают, имея в запасе секунд тридцать. Один… два… три… Джеймс готовится к взрыву.

Когда раздается взрыв, Джеймс и Матильда падают на землю. Град из мокрых мясистых конечностей стучит вокруг них. Неуверенно поднявшись, все еще чувствуя звон в ушах, Джеймс оборачивается и видит кратер на том самом месте, где когда-то стоял фонтан. Его осколки валются повсюду.

Тор уже на ногах.

– Никто не пострадал?

Джеймс замечает, что Шон слегка пошатывается.

– Да, шрапнель догнала меня, но со мной все будет в порядке.

Тор указывает на пирамиду:

– Это только разозлило их еще больше. Мы должны идти.

Молчун проверяет магазин своего оружия, когда замечает, что Матильда смотрит в сторону фонтана. Он кладет руку ей на плечо.

– Мы уже близко. Мы почти выбрались отсюда.

Она ничего не говорит, но ее кроваво-красные глаза под очками теперь кажутся огненными.

Они бегут так быстро, как только могут, через открытую площадь к пирамиде в Бездне, но из теней вокруг них появляется все больше людей. Тор издает звук, в котором слышится больше отчаяния, чем страха:

– Блин, чувак, можно нам передохнуть? Шон, мы доставим девочку туда, понимаешь?

Голос Шона снова доносится из рации:

– Понимаю.

Среди хаотичного шума Джеймс слышит отчетливый звук вынимаемых ножей, когда Матильда выходит вперед группы.

– Нет, это сделают другие! Оставайся позади меня.

Трое мужчин молча наблюдают, как Матильда бежит к лестнице. Наконец, Тор издает смешок:

– Вы слышали, что сказала леди. Все поднимайтесь по лестнице.

Следящие преграждают им путь к пирамиде, не давая продвигаться вперед. С каждым шагом раздается все больше выстрелов. С каждым шагом пирамида все больше нависает над ними. С каждым шагом орда Следящих приближается.

Матильда прокладывает себе путь сквозь толпу зевак. Конечности разлетаются под ее клинками. Всех, кого Матильда не достает ножом, не режет и не обезглавливает, мгновенно уничтожают Шон, Тор или Джеймс.

Добравшись до лестницы, они преодолевают ее пролет по две ступеньки за раз, существа же скользят вдоль стен сооружения. Джеймс стреляет, пинается и сбивает их на землю прикладом винтовки.

Голос Шона прорывается сквозь хаос:

– О, черт.

Уже зная, что пожалеет об этом, Джеймс оборачивается, чтобы увидеть маленького Следящего, взобравшегося Шону на спину.

Шон тянется к гранате, прикрепленной к его жилету, но существо увлекает его назад. Он кувыркается вниз по ступенькам

и падает в самую гущу Следящих. Пока он летит на землю, существа разбегаются, а затем снова плотно смыкают свои ряды.

Мгновение спустя граната Шона взрывается.

Надеясь, что самопожертвование Шона позволило им выиграть немного времени, Джеймс бежит вверх по лестнице. Почти на самом верху Следящий бросается на Тора сзади. Слишком поздно Джеймс пытается его предупредить. Тор поворачивается и выставляет вперед руки, чтобы остановить монстра, уже летящего к нему.

Удара не случается. Глаза Тора становятся шире, когда град колючих металлических жал пронзает воздух позади него, вонзаясь в тело существа и отправляя его корчиться подальше отсюда. Разинув рот, Тор следит за промелькнувшим источником света. Волосы Матильды все еще развеваются в воздухе, и каждая прядь образует подобный стали завиток.

Рот Тора все еще разинут, когда Молчун встает между ними.

– Ты тоже это видел? Да что же она такое, черт возьми?!

Джеймс наваливается на Тора сзади, толкает его вперед, гонит вверх по лестнице.

– Даже не знаю. Не останавливайся!

Наверху они находят двери, ведущие вглубь пирамиды. Джеймс видит, что огонь в глазах Матильды разгорается еще сильнее. Энергия вокруг ее головы все разрастается.

Джеймс отводит взгляд, не в силах вытерпеть того, что видит. Он поворачивается к Тору, указывая на двери:

– Давай откроем портал, быстрее.

Едва сумев оторвать взгляд от Матильды, Тор обходит Молчуна, заставляя себя снова сосредоточиться.

– Мы не можем. Там будет слишком много охранников Анклава, ожидающих, когда мы вернемся. Нам нужно забраться подальше внутрь, прежде чем…

Тор останавливается, и его глаза за стеклами очков расширяются. Джеймс поворачивается, чтобы проследить за его взглядом. Что-то стоит во мраке перед ними, блокируя вход в пирамиду. Оно приближается к ним. Чудовищное существо с чешуйчатой кожей, выгнутыми руками и отвратительными острыми зубами, похожими на кинжалы.

Тор издает победный крик:

– О, черт подери! Да это Ревун.

Словно откликаясь на свое имя, существо испускает оглушительный рев, который, кажется, проникает прямо в мозг. Зрение Молчуна затуманивается, а колени подгибаются. Тор падает на землю, но успевает бросить гранату к ногам зверя.

Взрыв не наносит никакого видимого ущерба, но ужасный

треск в голове прекращается. Тор поднимается и перезаряжает оружие.

– Не позволяй ему снова зареветь!

Тор стреляет Ревуну в морду – четыре выстрела подряд, – но они почти не производят эффекта. С ужасной скоростью монстр бросается вперед и отбрасывает Тора в сторону, одним взмахом массивной руки отправляя его в полет до ближайшей колонны. Джеймс выпускает в тварь остатки своего магазина и роняет разряженную винтовку. Вытащив из кобуры пистолет, Джеймс стреляет чудовищу в глаза, но Ревун только бьет себя в грудь, наполняя свои легкие для нового крика. Джеймс продолжает стрелять, пока его пистолет не щелкает вхолостую.

Охваченный ужасом, Джеймс видит, как Матильда спокойно направляется к зверю.

Возвышаясь над Матильдой, он поднимает плечи и выпячивает грудь, глядя на нее сверху вниз спокойно и безразлично. Его пасть открывается, обнажая ряды белоснежных, острых как бритва клыков, он долго, тяжело вздыхает.

Матильда пристально смотрит на существо и тихо говорит:

– Нет.

Не моргая, глаза Ревуна мечутся взад и вперед. В выражении его лица видна зарождающаяся тревога. Гигант пытается пошевелиться, но не может. В глазах безумного зверя появляется паника, когда он начинает левитировать. Не говоря ни слова, Джеймс медленно идет к Матильде. Она пристально смотрит на существо, бормоча слова, которые Джеймс может расслышать только тогда, когда приближается к ней.

– Отклонить соединение. Закрыть порты. Удалить.

Чешуя Ревуна начинает отваливаться, когда огонь сжигает его изнутри. Он ревет, проваливаясь в небытие. Джеймс чувствует, как меняется сама структура Тьмы. Притаившиеся на лестнице издают болезненный вопль, не глядя разбежавшись во все стороны.

Джеймс подходит к Матильде. Она поворачивается к нему, волосы все еще взъерошены, глаза все еще горят красным огнем.

– Матильда?

Она смотрит сквозь него и не отвечает. Его внимание привлекает сокрушительный кашель скрючившегося Тора. Джеймс подбегает ближе и видит его, окровавленного, с переломанными костями, у основания колонны. Тор выдавливает улыбку, когда видит Джеймса. И с трудом шепчет:

– Эй, парень… много я пропустил?

Рядом с Молчуном появляется Матильда.

– Привет, героиня, – продолжает Тор. – Ты все еще готова

изменить мир?

Она отвечает простым «да», но Джеймс с облегчением узнает на лице едва заметную улыбку. Они оба помогают Тору подняться на ноги и войти в двери пирамиды. Пересекая порог, Тор падает на землю, сплевывая кровь.

– Послушайте, ребята, я не знаю, насколько еще буду вам полезен. – Он смотрит на Матильду. – Но я думаю, что с вами все будет хорошо.

Джеймс пытается помочь Тору подняться на ноги.

– Мы не собираемся оставлять тебя здесь.

Тор бросает на него встревоженный взгляд.

– Черт возьми, да нет же. Мне просто нужно поскорее открыть портал.

Матильда медленно поворачивается, оглядывая комнату вокруг.

– Открывай.

Тор и Молчун обмениваются взглядами, но Матильда только спокойно повторяет:

– Открывай.

Тор в последний раз оглядывается в темноту и сплевывает кровь на землю.

– Погнали.

Тор активирует свою консоль, и появляется шлюз, зеркально отображая их местоположение в реальном Киберсайде – в приемной штаб-квартиры Анклава. Матильда проходит первой. Джеймс одной рукой поддерживает Тора, а в другой сжимает пистолет.

Выйдя из портала, Джеймс меняет свою внешность на обычную. Ожидая вызвать удивление охранников, Молчун осматривает комнату и находит ее пустой.

– Какого черта?

Тор задыхается, и тут Джеймс тоже это видит. Глаза Матильды все еще горят красным. Осторожно опустив Тора на пол и убрав пистолет в кобуру, Джеймс интересуется:

– Матильда, с тобой все в порядке?

Она спокойно отвечает:

– Я никогда не чувствовала себя лучше. Пора действовать. Симмонс внизу, в архиве. Он знает, что мы здесь.

Подняв руки, Джеймс указывает на пустую комнату вокруг них.

– Что здесь произошло? Где вся охрана?

Она смотрит на него. Он молча ждет ее ответа.

– Они уже ушли. Нам больше не нужно беспокоиться о них.

Джеймс хмурится:

– Что это значит?

Матильда склоняет голову набок.

– Я имею в виду, что отключила все каналы связи с пирамидой. Все системы безопасности выключены, а двери заклинило. В этом здании только он и мы.

Джеймс наклоняется и смотрит Матильде прямо в глаза.

– Матильда, ты меня пугаешь. Что с тобой произошло?

Ее глаза слегка прищуриваются.

– Бездна научила меня видеть более ясно. Мне просто нужно ответить еще на несколько вопросов. И… – она повернулась к лифту в конце коридора, и тот открылся. – Единственное, что может нас остановить, сейчас внизу.

Матильда снова смотрит на Джеймса:

– Идем?

Тор снова кашляет кровью, устраиваясь на мраморном полу.

– Прикончи его, Матильда. Хотел бы я видеть его самодовольное лицо, когда ты придешь туда. Только обязательно дай ему знать, что Алекс привел тебя. – Он слабо улыбается.

Матильда тихо смеется:

– Спасибо тебе, Алекс, за все, что ты сделал. Честное слово, без тебя я бы сюда не добралась.

Ложась с тихим стоном на спину и подняв вверх большой палец, Тор смеется. Он смотрит в потолок.

– Со мной все будет в порядке…

Джеймс слышит звон в ушах, и его правая рука снова дергается. Матильда мягко накрывает его руку своей, и тик прекращается. Взяв его за руку, она ведет его к лифту.

Слишком много вопросов вертится в голове Джеймса. Он следует за Матильдой, надеясь, что скоро все прояснится.

22. Откровения

Джеймс спускается в Информационный центр пирамиды Анклава, пока над Метрополисом собирается шторм. По мере того как он усиливается, граждане спешат укрыться. По всему Киберсайду возникают подобные штормы. Одинокий Отшельник в Вавилоне стоит в дверях своего мотеля, наблюдая, как люди бегут в укрытие. Бормоча что-то себе под нос, он лезет в карман и достает сигарету. Если бы кто-нибудь из прохожих нашел время оглянуться, они бы увидели, как он делает то, что редко делают отшельники. Они бы увидели, как он улыбается.

Вдалеке, в Охане, двое полулюдей сидят на своем крыльце и смотрят, как надвигается шторм. Женщина придвигается ближе к мужу, горячо обнимая его. Он целует ее в макушку. В небе собирается еще больше воды. Они оба чувствуют, как их программные компоненты начинают сбоить. Она крепко обнимает его и говорит:

– Я люблю тебя.

Он тихо отвечает:

– Я тоже люблю тебя, дорогая. Все будет хорошо.

Она кладет голову ему на грудь.

Дождь падает на землю, ручейки превращаются в ручьи, ручьи – в реки, сметая то, что осталось от пепла в Небыляндии. Информационная пыль смывается, целебные воды стирают последние следы человечества с руин площади Изумления.

В Делавэре темные тучи окутывают Шпиль, гасят огни царства, погруженного без короля в хаос. Потоп счищает грязь с нижних уровней, смывая кровопролития, грабежи и разрушения.

Уортонский лес жадно пьет первые волны наводнения, полностью поглощая их. Цепкие корни деревьев уходят в самые глубокие слои темной, богатой почвы. Приливная волна устремляется вперед, образуя сотни новых расходящихся рек и притоков. Спектральные множества тех, кто уже потерялся в Киберсайде, ощущают разливающиеся волны в воздухе, желая ощутить их на своих лицах, в реальном мире. Маленький мальчик сидит на краю сцены в заброшенном амфитеатре. Он делает маленькую лодочку из бумаги и пускает ее в неумолимый поток, устремляющийся к деревьям. Он следует за лодкой и, когда она исчезает в затопленном лесу, желает удачи.

Последний информационный шторм пришел в Киберсайд – шторм всем штормам.

* * *

Лифт резко останавливается, спустившись на самый низ пирамиды. Двери расходятся, открывая тускло освещенную продолговатую комнату, заполненную гудящими серверами, мигающими огоньками дисплеев и невидимыми вентиляторами, отчаянно пытающимися сохранить прохладу. В дальнем конце комнаты находится рабочая станция, окруженная мониторами и офисным креслом, повернутым к ним спиной. Молчун достает свой пистолет. Вместе с Матильдой они медленно направляются к столу, пол скрипит под ними.

Когда они подходят ближе, кресло поворачивается, открывая Тома Симмонса. Джеймс поражен тем, что он видит. Вместо ухоженного, подтянутого, авторитетного человека из реального мира, которого он помнит, перед ним сидит изможденная развалина. Усталые, запавшие глаза, налитые кровью от недосыпа, смотрят на них. Ключ-карта болтается у него на шее. Он одет в мятую рубашку с V-образным вырезом в темных пятнах от пота.

Том смотрит на них ничего не выражающим взглядом, не произнося ни слова. Джеймс опускает пистолет.

– Все кончено, Том, – начинает Джеймс. – В этом больше нет необходимости.

Глаза Тома покраснели и устали, но он смотрит на Молчуна с вызовом.

– Ты не понимаешь, что натворил, Джеймс. Приведя ее сюда, ты обрек всех нас на гибель.

Джеймс переводит взгляд на Матильду. Она спокойно смотрит на Симмонса и говорит:

– Нам нужен последний ключ, Том Симмонс. Отдай его нам.

Симмонс встает с кресла и указывает на нее. Джеймс поднимает пистолет, его палец слегка нажимает на спусковой крючок.

– Как будто я собираюсь дать ключ таким, как ты.

Том встречает пристальный, усталый, умоляющий взгляд своего бывшего коллеги.

– Ты не можешь этого допустить, Джеймс. Донован думает, что он может держать все под контролем, но он не справится. Если ты дашь ей то, чего она хочет, проиграют *все*.

Джеймс делает шаг в его сторону.

– Разве ты не хочешь сказать, что *ты* проиграешь? Держу пари, ты скажешь что угодно, лишь бы сохранить свой драгоценный Анклав нетронутым.

Умоляющий тон Тома мгновенно испаряется. Закипает гнев.

– Идиот. Ты думаешь, что это только из-за меня? Ты троглодит, слабоумный. Я должен был бы уволить тебя в «Фолл Уотер Лэйк». Все эти ваши альтруистические идеалы всегда затуманивали ваш разум. А теперь смотри, куда это нас привело. Аватар гребаной Системы собирается собрать все ключи данных и уничтожить человечество!

Джеймс останавливается как вкопанный.

– Ты сошел с ума, Том. Паранойя наконец-то добралась и до тебя. Ты потратил слишком много времени на поиски врагов. А теперь просто дай мне…

Том с рычанием сметает со стола папки, файлы и чашки и снова тычет пальцем в Матильду.

– Ты что, действительно такой тупой? Если ты мне не веришь, то сам спроси этого чертова демона.

Джеймс оборачивается, чтобы найти Матильду, изучающую – анализирующую – его такими же неземными глазами, какие он заметил во Тьме.

– Матильда? – спрашивает он, не в силах скрыть тревогу в своем голосе.

Она слегка улыбается:

– Он совершенно прав. Стресс, пережитый мною в Бездне, изменил меня. Заставил меня понять, что эта Система – часть меня, так же, как и я – часть этой Системы. Я все еще не все понимаю, но это не меняет наших планов. Мы доберемся до Треугольника вместе и сможем переделать Киберсайд в то, что хотим. Во что-то лучшее, чем все эти бессмысленные смерти и жадность, которых мы уже видели достаточно.

Том разражается смехом, граничащим с истерикой:

– Ты действительно ей веришь?! Разве ты не понимаешь этого? Она же гребаный ИИ! Программное обеспечение, которым управляет Система, которая хочет сбросить настройки и на этот раз обойтись без людей. Она сотрет наше сознание!

Молчун мысленно возвращается к разговору в Вавилоне. О том, что Система выходит из-под контроля. Пытается найти способ исправить себя, после всех бесчисленных изменений в своем коде.

– Даже если ты думаешь, что можешь что-то сделать, Джеймс, Донован всегда был на шаг впереди, – продолжает Том. – В лучшем случае ты просто передашь ключи ему.

Матильда отходит от стола, изучая стеллажи для хранения данных.

– Ты действительно думаешь, что мы проделали весь этот путь только для того, чтобы он нас остановил?

Том свирепо смотрит на нее.

– Ты думаешь, что теперь настолько сильна, не так ли, Ведьма? Ты думаешь, что ты первая, кто пытается все изменить? Их было много до тебя, и ни один из них не выжил. Один из нас всегда останавливал их.

Матильда протягивает руку, чтобы коснуться одного из серверов.

– Да, ты говоришь правду. Ты, Вирджиния, Донован и Хэнк. Вы все это уже прекращали. То есть до тех пор, пока один из ваших не стал играть против вас. – Она смотрит Симмонсу в лицо. – Но я не хочу убивать тебя, Том. Я просто хочу исправить то, что вы все сломали. Дай нам ключ.

Симмонс вызывающе смотрит на нее из-за стола.

– Да, конечно. «Исправить нас». Ты уничтожишь все, что создало человечество!

У Джеймса не хватает слов. Он переводит взгляд с Симмонса на Матильду. Все, что он может спросить, это:

– Ты правда этого хочешь?

Она смотрит на него. Джеймс чувствует, что его вопрос причиняет ей боль.

– Неужели ты думаешь, что я это сделаю? Это все еще я, Джеймс. Он просто боится потерять власть. Контроль над этими людьми, который они потеряли в тот самый момент, когда перешли в Киберсайд, хотя никогда этого не хотели. Система не хочет потерять человечество. Без него она не имеет смысла. Но сейчас все идет совсем не так, как было задумано. Ради всего человечества, ты должен понять это.

– Я сделал все, что мог, – говорит Том, только усиливая замешательство Джеймса. – Я надеюсь, Донован остановит тебя, но если он этого не сделает…

Том достает из-за спины револьвер. Не говоря ни слова, Джеймс поднимает свой.

– Я знаю, что ты сделал, Джеймс. Ты обрек человечество на все это.

Прежде чем нажать на курок, Том приставляет револьвер к собственному виску. В затухающем гуле серверов выстрел звучит тихо и жалко. Он посылает струю данных и запекшейся крови по натертому полу, а через мгновение раздается негромкий, безжизненный стук тела.

Молчун опускает свое оружие, приоткрыв рот от изумления.

Из-за своей спины Джеймс постепенно слышит тихий голос. Он обращается к нему:

– Ты должен забрать его ключ.

Джеймс ловит себя на том, что кивает, и смотрит, как приближается к распростертому на полу телу. Он движется как в

замедленной съемке.

Обыскивает тело Тома и находит ключ-карту на старом шнурке с логотипом «Фолл Уотер Лэйк». Он молча держит его в руках.

Матильда кивает.

– Вот он. Нам лучше поторопиться.

Джеймс осматривает то, что осталось от лица Тома.

– Нам нужно найти выход отсюда, или за нами будет охотиться весь Анклав.

Отведя взгляд от Тома и обернувшись, он видит Матильду, стоящую рядом с порталом.

– Э… это твоих рук дело? Как я уже сказал, я все еще пытаюсь во всем разобраться. Но прежде чем ты продолжишь – вот это пригодилось бы нам с самого начала.

Джеймс улыбается. Вот та Матильда, которую он знает. Он делает глубокий вдох, встает на ноги и направляется к порталу.

* * *

Они выходят в странное место, которое как будто застряло между реальностью и плохо сформированным сном. Белый свет сияет повсюду, но не отбрасывает тени. Они оказываются на бесконечной плоскости со случайными блоками чего-то отдаленно напоминающего глину, плавающую в воздухе. Некоторые выглядят так, как будто были хорошо обработаны, в то время как другие едва ли взяли в работу.

Джеймс делает неуверенный шаг. Даже гравитация кажется неправильной, какой-то неполной, и звуки его шагов отдаются эхом ненормально, непоследовательно. Вдалеке Джеймс замечает странное сооружение, похожее на бункер. Поскольку это единственное здание, подходящее по описанию, он надеется, что оно-то и приведет их к концу путешествия.

Реакция Матильды на новый домен уместна, лаконична и кратка:

– Ну…

Джеймс указывает на строение вдалеке.

– Ты можешь телепортировать нас поближе… К вот этому?

Матильда протягивает руку и напрягается. Ничего не происходит.

– Я… я не могу. Это из-за места… не знаю, оно оторвано от Системы или что-то вроде того.

Джеймс хмурится, услышав это. Он бросает взгляд на Матильду и замечает, что тревожный красный блеск исчез из ее

глаз.

– Ну, я думаю, мы достаточно близко. Давай просто делать по одному шагу за раз.

Матильда смеется. В смехе ее звучат нотки грусти.

– Да, конечно. Давай уже прибавим шагу, дедушка.

Шаг за шагом они осторожно пробираются к бункеру вдалеке.

У входа они находят бесформенный диван, по-видимому сделанный из похожего на глину материала. Откинувшись на спинку, на нем сидит Донован Крейз. По бокам от него стоят двое охранников. На земле рядом с диваном лежит странный шлем пилота из коллекции Донована.

Заметив Матильду и Джеймса, Донован вскакивает и быстро поправляет свой белый костюм. Довольный своей внешностью, он медленно хлопает в ладоши, пока Ведьма и Молчун приближаются.

– Отличная работа. Ну отличная же. Я не собираюсь лгать – когда ты начал, я думал, что ты получишь ключ только от Вирджинии. Может быть, от Хэнка. Но все три? – Он кланяется. – Вы двое действительно замечательны.

Измученный, Джеймс просто указывает на золотую карту на шее Донована.

– Дай мне свой ключ, Донован. Пришло время покончить с этим.

Правитель Вавилона театрально надувает губы.

– Так вот как ты меня приветствуешь? А где: «Привет Донован, рад тебя видеть»? Или: «Эй, Донован! Спасибо, что помог мне узнать, кто я на самом деле»? Ради бога, я бы согласился и на: «Как, черт возьми, ты добрался сюда раньше нас»? – Он пинает шлем пилота, и тот катится мимо одного из его охранников. – Видит бог, я уже достаточно долго ждал вас обоих.

Джеймс тянется за пистолетом, но охранники одновременно поднимают винтовки. Донован улыбается и достает из кармана своего пиджака какое-то странное устройство. Прибор потрескивает и пульсирует электричеством.

– Полегче там, Джеймс. Вы проделали весь этот путь. Было бы неловко покончить со всем до того, как узнаешь, кто она на самом деле.

Джеймс медленно убирает руку с кобуры, смущенно глядя на Матильду. Донован смеется. Он опускает свое устройство.

– Серьезно, Джеймс. Почему я продолжаю говорить людям, что ты самый умный? С другой стороны, ты, возможно, был слишком занят, убивая все, что видишь, чтобы на самом деле остановиться и задуматься.

Джеймс смотрит на него, не зная, что сказать.

– Я знаю, что в ней есть часть этой Системы. Но это не меняет того, зачем мы сюда пришли.

Донован ухмыляется:

– Это правда? – Он небрежно машет Матильде своим оружием. – А ты знал, что ее настоящее имя – Элис? Элис Бэрроу?

Нервный тик на лице Джеймса невозможно скрыть. Но от этого улыбка на лице Донована становится только шире.

– Да, Джеймс. Алиса Берроу. Любимая дочь Джонатана Берроу – главы, основателя и генерального директора компании «Фолл Уотер Лэйк». В какой-то момент он стал всеобщим боссом. Не кажется ли это немного странным совпадением, что у всех нас есть какая-то информация о ней? О какой-то случайной Ведьме из пустошей? Господи, Джеймс. Ты же работал в компании. Как много из своего прошлого ты пытаешься забыть?

Прежде чем Джеймс может наскрести хоть какой-то ответ, Донован продолжает:

– Ты ведь все помнишь, правда? Как его бедную девочку сбила машина, а Джонатан исчез на несколько месяцев? Все эти слухи о том, что он сошел с ума и заперся в своем доме? Можешь себе представить, как мы были удивлены на заседании совета директоров, когда он, наконец, появился со своей концепцией виртуального мира, в который люди могли бы перенести свой разум. Мы все думали, что это было великолепно. Он опустил часть о том, что он делает это, чтобы попытаться спасти свою дочь.

Матильда говорит надтреснутым, печальным шепотом:

– Но я же умерла. В ту же ночь я умерла.

Донован усмехается:

– О, милая. Я знаю, что ты не помнишь своего отца, но я точно помню. У него было достаточно денег, чтобы делать все, что он хотел. Одним из этих желаний было сохранить тебе жизнь. Конечно, ты была в коме, но твои нейроны все еще жили в этой маленькой голове. Конечно, с ней было не все в порядке. Техники сказали, что потребуется некоторая помощь ИИ, чтобы заполнить изъяны. Для старого Джонатана это не имело значения. До тех пор, пока он мог притворяться, что его дочь вернулась. – Донован поворачивается и пристально смотрит на Джеймса. – Он сделал Элис основой для всей Системы.

Джеймс отрицательно качает головой.

– Я работал над прототипом Системы. Я бы и сам догадался. Я бы что-нибудь увидел…

Кусок странной плавучей глины летит к Доновану, и он отбрасывает его прочь.

– Да, но ты этого не сделал, и, знаешь, я буду честен – как и

мы. До тех пор, пока мы не перешли в эту Систему. Мы поняли, кто она такая и на что способна. Джонатан превратил все попытки спасти человечество в проклятый тщеславный проект ради своей дочери. Конечно, мы пытались удалить ее из Системы, но, черт возьми, она и есть Система! Итак, мы удалили все, что могли, прежде чем приступить к работе. Мы думали, что все в порядке, пока эти досадные проявления не начали появляться, пытаясь все разрушить. Когда мы поняли, что это такое, мы пришли к соглашению уничтожить их. Но я начал думать, что со всеми этими ключами, возможно, я мог бы положить этому конец раз и навсегда. Я не лгал, когда говорил, что Система хочет избавиться от нас, людей, Джеймс. Я пытаюсь остановить ее.

Матильда переводит взгляд с Джеймса на Донована и обратно. Она делает шаг вперед.

– Нет… я бы никогда так не поступила.

Джеймс тоже делает шаг вперед.

– Чего ты хочешь, Донован?

В отчаянии Донован направляет свое оружие в голову Молчуна.

– Я говорил это с самого начала. Перемен. Я хочу перемен. И теперь мы можем это сделать. Нам будет достаточно Вавилона, чтобы собрать все по частям. Мы наконец-то наведем порядок в Киберсайде.

Он внезапно меняет прицел, направляя оружие прямо на Матильду.

– К сожалению, чтобы сделать это, я должен сказать Системе «пошла ты». К сожалению, дорогая, это относится именно к тебе. Поэтому мы находимся в этом месте, где ты действительно не можешь меня остановить.

Донован стреляет, и обжигающий разряд энергии поражает Матильду. Джеймс бросается к ней, подхватывая, когда она падает. Положив руку ей на живот, он отчаянно пытается остановить кровотечение, но уродливую рану прижег огонь.

Тело Матильды дрожит в его объятиях. Она слабо улыбается:

– Не волнуйся, дедуля. Это… так и должно было быть. Ты должен закончить то, что мы начали… ты должен восстановить ее…

Донован яростно орет на нее:

– Восстановить ее? Серьезно? Пошла ты к черту! У тебя есть шанс наконец-то избавиться от всех нас, и ты ожидаешь, что мы подумаем, что ты этого не сделаешь?

Донован пристально смотрит на Молчуна своим умоляющим взглядом.

– Джеймс, пожалуйста. Я знаю, что она тебе нравится, я

понимаю это. Но она не настоящая. Ради бога, помни, что она Ведьма. Это она манипулировала тобой все это время, а не я. И никто другой. Этот мир не так уж плох, как она говорит. Нам просто нужно исправить некоторые вещи, и кто лучше, чем инженер с твоими навыками, справится с этим? Не предавай последнюю надежду человечества ради какой-то тупой компьютерной сучки.

Джеймс крепко сжимает руку Матильды, вглядываясь прямо в ее лицо.

– Ну же, Матильда, держись. Ты можешь это пережить.

Она улыбается. Это та же самая улыбка, которую она подарила ему в первый раз, еще в Хоумстеде.

– Спасибо… но это не то, что должно было случиться.

Глаза Джеймса бегают туда-сюда.

– Ну и что же?

Матильда кашляет.

– Слушай… спасибо, что помог мне разобраться, кто я такая… но есть еще одна, последняя вещь…

Джеймс смотрит на свою руку.

Она кладет в нее все ключи: браслет Вирджинии, корону Хэнка, ключ-карту Симмонса. Набор завершает ее собственный титановый кулон.

– А теперь давай сделаем это вместе… – Матильда качает головой. – Несмотря на то, что эти засранцы думают обо мне, только человек может войти в бункер. Не я. Но если ты будешь ждать слишком долго, двери закроются. Пока Система не попытается снова. Одному богу известно, сколько тебе тогда будет лет.

Ее улыбка слегка увядает.

– Есть только один способ.

Джеймс знает, о чем она просит, и ему это не нравится.

– Нет. Я не могу…

Увядающая улыбка Матильды снова становится такой же лучезарной, какой он ее помнит.

– Я слишком долго отнимала у людей жизнь. Пришло время, чтобы отдать мою. Откройся мне и иди в этот бункер.

Джеймс глубоко вздыхает, а затем делает то, что он приучил себя никогда не делать с Ведьмой.

Он отключает свой фаервол.

Время замедляется, и все, что он видит, – это зеленые глаза Матильды. Ничего больше. Он видит историю ее жизни. Без слов она рассказывает ему все. Все секреты, надежды и желания, какие у нее были, когда она была человеком. Так много планов для девочки-подростка, бессмысленно прерванных, когда она шла

домой по темной дороге.

Джеймс деактивирует защиту и открывает свои каталоги, полностью подключаясь к Ведьме. В непрерывном, широкополосном потоке она отдает все, что у нее есть, все, чем Система хочет, чтобы она была. Джеймс видит каждую из бесчисленных жизней, которые она прожила, все, что хотела заполучить.

Он снимает последние барьеры и открывает свои собственные воспоминания. Он обнажен до самой сердцевины, с самого рождения и до этого момента. Он видит мир, который они оба оставили позади. Не разрушенную пустошь, а зеленую, полную жизни планету его юности.

Джеймс мысленно слышит голос Матильды.

«Сейчас самое время, Джеймс. Я верю в тебя. Я прошу только об одном. Помни меня».

– Помни обо мне, – шепчет он.

Джеймс возвращается к себе, к окружающему миру и обнаруживает, что бункер рушится. Теперь он смотрит на все другими глазами.

Каждый байт, каждый след, каждая строка кода, каждый класс и шаблон Системы теперь открыты для него. Каждое решение и ветвящееся следствие разыгрываются перед ним, когда он движется. Донован пытается что-то кричать, но он ничего не слышит. Джеймс идет к Доновану, а охранники обнаруживают, что оружие растворяется у них в руках.

Глаза Донована следят за Джеймсом, когда тот приближается, но он не может пошевелиться. Его улыбка сменилась выражением растерянности и даже ярости. Джеймс встает перед Донованом. Засовывает руку в карман его куртки. И вынимает у него ключ.

Донован и его охранники беспомощно смотрят, как Джеймс идет мимо них к бункеру.

Когда Джеймс твердо кладет руку на его дверь, приглушенный голос Донована, наконец, прорывается сквозь пересекающиеся, перекрывающиеся образы всех возможных путей, всех возможных исходов.

– Ты думаешь, что можешь заставить человечество подчиниться тебе, Джеймс? Что бы ты ни придумал, они все испортят. Запомни мои слова. Мой способ, по крайней мере, сохраняет порядок. Не дает вещам скатиться в хаос.

Джеймс поворачивается к нему лицом.

– Я не собираюсь торопить события, Донован. Я просто даю нам всем еще один шанс.

И с последним словом он входит в бункер, пока тот не исчез.

23. Post mortem

Джеймс оказался в своем старом кабинете в «Фолл Уотер Лэйк», том самом месте, где он неустанно трудился над созданием Системы.

Он один, и единственный звук исходит от компьютеров, которые оставили на ночь для компиляции кода и просеивания данных. Откинувшись на спинку кресла, он посмотрел на часы. Одиннадцать ночи. Долгая ночь только начинается.

Закрыв глаза, Джеймс размышляет о путешествии, которое привело его сюда… и времени, которое он провел с Ведьмой. Их встреча в Хоумстеде, битва с работорговцами, короткий миг покоя в Охане. Он вспоминает Вавилон, Небыляндию, езду в потрепанном «кадиллаке», испытания в Шпиле, леса Нью-Джерси, Метрополис и Оникум Тора, хаос Бездны, пирамиду Симмонса и Треугольник.

Его мысленный взор задерживается не только на событиях, но и на самой Матильде. Ее глупые шутки и вопросы, честность и импульсивный характер. Яростный и наглый боевой стиль. Ее постоянное подначивание и то, как она обзывала его дедулей. Джеймс обещал ей только одно: что он будет ее помнить. Джеймс сохраняет изображение ее лица в глубинах своего подсознания. Он никогда не забудет этот драгоценный камень.

Со вздохом Джеймс нажимает клавишу «тильда» на клавиатуре и открывает компьютерную консоль. Одну за другой он вводит команды для получения доступа к репозиториям и каталогам Системы. Их нужно будет починить, если его план сработает.

Он не просто хочет все восстановить. Он хочет воссоздать мир таким, каким он был раньше. До того, как человечество вошло в Киберсайд.

Джеймс начинает со сброса системных часов назад на 2016 год. Всего за несколько лет до восхождения «Фолл Уотер Лэйк» и поворотной точки для ключевых мировых политических и социальных реформ – реформ, которые необратимо изменили судьбу человечества. Он тщательно восстановил временну`ю шкалу из архивов Системы, вернул все настройки по умолчанию для мира из своего прошлого, в котором он проснется вместе со всеми остальными.

Открыв модуль геолокации системы, Джеймс перестроил ландшафт в соответствии с новой временно`й шкалой. Он включил сервера всех затемненных регионов, восстанавливая города до их первоначальных названий и структур. Он вновь

населил улицы с их правильными названиями 2016 года – и никаких больше Крестов Дьявола, Консорциумов, Анклавов, Шпилей или Союзов.

Затем он изучил текущий код трафика и правила индексации. Без серьезной утечки энергии, произведенной держателями ключей, кажется, что энергии хватит, чтобы обеспечить ею каждую местность. Джеймс пометил старый код и заменил своим собственным. Больше никаких зависимостей от трафика, никакой индексации. Полная свобода передвижения в его новом Киберсайде.

Джеймс получил доступ к базе данных пользователей, которые существовали в Киберсайде. Многочисленные имена в нем помечены как «аномалии» и «мутации». Он обновил код, исправляющий ошибки, и преобразовал их в обычные человеческие формы. Все эти Ведьмы, Кукловоды, Контрабандисты эмоций и Отшельники начнут свой день как менеджеры, продавцы, рабочие и учителя. Все очнутся от этого кошмара и начнут свой собственный путь. Как и у всех остальных, у них не будет воспоминаний о старом Киберсайде или их прошлых жизнях.

Копаясь в глубоководных архивных файлах, он обладает возможностью обновить не только мир, но и всех тех, кто умер в Киберсайде. Используя свои новые знания о Системе, он кодирует сценарий, который анализирует рассеянную информационную пыль и вновь собирает себя в рамках исходной личности. Он делает все, чтобы у них не осталось никаких воспоминаний о том, что с ними случилось, когда они вернутся в сеть.

Он задумывается перед тем, как завершить свои изменения. Рассматривает файлы тех, кто пытался остановить его, а затем выбирает несколько ключевых имен из зашифрованных файлов «Фолл Уотер Лэйк».

Он начинает с Вирджинии. Тщательно восстанавливает ее резервную личность из хранилища Системы. Завтра, после тяжелой рабочей встречи, Вирджиния выйдет выпить и столкнется со своим старым другом по колледжу. Она посмотрит на мир другими глазами и через три года заживет счастливо с супругом и двумя замечательными детьми. В конечном итоге она получит предложение стать представителем ООН, занимающимся корпоративным правом и новейшими технологиями. Джеймс не вписывает ее решение в план, но он надеется, что она выберет то, что сделает ее счастливой.

Затем он достает досье Хэнка и изменяет маршрут его путешествия, чтобы он не пропустил смерть своей матери. Больше не винил себя за то, что пропустил ее смерть, и не подсел на

препараты, изменяющие сознание. Вместо этого самым большим испытанием в жизни Хэнка станет кризис среднего возраста – путь, который может привести его к уходу из корпоративного мира и возвращению к написанию романов. Джеймс с нетерпением ждет возможности прочитать одну из его книг, если Хэнк выберет этот путь.

Труднее всего оказалось с Томом.

Что бы ни случилось, он всегда становится техническим директором «Фолл Уотер Лэйк». Джеймс тщательно просматривает свои журналы и определяет точку, которую необходимо изменить. Том всегда стремился к признательности и поддержке своего наставника, Джонатана Бэрроу, но так ее и не получил. Ему кажется неправильным открывать файл отца Элис, но Джеймс знает, что нужно сделать. На первой же корпоративной вечеринке Джонатан нарушит свое правило не употреблять алкоголь и все-таки заведет сентиментальный разговор. Это простое действие сформирует пожизненную дружбу между генеральным директором и техническим директором «Фолл Уотер Лэйк», прочную связь, которая позволит консолидироваться против совета директоров в критический период для «Фолл Уотер Лэйк», чтобы сохранить свою независимость и основные ценности нетронутыми. Им уже не нужно будет принимать военные контракты, чтобы добиться успеха.

Работая над досье Симмонса, Джеймс, естественно, думает о непримиримом сопернике Тома – Торе. Джеймс быстро вносит некоторые изменения в файл Алекса. Вместо того чтобы подать заявление в «Фолл Уотер Лэйк» и встретиться с Томом Симмонсом, Алекс станет техническим директором стартапа в Лос-Анджелесе. По иронии судьбы, революционер продолжит работу над онлайн-проектом «Бездна». Он надеется, что Алекс не зайдет слишком далеко, но некоторые вещи изменить не может.

Донован – последний, и Джеймс удивляется, обнаружив поворотный момент Крейза. В детстве отец всегда прививал ему ценности бизнеса. Несмотря на благие намерения, это зернышко, которое должно было сделать его лучше, привело к жажде денег и власти, вытеснившее все остальное.

До тех пор, пока Джеймс не вносит небольшое, но решающее изменение.

В колледже Донована никогда не хватало смелости попросить своего одноклассника отстать от него, но пара нажатий на клавиши, и Джеймс дает Донована толчок, который ему в конечном итоге понадобится. Он проводит время с девушкой и быстро меняет свои взгляды с деловых на политические. На

данной стезе Донован все еще ведет себя как мудак – но возвышение позволяет ему остановить инсайдерские сделки нескольких крупных технологических компаний. Те, что имеют значение.

Строки кода, журналы, символы и цифры – вот и все, что видит Джеймс, и ему требуется минута, чтобы похрустеть костяшками пальцев и дать отдохнуть глазам. Осталось всего несколько деталей, но объем данных, которые он обрабатывает, становится слишком большим.

Наконец, он переходит к ее досье.

Еще до того, как открыть его, он точно знает, что делать. Элис Бэрроу. Он открывает 17 октября 2016 года и заставляет Элис пропустить вечеринку со своей подругой. Она остается дома и вместо этого проводит время со своим отцом, помогая ему оправиться от похмелья, которое у него было после вечеринки в компании. В этот тихий сближающий их момент они открываются друг другу, говорят о смерти ее матери и его любви к ней. Перед ней лежит блестящее будущее, и она сама должна решить, куда идти и кем стать.

Наконец, он добирается до своих собственных файлов.

Несколько минут он тупо смотрит на экран компьютера. Он без проблем забудет то, что совершил в Киберсайде, но что ему делать дальше? Первая часть – самая трудная. Он думает о тех, с кем проведет свой второй шанс. Зная, что он сделал со своей семьей, он дрожащими руками набирает команды. Он открывает список резервных копий памяти тех, кто умер в Киберсайде, и находит два имени, которые преследовали его с тех пор, как он здесь появился. Сара и Тимоти Рейнольдс. Он счастлив видеть их лица, но пытается не думать об аномалиях, которыми они стали, или о том, что он должен был сделать, чтобы стать Молчуном. Восстанавливая потерянные сегменты, он улыбается.

Дальше – легче. Он создает неисправность фильтра электронной почты, чтобы никогда не принимать никаких рабочих писем от «Фолл Уотер Лэйк». Он останется со своей семьей в Бостоне, и ему придется довольствоваться созданием видеоигр. Они уже не будут так богаты, как раньше, но он знает, куда может привести его эта дорога. Джеймс все еще будет проводить долгие ночи на работе – но на этот раз он научится наслаждаться жизнью со своей семьей.

Он уже собирается закрыть файл, когда решает добавить еще одну деталь. Однажды они решат завести еще одного ребенка, и он хочет, чтобы у них появилась дочь, которую они назовут Матильда.

«Помни меня», – звенит у него в ушах.

Он вводит последние команды в консоль и сохраняет все, как только солнце встает над горизонтом. Зевая, он вытягивает руки и смотрит на маленький титановый жетон в руке. Когда его глаза закрываются от усталости, Джеймс улыбается.

«Ну, малыш, кажется, мы справились».

* * *

Он открывает глаза навстречу бостонскому утру.

Джеймс потирает отметины на лице на том месте, где уснул на клавиатуре. Мобильный вибрирует, показывая, что ему пришло несколько сообщений. Стивен входит с чашкой кофе и ставит ее на стол Джеймса.

– Ты что, всю ночь здесь проспал, Джим? Серьезно, прекращай уже. Тебя уже ждут на собрании. Пончики в комнате отдыха.

Джеймс кивнул и потер усталые глаза.

– Да, конечно. Сейчас буду.

Пока они обсуждают новый клиентский фидбек, все, о чем может думать Джеймс, – это самый странный сон, который он видел за всю свою жизнь. Детали от него ускользают, они тают с каждым мгновением. Когда встреча заканчивается и он подходит к начальнику, Джеймс пытается найти правильные слова, чтобы сказать. Все, что он может придумать, – это то, что он провел на работе всю ночь и должен пойти домой, чтобы нормально выспаться.

Когда Джеймс уходит с совещания, он решает провести время со своим сыном вместо того, чтобы просто лечь спать. Он знает, что это правильное решение. Такое же решение, как и любое из бесчисленных других, которые мы принимаем каждое мгновение, маленький выбор, который обуславливает все существование человека.

Выбор и результат.

Действия и последствия.

Зайдя в свой офис, чтобы забрать несколько вещей, он замечает какое-то сообщение на мониторе.

Там написано: «Здравствуй, мир!»

Благодарности

Спасибо Александру, Сергею, Крису, Скотту, Эвану, Светлане, Олесе, Тиму, Майку, Илье и Майклу. Без вашей помощи не было бы этой книги.

Алекс

Скотту и Эвану – без вашей помощи мы не смогли бы воплотить Киберсайд в реальность.

notes

Примечания

1

Жест благословения *(прим. ред.)*.